ОЛЕСЯ ЛАДАШЕВА

ЯРЛЫКИ

ОДНО
СЛОВО
МОЖЕТ
ИЗМЕНИТЬ
ТВОЮ
ЖИЗНЬ

РОМАН-АНТИУТОПИЯ

Олеся Ладашева
Ярлыки

https://litres.ru/74706174
SelfPub; 2026

Аннотация

В мире будущего общество поделено на касты и контролируется всемогущей организацией – Управлением. Управление утверждает, что каждый человек должен носить Ярлык, видимую всем метку, которая закрепляет за ним черты характера, поведение, слабости и недостатки. Каждый Ярлык становится клеткой, из которой почти невозможно вырваться. Люди верят, что от их природы и ошибок прошлого никуда не уйти – и это поддерживает контроль Управления.

Антон с рождения помечен Ярлыком ОШИБКА – отголосок семейных травм. Став взрослым, Антон смиряется с жизнью, полной страданий и безысходности. Но однажды он встречает Евгения – бунтаря, который утверждает, что люди могут изменить свои Ярлыки. Он убеждает Антона бороться за свою внутреннюю свободу.

В ходе борьбы Антон раскрывает страшную правду: Ярлыки это инструмент, созданный для манипуляции, подавления и стирания индивидуальности. Антон понимает, что должен бросить вызов не только собственным страхам, но и самому Управлению.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	36
Глава 4	64
Глава 5	93
Глава 6	108
Глава 7	149
Глава 8	161
Глава 9	206

Олеся Ладашева
Ярлыки

Глава 1

Антон зашёл в кофейню, чтобы хотя бы ненадолго отгородиться от мира, который раздражал его своей обыденностью. Странно было искать уединения в торговом центре, где с утра до вечера толпились люди, но здесь никто не пытался заговорить с ним без причины. Достаточно было занять столик в дальнем углу, заказать капучино и сделать вид, что происходящее вокруг его совершенно не касается. Он любил это место именно за возможность оставаться среди людей и при этом быть одному.

— Добрый день! Как обычно? — к нему тотчас же обратилась новенькая бариста. Раньше он её здесь не видел. Волосы девушки, когда-то переливающегося каштанового оттенка, теперь обесцвечены и испорчены попыткой стать блондинкой. Как у всех. Её образ дополняли нелепые розовые пряди, заколотые невидимками. На ней был фирменный болотный фартук с потёртым деревянным значком, изображающим чашку кофе.

Антон молчал. Он разглядывал ярлык на правой щеке девушки — **РАЗОЧАРОВАНИЕ**. Интересно, этот ярлык до-

стался ей от матери, или она сама его «налепила»? А может, кто-то другой разочаровался в ней?

Зуд на ноге вернул его в реальность.

— Простите, приготовить стандартный заказ? — девушка повторила вопрос, поймав его неуверенный взгляд.

— А вы, конечно, знаете, что я обычно беру.

— Капучино на миндальном молоке, без сахара, без сиропа, с корицей.

Антон невольно взглянул на небольшой экран возле кассы. Рядом с его заказом светилась фотография, сделанная при одном из предыдущих посещений. Он давно перестал удивляться подобным вещам. В городе, где даже утренний кофе становился частью цифрового досье, анонимность казалась такой же нелепой мечтой, как возможность однажды покинуть его пределы.

— Да, пожалуйста. Температура стандартная, — Антон отвернулся, поставив точку в разговоре.

Он сел за столик в дальнем углу. Мягкий свет ламп освещал глянцевые поверхности искусственного дерева, звуки торгового центра отдалённо вторгались через стеклянные стены.

Музыкальная колонка над головой заиграла очередной хит. Антон сперва сопротивлялся, плотно сжимая губы, но приставучая мелодия всё равно зазвучала в голове. Можно сколько угодно ругать современную музыку, но в итоге выучишь припевы каждой песни из топ-чартов.

Он снова почувствовал зуд, нагнулся к левой ноге и задрал штанину. Ещё один ярлык: **ОБРАЗОВАНИЕ**.

Полгода назад ему стукнуло двадцать один. После школы он так и не решил, куда хочет поступать. Зато сразу нашёл подработку: сначала официантом, потом бариста, затем устроился на автомойку к знакомому отца. И каждый считал своим долгом напомнить Антону о необходимости получить диплом. На почве поступления у них с отцом случилась ссора. Очередная. Отец Антона сам остался без диплома.

Открыл бизнес, но без красной корочки не получил поддержки инвесторов и быстро прогорел. Он залезал в долги, отдавал, снова занимал. Сейчас отец вёл жалкое существование авторемонтника, то же будущее без диплома он пророчил и сыну. Антон терпеть не мог отца, а спор о будущем только усилил их конфликт. Юноша был уверен, что его не ждёт ничего хорошего в этом городе, с дипломом или без, поэтому с выбором не спешил.

— Новый? — девушка с розовыми прядями с грохотом поставила на столик капучино.

— Вам какое дело? — буркнул Антон.

— А что на нём написано?

Антон удивился её наглости. Ярлыки были обычным делом. Шершавые, как наждачная бумага, они сливались с кожей, выделяясь только грязно-серыми буквами поверх. В этом городе каждый был под присмотром своего ярлыка.

Девушка стояла рядом. От неё шёл яркий аромат цитру-

сов, который навевал воспоминания из детства, сладкие и горькие одновременно.

— Там написано «образование», — признался он. Новый ярлык обжёг кожу.

— Решаете, куда поступать? — в её голосе звучала искренняя заинтересованность.

— Скорее, поступать ли…

— Тогда вам нужно поторопиться, а то другие сделают за вас этот выбор.

Она вернулась за стойку. Колокольчик над дверью брякнул, в кофейню вошли две смеющиеся подружки. Брюнетка заказала тыквенный латте, её подруга молочный коктейль. Вторая, блондинка с конским хвостом, сфотографировала коктейль с горкой взбитых сливок.

Антон допил капучино. Его новая знакомая уже крутилась рядом, вытирая и без того чистый стол.

— Смешные они, да? — она наклонилась ближе, чтобы остальные не услышали. Запах апельсинов снова выбил почву из-под ног молодого человека.

— Кто? — он взглянул на подруг.

— Они. Ладно, тыквенный латте, но молочный коктейль, когда на улице весь день дождь? И ради чего? Чтобы выложить фото в соцсети! Она ведь не допьёт его, калорий много, — девушка фыркнула собственной шутке.

— А у тебя разве нет такой фотки? — Антон усмехнулся в ответ.

— Такой нет. Зато есть сырники, самый трендовый завтрак, — бариста улыбнулась и спрятала тряпку в карман.

Она направилась к стойке, но Антон остановил её.

— Ты сказала, что выбор за меня сделают другие, — слова вырвались случайно. Он пожалел, но было уже поздно.

— А разве это не очевидно? — она села напротив. — Есть два варианта: либо ты выбираешь, пока ярлык не так назойлив, либо выбирают они. Так что решай, с какой профессией хочешь связать свою жизнь!

— Ты упустила третий.

— И какой же?

— Я никуда не поступлю. Я не хочу здесь учиться.

— И что будешь делать? — глаза девушки заискрились недоверием.

— Уеду, например. Разве ты не хотела бы свалить отсюда?

Аня перестала улыбаться. Она бросила быстрый взгляд на соседние столики, затем на камеру под потолком.

— Ты бы потише говорил о таких вещах.

— А что я такого сказал?

— Ты прекрасно понимаешь.

— Нет, не понимаю. Почему мы должны всю жизнь сидеть в этом городе? Ты никогда не задумывалась, что там, за стеной, может существовать что-то ещё?

— За городом тебя ждёт смерть. Ты же знаешь.

— Знаю только то, что нам об этом рассказывают.

Антон почувствовал, как раздражение подступает к гор-

лу. Ему хотелось продолжить, заставить девушку хотя бы на мгновение усомниться в привычных истинах. Но Аня уже поднялась из-за стола.

— Мне нужно работать, — сказала она и поспешила за стойку.

Антон опустил взгляд на пустую чашку. В воздухе ещё сохранялся лёгкий цитрусовый аромат, оставшийся после ухода девушки. Он попытался сосредоточиться на происходящем вокруг, но знакомый запах уже пробудил воспоминание, к которому он возвращался гораздо чаще, чем хотелось бы.

Ему пять. Мама вернулась со смены и принесла авоську ярко-оранжевых апельсинов с рынка. Разрезала один, сок брызнул в разные стороны, оставив на белой блузе бледно-рыжие пятнышки. Она протянула дольку, и мальчик с растрёпанными волосами впился в него зубами.

Это был очень сладкий апельсин. И последний вечер, когда Антон слышал смех мамы. На следующее утро он увидел на мамином лице синяки, которых вечером ещё не было., а вскоре отец ушёл из дома. Не навсегда, к сожалению. Он продолжал появляться в их жизни, обычно тогда, когда ему требовались деньги, и после каждого такого визита Антону казалось, что мать становится ещё немного тише.

Антон попытался удержать воспоминание, но подробности постепенно ускользали. Он уже не мог точно вспомнить, что было на матери надето в тот вечер, кроме белой блузы, и

какие слова она произнесла, протягивая ему апельсин. Остались запах цитрусов, её смех и чувство беззаботного счастья, которое он больше никогда не испытывал.

Каждую неделю память жителей подвергалась форматированию. Некоторые воспоминания исчезали бесследно, другие изменялись до неузнаваемости. Но с Антоном происходило нечто странное: он продолжал помнить события, которые после очередной процедуры должен был забыть. Иногда подробности тускнели, как и у любого человека, но сами события оставались на своих местах.

Он подумал, как легко Управление фиксирует каждую мелочь. В этом торговом центре, где любое касание экрана отслеживалось, он чувствовал, как его личное пространство растворяется. Каждый шаг, каждое слово становились частью цифрового наблюдения. Антон задался вопросом: «А действительно ли я свободен?»

Он вышел из кофейни, натянув капюшон. Холодный воздух щипал лицо, моросящий дождь оставлял разводы на куртке. Его шаги глухо отозвались на пустой улице. Он чувствовал себя частью этой пустоты. Мир казался далёким, чужим, словно он смотрел на него сквозь запотевшее стекло.

Путь до автомойки лежал через старый рынок. Проходя мимо фруктового прилавка, Антон заметил под выцветшим зонтом ящик с апельсинами. Он остановился. Плоды были крупными, с яркой, почти неестественно оранжевой кожурой. Антон взял один, поднёс к лицу и вдохнул знакомый

цитрусовый запах. На мгновение ему показалось, что он снова стоит на кухне рядом с матерью, а она смеётся, пытаясь оттереть сок с белой блузы. Он посмотрел на ценник и помедлил. Денег до следующей зарплаты оставалось немного, но Антон всё-таки выбрал несколько апельсинов и сложил их в авоську. Может быть, мама тоже вспомнит тот вечер. А если нет — хотя бы порадуется неожиданному подарку.

У ворот его ждал Павел Сергеевич. Он стоял, прислонившись к столбу, с сигаретой в углу рта. Антон почувствовал неладное, ведь просто так отец не появлялся.

— Антоша, — голос Павла был натянутым, с фальшивой приветливостью. — Подойди-ка.

Антон замер, напряжение скрутило мышцы живота.

— Чего надо? — буркнул юноша, не двигаясь с места.

— Деньги нужны, — отец скомкал сигарету и бросил на мокрый асфальт. Церемониться не входило в его планы. — Ты работаешь в этой дыре, ну так помоги отцу, дай пару бумажек.

— У меня ничего нет.

Павел прищурился:

— А это что? — он указал на авоську. — Деньги на всякую хрень есть, а отцу помочь — нет?

— Это для мамы, — Антон крепче сжал ручки авоськи. — Я не могу дать тебе ничего. В этом месяце ей сократили смены, и по счетам мы ещё не платили.

Отец усмехнулся, в голосе скользнула угроза:

— Тогда, может, я к ней наведаюсь? Ты знаешь, как она "любит" меня видеть. Уверен, обрадуется.

Антон почувствовал, как застучала кровь в висках. Он сделал шаг назад, но отец вырвал авоську и с силой швырнул её в грязь. Апельсины разлетелись в разные стороны.

— Забирай это дерьмо! — бросил Павел. — Я всё равно наведаюсь к твоей мамашке и возьму своё!

Антон опустился на корточки и принялся собирать апельсины. Один укатился под припаркованную машину, другой лопнул от удара, оставив на мокром асфальте липкое пятно. Он потянулся за третьим, но остановился: отец всё ещё стоял рядом, словно ждал, что сын наконец сорвётся, закричит или бросится на него с кулаками. Антон не доставил ему такого удовольствия.

— Ты ошибка, понял? Ошибка! — выплюнул Павел Сергеевич. — Как и твоя мать. Вы две самые страшные ошибки в моей жизни!

Антон продолжал собирать фрукты, пока шаги отца не стихли за воротами автомойки. Только тогда он выпрямился и посмотрел на испачканную авоську. На ноге под штаниной неприятно зудел ярлык «ОБРАЗОВАНИЕ». Где-то под одеждой оставалась и другая метка — «ОШИБКА». Антон давно привык к её присутствию, но сейчас впервые поймал себя на мысли, что не хочет нести её дальше.

Он вытер ладони о куртку, поднял авоську и направился к воротам. Ему ещё предстояло отработать смену, а вече-

ром вернуться домой и объяснить матери, почему апельсины оказались в грязи. Впрочем, возможно, объяснять ничего не придётся. Мать слишком хорошо знала, на что способен Павел Сергеевич.

Глава 2

Утром Антон проснулся с привычным чувством пустоты, ставшим ему верным товарищем. Мама ушла на смену, она работала санитаркой в больнице. На кухонном столе лежала записка: она на скорую руку приготовила завтрак. Его ждали два бутерброда с заветренной ветчиной. Антон поставил тарелку в холодильник, аппетита не было. Накинул черную ветровку, натянул капюшон толстовки и пошел в сторону торгового центра.

На первом этаже центра располагалась небольшая кофейня, которую Антон полюбил, будучи учеником 9 класса. Здесь он прогуливал информатику, литературу, физкультуру и труды, считая эти уроки пустой тратой времени. Антон по натуре скрытый, замкнутый, и частые переезды способствовали отсутствию у юноши друзей. Где бы он ни находился, всегда чувствовал себя чужим. На территории чёрного народа, Антон боялся заводить близкие знакомства, чтобы не казаться не таким.

Каждый вечер в 21:00 телефон Антона, как и телефоны всех жителей, автоматически подключался к прямому эфиру из фракции избранных. Блогеры, артисты и другие медийные фигуры рассказывали историю возникновения города, разделения на фракции, агитировали стать частью их идеального мира, быть избранным. Антона пугали всегда улыба-

ющиеся, искусственные, словно пластиковые игрушки, лица жителей фракции избранных. Иногда человека чёрного народа забирали агенты Управления и перенаправляли к избранным куклам за «хорошее поведение», критериев отбора никто не знал. Пока все лелеяли надежду выбраться из каменных джунглей и перебраться в голографическую помойку, Антон тешил себя мыслями о побеге, пусть даже и за пределами стены его ждет смерть, какая разница, если ты давно мёртв внутри.

Антон окинул взглядом серые улицы, покрытые графитовым настилом. Солнце почти никогда не показывалось из-за плотного смога, даже летом. Оно изредка выглядывало ранним утром, но потом снова пряталось, будто не желая смотреть на мрачные серые лица горожан.

Антон перешёл главную улицу и направился к пятиэтажному полукруглому центру, напоминавшему детскую постройку из LEGO, только в серо-белых тонах.

Стеклянные двери торгового центра – два интерактивных экрана с рекламой магазинов и товаров. На них крутились тизеры к новым шоу. Любой посетитель мог коснуться экрана, чтобы посмотреть ролик магазина, перейти в каталог, переслать товары в виртуальную корзину на своём телефоне или прочитать отрывок новой книги. Антон знал, что это маркетинговый трюк: едва коснёшься экрана — отпечаток пальца или Face ID улавливается, и маркетологи получают доступ к твоим данным, чтобы запускать нужную рекламу.

Они знают, что ты смотришь, любишь и делаешь, наблюдение ведётся 24/7.

Разинув «пасть», двери впустили Антона в длинный блестящий коридор. Он шёл по торговому центру, чувствуя, как люди вокруг двигаются в слаженном ритме — упорядоченно, без суеты. Гладкие поверхности, мягкий свет, отточенные движения сотрудников магазинов. Ни одного случайного столкновения, ни одного потерянного взгляда.

Перед стеклянной витриной с манекенами он замедлил шаг. Отражение показывало его — и будто не его. В толпе позади никто не задерживал взгляд. Все шли вперёд, уверенные в своих направлениях. А он?

Рядом прошла женщина с ребёнком. На запястье мальчика вспыхнул зелёный индикатор — родительский контроль. Женщина не обернулась, ведь она знала: система ведёт его рядом.

Антон задержал взгляд на зелёном индикаторе, вспыхнувшем на запястье мальчишки. Его позабавила сама мысль о том, что контроль здесь начинается с детства, контроль — это часть жизни, посредственность, как и сама жизнь в этом закрытом проклятом городке.

Его детство нельзя назвать счастливым. Отец то и дело срывался на них с матерью из-за безработицы и вечной нехватки денег. Крики, бьющаяся посуда, зловонное дыхание, стон и слёзное мычанье были для Антона привычнее школьного звонка. Иногда он возвращался домой и видел,

как мать сидит у окна с синяком под глазом, прикладывая к щеке пакетик замороженных овощей. И всё равно она молчала, терпела, словно верила, что когда-нибудь всё изменится.

Но сильнее всего его мучило другое — он не понимал источника её стального терпения. Он не понимал, откуда в ней берётся вера во что-то хорошее, когда вокруг происходит только плохое. Со временем Антон понял – дело не в вере и надежде на лучшее, а в смиренности, преклонении судьбе. И от этого щемило в груди.

В какой-то момент ему даже стало казаться, что мать подменили. Сначала она ещё пыталась спорить, вставала на защиту сына, а потом смолкла. Тень вместо человека, пустая оболочка, которая жила рядом с ними. И он, ребёнок, чувствовал вину за то, что мать перестала улыбаться. Словно это он разочаровал её, словно именно он оказался лишним в её жизни. Эта мысль засела глубоко, и он носил её с собой годами, меткой на коже. Чувство, которое сидело внутри, вырвавшись наружу, стало ярлыком.

Он направился к эскалатору, чтобы подняться на 4-ый этаж. Здесь были магазины детских товаров, бытовых вещей и один единственный на районе книжный. Внутри почти никого не было, кроме продавца, прыщавого студента, и пожилого человека в забавной шляпе и штанах с подтяжками.

До полной изоляции от прошлого мира Антон любил смотреть вестерны и фильмы про индейцев. Русское кино

тоже было ему по душе: «Брат», «Особенности национальной охоты», «Асса», пока искусство не стало недоступным. В мире, в котором жил Антон, люди не читали художественных книг, не писали картин — им были чужды такие развлечения. Можно было смотреть шоу по телевизору и на просторах интернета, его мать могла часами смотреть тридцатисекундные клипы. Но никаких художественных фильмов: старые исчезли, а новые снимать было некому, люди разучились фантазировать, грезить. Мечты приравняли к грехам.

Антон любил читать. И сильно скучал о книгах. В детстве он с удовольствием слушал сказки, которые рассказывала мама перед сном. Последняя книжка про Тома Сойера исчезла из их квартиры около пятнадцати лет назад, когда Антону было шесть. Вместе с появлением синяков на теле матери, исчезли и истории перед сном. Теперь книги, которые блистали на полках, выпускались инфлюенсерами по заказу Управления. Истории исчезли из жизни людей, а вместе с ними — и человеческие истории. Без них пропал и интерес к жизни.

Истории всегда поражали Антона способностью расширять границы возможного и давать волю фантазии. Нет, с фильмами такой трюк не прокатит, особенно сейчас, когда в мире столько постороннего шума. Книга заставляла забыть обо всём и читать до последней страницы. Он скучал по этому ощущению, когда история затягивает в новый, незнакомый мир и даёт шанс примерить любую роль, пережить чу-

жой опыт и научиться новому.

Антон подошёл к столу с табличкой, где кричащими красными буквами было выведено: «Лидеры продаж». Несколько лет назад он грезил стать писателем, втайне записывал собственные истории в клетчатую тетрадь. Но мечты рухнули, когда с полок убрали некогда выдающихся авторов, а за их распространение следовала уголовная ответственность.

Книги больше не принадлежали людям, теперь это были лишь глянцевые игрушки для тех, кто привык верить экранам. Он машинально провел пальцами по корешкам, будто веря, что его прикосновения способны перепечатать историю внутри.

— Паршивый выбор, да? — незнакомый низкий голос прозвучал совсем близко.

Антон обернулся. Мужчина в нелепой шляпе и подтяжках стоял так, будто сошел с кинопленки старого фильма, случайно забредшего в этот стерильный мир. На вид лет сорока пяти, может, пятидесяти, глаза серые, цепкие, смотрели на него интригующе, с огоньком интереса, давно потухшем в глазах черного народа.

— Да уж, — выдавил Антон, стараясь произнести это как можно равнодушнее. — Другого я и не ждал.

— Любишь читать?

Он хотел отмахнуться, но слова застряли в горле. Всплыло — детство, двор, крики, разбитая посуда, мать с потухшими глазами. Тетрадь, вылетевшая в окно. Голос отца: «Ошиб-

ка». Всегда. Он сглотнул.

— Любил, — ответил он тихо, как будто сам себе.

Мужчина кивнул. И кивок этот был не из вежливости, а будто он прочитал в интонации голоса юноши больше, чем сам Антон сказал.

— Тогда я могу показать тебе другое место, — произнёс он негромко, и голос его был как низкая нота, тревожная и манящая. — Там есть книги, которых ты больше нигде не увидишь.

Антон замер. В груди что-то кольнуло, не радость — тревога. Книги. Новые книги. Его тянуло и одновременно отталкивало. Он не смел верить в такую удачу.

— Почему… вы подошли именно ко мне? — спросил он осторожно, пряча подозрение за ровной интонацией, но вибрации в голосе выдавали его с потрохами!

— Потому что видел, как ты смотришь на них. Этот взгляд не подделаешь, — мужчина чуть улыбнулся. Но глаза остались серьёзными. — Я когда-то тоже смотрел так.

Внутри Антона кольнуло сильнее. Он хотел отшатнуться, отойти, убежать, но ноги не слушались. Серые глаза незнакомца будто поднимали на поверхность то, что он прятал годами: злость, желание, вину, любопытство. Ураган чувств разрывал его сердце в разные стороны.

— Тебе ведь не всё равно, — продолжил мужчина, делая шаг назад, словно оставляя пространство для дыхания. — Я это вижу.

Антон сглотнул, горло задергалось, будто в нём застрял ком. Он хотел сказать «всё равно», но язык не смел шевелиться. В голове вспыхнули лица соседей: мать и отец той девочки, которых вывели агенты за то, что они прятали книги. Тогда он стоял во дворе, босиком на потрескавшемся асфальте, и слышал крики, которые глохли в бетонных стенах. Наутро их квартира была пуста, дверь запечатана Управлением.

С тех пор он знал: книги опасны. И всё же стоял здесь, смотрел на обложки, будто хотел услышать их дыхание, словно это книги дадут ему разрешение быть собой.

— Вы предлагаете… — он запнулся, голос незнакомца. — Что именно?

Мужчина склонил голову вперед, шляпа закрыла половину его лица. Он улыбнулся — едва заметно, устало.

— Не предложение, — сказал он тихо, так, что Антону пришлось наклониться ближе. — Я предлагаю тебе выбор, только тебе решать.

Это сладкое запретное чувство выбора.

Антон почувствовал, как все ярлыки зашевелились разом. Как змеиный яд, обжигали они холодом, бросая тело в жар. Новое чувство захлестнуло его разум, опьяняющее чувство свободы – только грань меду реальностью и надуманным оказалось не различить, в эту свободу трудно верить, когда всю жизнь ходил с цепями на руках.

— Почему я? — спросил он, не узнавая свой собственный

голос.

— Потому что ты всё ещё способен задавать вопросы, — незнакомец встретил его взгляд, и в серых глазах мелькнула странная смесь грусти и надежды. — А значит, ты ещё жив.

В книжном воцарилась тишина. Даже яркий свет ламп казался приглушённым. Антон стоял, не в силах отвести глаз от этого человека, который вдруг обнажил его сокровенные мысли.

В груди боролись две силы: страх и любопытство.

Антон окинул взглядом бездушные страницы с черными каракулями. Ну разве то были книги? Обложки, ровные ряды, одинаковые послания — язык мёртвых. На плечи юноши снизошла вселенная усталость, под тяжестью которой он сгорбился, желая спрятаться от свободы. Впервые он мог сделать выбор. Мужчина повернулся к нему спиной:

— Меня зовут Евгений, было не учтиво с моей стороны не представиться сразу.

— Антон.

Мужчина не торопился продолжить диалог, будто проверял, сможет ли Антон выдержать эту тишину. И только потом заговорил, низко и спокойно:

— Сегодня вечером. Нижний ярус парковки. Если решишь, что хочешь узнать больше, приходи. Я буду ждать тебя ровно 5 минут, не придёшь – мы не увидимся никогда.

Антон встрепенулся. В голове вспыхнули все варианты: засада, агенты, форматирование памяти. Но вместе с ни-

ми вспыхнуло другое — болезненное, невыносимое желание услышать правду, хоть каплю правды.

— Почему я? — выдохнул он.

Евгений шагнул ближе, так, что Антон ощутил запах его одежды — смесь табака и старой кожи. Серые глаза смотрели прямо, без намёка на шутку.

— Потому что как бы ты не старался быть как все, ты выделяешься и выделяешься ещё больше своим старанием выглядеть как толпа, — тихо сказал он, — но ты как гусь среди кур.

Он развернулся, уходя, поставив точку в разговоре.

Антон остался стоять у стеллажа, чувствуя, как колотится сердце. Пальцы сжимали глянцевый том, и казалось, что обложка живая, тёплая.

Он не заметил, как выдохнул вслух:

— Сегодня вечером…

Он вспомнил детство: в школе он чувствовал, что не такой, как остальные. Не потому, что хуже или лучше, он просто ловил взгляды: настороженные, изучающие. Ощущение, что его оценивают иначе, никогда не исчезало. Даже сейчас. *Чувствуешь это.* Он чувствовал. Всегда.

В груди сжалось — не от страха, от чего-то тревожнее. Если копнуть глубже, к чему он придёт? Всю жизнь он жил по правилам, не задавая лишних вопросов. А если всё, что он считал правдой, — лишь удобная иллюзия?

Антон стоял среди полок, чувствуя, как вокруг всё стано-

вится незначительным, и в то же время приобретает странный смысл. Он решил заглянуть в кофейню, которая была для него оплотом стабильности. Гул торгового центра внезапно стал отдалённым, будто звучал из-под воды. Внутри было почти пусто: за дальним столиком сидел мужчина с планшетом, за стойкой — та же бариста, что и вчера.

Она подняла глаза, узнала его и на миг замерла. Затем привычным движением убрала прядь розовых волос за ухо.

— Капучино на миндальном?

Её голос был спокоен, но взгляд задержался на нём дольше, чем нужно. Антон кивнул, не сразу находя слова. Он чувствовал себя неправильно, будто фундамент внутри него дал трещины, а он всё ещё пытался удержаться на нем.

— С тобой всё в порядке? — спросила девушка, набирая заказ на панели планшета.

— Как думаешь, можно жить всю жизнь, зная, кто ты, а потом за один день понять, что ты — совсем не тот?

Она приподняла брови, в лице не было удивления, только лёгкая тень понимания.

— Думаю, это зависит от того, хочешь ли ты узнать, кто ты на самом деле.

— А если мне страшно?

— Значит, тебе есть что терять.

Она поставила перед ним капучино на миндальном. Он опустил глаза: на картонной поверхности темнела пена. Он не знал, чего ждал от разговора. Возможно, просто хотел

убедиться, что не один.

— Ты…

— Аня. А тебя как зовут?

— Антон. Ты ведь знаешь, что всё это ненормально?

Она едва заметно напряглась, но не отвела взгляда.

— Что именно?

— Всё, — он провёл рукой по воздуху, будто очерчивая кофейню, торговый центр, весь этот город. — Будто нас записали на чистый лист, но вместо нас пишут что-то другое.

Аня помолчала:

— Вчера, когда ты заходил, я подумала, что ты… другой. Не знаю почему.

— А ты? Ты тоже думаешь, что можешь быть другой?

Аня опустила глаза:

— Знаешь, мой ярлык — «РАЗОЧАРОВАНИЕ». Кажется, будто я сразу родилась с ним: мать не хотела меня. Мне говорили, что я разочаруюсь во всём: в системе, в людях, в себе. Разочаруюсь сама, и разочарую всех вокруг. Наверное, так и есть. — Она вздохнула. — Но знаешь, что я поняла?

— Что?

— Разочарование бывает только там, где когда-то была надежда.

Антон крепче обхватил картонный стаканчик. В её словах было что-то, что задело его сильнее, чем он ожидал. Он кивнул, взял кофе и направился к выходу. Перед тем как выйти, обернулся:

— Аня.

Она подняла глаза.

— Спасибо.

Она лишь слегка улыбнулась в ответ.

Антон вышел, чувствуя, как внутри что-то сдвигается. Оставшись один, он ощутил лёгкую дрожь в ногах, и вместе с тем неожиданное ощущение свободы и эмоциональный подъём. Он ещё не знал, что его ждёт, но впервые за долгое время чувствовал, что идёт туда, где его настоящее. Впервые за долгие годы он ощутил внутри не пустоту, а живое бьющееся сердце, не **бездушную оболочку**, которую носили здесь все.

***

Вечером Антон поцеловал маму, сказал, что взял ночную смену на автомойке, и ушёл, так и не притронувшись к ланчбоксу, который она собрала. Когда его губы коснулись шершавого ярлыка на её щеке, сердце сжалось. Он сделал выбор и понимал: сегодня может быть их последняя встреча. Он верил, что на парковке торгового центра его могут ждать агенты. С этой мыслью он и шёл к месту встречи, сомневаясь в каждом шаге.

К облегчению Антона, парковка пустовала, а пожилой незнакомец ждал у лифта.

— Добрый вечер, Антон! — Евгений жизнерадостно помахал юноше. — Я рад, что ты пришёл.

— Честно говоря, я ждал агентов.

— Но ты здесь! Почему?

— Не знаю. Наверное, это лучше, чем жить с вопросом: «А что было бы, если…»

— Ты прав. Для тебя это может быть удивительно, но в этом городе люди живут без альтернативы выбора. И они не думаю в таком ключе…Сейчас зайдём в лифт. Постарайся не удивляться. И придай своему выражению лица посредственный вид.

Евгений не изменял образу, в котором юноша встретил его в книжном: широкополая фетровая шляпа, накрахмаленная бордовая рубашка и тёмно-коричневые широкие брюки на подтяжках. Волосы торчали в разные стороны, как прутья метёлки, борода намазана блестящим маслом. Он несколько раз нажал кнопки на серебряной панели — мимо. Антон уже хотел помочь, но двери металлической кабины захлопнулись. Лифт поехал вниз.

— Почему мы едем вниз, если паркинг это последний этаж?

— Есть ещё нулевой этаж, технический. О нём мало, кто в курсе.

— И даже агенты ни разу не сунули своих носов?!

— Скажу без лишней скромности: нет, они не знают, — Евгений не скрывал удовольствия, удивление Антона забавляло мужчину. — Этот лифт доставит нас в особенное место, Антон, к людям, которые давно тебя ждут.

— Меня? — Антон скривил рот в усмешке. — Не думаю,

что они обрадуются, когда вы привезёте меня.

— Может, ты и простой юноша, зато твой мозг — уникален, и он нам нужен. Наверное, я выразился неудачно: не переживай, опыты проводить не будем, — Евгений рассмеялся и тут же посерьезнел. — Пока до нас не добрались агенты, нужно ввести тебя в курс дела. А сейчас, прости, я вынужден сделать то, что тебе не понравится.

Антон почувствовал укол в правом плече. Его затошнило, голова закружилась — и он провалился в кошмар, который, казалось, длился вечно.

***

Антон пришёл в себя, голова раскалывалась как после похмелья,низ живота тянуло. Во рту металлический привкус; наверное, прикусил язык, когда потерял сознание. Он размяк в мягком кресле за круглым деревянным столом; на столе стоял стакан воды. Напротив него сидел Евгений.

— Прости, я был вынужден провернуть такой трюк, чтобы ты не запомнил путь сюда, и агенты не смогли его отследить.

— Чёрт, надо предупреждать! Живот тянет…

— О, прости. Вот, держи, — Евгений протянул пластинку с белыми крошечными таблетками. — Быстро поставят на ноги.

— А что вы мне вкололи?

— Всего лишь сильнодействующее снотворное. Ты отключился на четыре часа, сейчас почти два ночи. Может, хочешь выпить?

— Мы вообще где?

— Что тебе напоминает это место?

Антон окинул взглядом небольшое полукруглое помещение, обшитое деревянными панелями. На расстоянии пары метров друг от друга висели металлические светильники, излучающие слабый желтоватый свет. Слева тянулась неказистая барная стойка, за ней длинный, как пожарный шест, кучерявый парнишка разливал пиво. У стойки болтали двое мужчин. Вокруг ещё несколько столиков, занимаемых посетителями.

— Ну, пивнушка, бар, не знаю. Таких много в городе, — сказал Антон. — Правда, работают они только до девяти.

— Да. Но круглосуточная пивнушка легальнее, чем нелицензированный книжный магазин. Если агенты и прознают, то увидят лишь подвал несанкционированного заведения с алкоголем и закусками, хозяин которого избегает налогов, лишней суеты и хочет подзаработать. Да, заплатит штраф, зато никому не сотрут личность. И мозги в котелке не сварят! Шучу, шучу!

— Вас не смущает, что бар находится на секретном этаже под торговым центром?

— Это старый сервисный лифт. На плане его нет: шахту законсервировали после реконструкции. Мы перехватили реле, и он снова возит тех, кому нельзя наверх. Скрытые ходы нашли сталкеры: переходы под землёй связывают всю канализацию города; они из эпохи прошлого мира. Здесь

не придраться. Прости, должен оставить тебя на пять минут. Кирилл! — крикнул Евгений парню за стойкой. — Удели внимание нашему гостю в моё отсутствие.

Антон проводил Евгения взглядом к столу, где сидела невысокая хрупкая женщина с пышной шевелюрой. В этот момент перед ним опустилась кружка пива.

— За счёт заведения, друг! — сказал бармен.

— Спасибо. В свете всех событий не откажусь. Слушай, ты давно знаком с Евгением?

— Да. А что?

— Я пока вообще ничего не понимаю! И всё ещё тошнит от дряни, которую он вколол.

— Эх… вот, возьми, — парень протянул Антону жёлтую капсулу. — Не бойся, поможет. Это лучше, чем белые подружки, которых он тебе втюхал. Прими, прими, не ссы!

— Ага. — Антон спрятал капсулу в карман и отхлебнул из кружки. — Ты можешь хоть что-то рассказать об этом месте?

— Добро пожаловать в мой бар! Шутка. Но бар — правда моя идея. Это одна из точек Сопротивления. Скоро Женя познакомит тебя с остальными.

— Это что, клуб по интересам?

Кирилл задрал футболку, не смутившись. От рёбер до пупка тянулся розовый уродливый шрам.

— Может, слышал про Изгоев?

Антон учился в школе и знал легенду про Восстание, про Изгоев и лагерь Сопротивления. Всегда считал, что люди, ко-

торые сдирали с себя ярлыки вместе с кожей и плотью, выдумка Управления для запугивания горожан.

— Прости, но пока не понимаю.

Кирилл повернулся спиной и снова задрал футболку. От правого плеча к левой лопатке шла алая, не успевшая зажить рана. Антон застыл, не в силах оторвать взгляд. Сердце сжалось: смесь ужаса, боли и удивления захлестнула его. Ноги стали ватными, в горле поднялся комок. Он никогда не видел, чтобы кто-то пытался избавиться от ярлыка, хотя и сам задумывался об этом и не раз. Это казалось немыслимым. Но Кирилл решился. Почему? Хотелось кричать и задавать тысячу вопросов, но слова застряли на губах. Осталась одна мысль: *он это сделал… а я бы смог решиться?*

— Ты содрал ярлык. — Антон захрипел, откашлялся. — И он исчез?

— Да, но на время. а ещё это очень больно! Они как вторая кожа: прорастают сквозь тело к мясу, которое вырываешь вместе с этой «бумажкой». Но самое отстойное, что они возвращаются, отрастают поверх шрамов.

— Я хочу спросить, но ты не обязан отвечать…

— На животе у меня был ярлык «АЛКОГОЛИК», а на спине — «НЕДАЛЕКИЙ». Вот мой папаша был недалеким. И алкоголиком. Его мать, моя бабка, твердили, что и я с малых лет к стопке приложусь. Так и случилось: в четырнадцать попал в плохую компанию и дальше, как по накатанной, пока не познакомился с Евгением. Можно сказать, он

меня, как щенка, с улицы подобрал.

— Я всегда считал, что никого из Сопротивления не осталось. Думал, всем давно расквасили мозги или завербовали. А если честно, был уверен, что вы всего лишь глупая детская страшилка Управления.

— Пришлось залечь на дно. Эх, ладно, давай я сам тебе покажу. У той парочки голубков разговор надолго.

Кирилл встал. С одного шага своих длинных, как шпалы, ног оказался за барной стойкой. Замер перед серой стеной с облупившейся штукатуркой и оглянулся на Антона, который топтался позади, пряча нервозность за нейтральным выражением лица.

— Ты готов? — усмехнулся Кирилл.

— Готов к чему? — Антон сдвинул брови, в голосе скользнула подозрительность.

Кирилл не ответил. Он протянул руку и нажал на едва заметный выступ в стене — похожий фокус Евгений проделал в лифте с невидимыми кнопками. Послышался лёгкий щелчок, будто замок поддался невидимому ключу. Секунда — и часть стены отъехала, открывая проход. Темнота пахла пылью и старой бумагой.

— Добро пожаловать, — тихо сказал Кирилл, зажигая фонарь и входя внутрь.

Антон замешкался, но последовал за ним. Глаза привыкли к тусклому свету, и перед ним открылась тесная комната, заставленная книгами до потолка. Полки, кое-где подпертые

кирпичами, сгибались под тяжестью хрупких томов. Порядка не было: книги громоздились на полу, в коробках, в углах. Царство хаоса, и вместе с тем здесь явно чувствовалась сама жизнь, свобода.

— Это всё… запрещённое? — голос Антона сорвался почти на шёпот.

— Каждая страница, — с гордостью ответил Кирилл, проводя пальцем по корешкам. — Здесь истории, которые Управление пыталось стереть. У каждого из этих авторов был ярлык, который потом исчез. Мы храним их работы, потому что они важны. Это истории людей из прошлого. И не только.

Антон осторожно взял в руки потрёпанный том с потёртым переплётом. Сердце забилось чаще.

— Они… действительно пытались сохранить всё это?

— Люди не могли просто перестать писать, — Кирилл посмотрел на него. — Запомни: если ты можешь мечтать, ты можешь создавать. Иначе нас ждёт одна серость.

Антон протянул руку к корешку: *Туве Янссон. «Муми-тролль и комета».* Страница за страницей, и перед ним оживали белые сказочные существа, похожие на маленьких бегемотов.

— Что ты видишь? — вернул его голос Кирилла.

— В смысле?

— Ты читаешь, и через пару страниц уже не замечаешь букв, верно? Ты видишь картинки.

Антон кивнул: в воображении ещё плясали муми-тролли, забавные белые картошинки с длинными хвостами с кисточкой на конце.

— А я нет. Читаю, а перед глазами только текст. Без воображения вся магия книги умирает. Смысл не видеть буквы, а переноситься в мир и на время становиться его частью. Мы разучились фантазировать, Антон. Мы как запрограммированные машины: набор звуков, букв и больше ничего. Евгений считает, что ты сможешь помочь взломать систему **Управления** и изменить режим, вернуть нам утраченное право быть личностью. Пока мы пляшем под их дудку, пока на наших телах есть ярлыки, мы не изменим свою жизнь. Тебе трудно понять, но каждый мой день сер, будто все краски убрали. Только серость и грязь. Жить без грёз, всё равно что жить без надежды. Я не могу вообразить ничего. Стоит попытаться, в голове белый шум… Я не история, в отличие от тебя.

— Но у тебя же получилось снять ярлык!

Кирилл закатал штанину: левое бедро было обмотано окровавленным бинтом. Он сдёрнул бинт и швырнул в сторону. Сквозь шрам, покрытый запёкшейся кровью и расползшимися буквами, уже прорастал новый ярлык. Антон отшатнулся, подавляя рвотный позыв.

— Ты срываешь их, как выбрасываешь фантик от конфеты. Но проблема в том, что конфета уже внутри, — криво усмехнулся Кирилл. — Неудачное сравнение, но суть ты по-

нял.

Вдруг сверху послышался шум: глухие удары и приглушённые крики. Антон выронил книгу и резко обернулся.

— Что это?

Кирилл нахмурился, прислушиваясь:

— Облава, — прошептал он и схватил Антона за руку.

— Что?! — только успел крикнуть молодой человек.

Они рванули к выходу, в проходе их встретил запыхавшийся Евгений; лицо искажено проступающей пульсирующей веной.

— Вам нужно уходить. Сейчас же!

— А ты? — Кирилл дёрнул головой в сторону шума.

— Я закрою двери, чтобы они сюда не добрались, задержу, не думайте обо мне, Кирилл, ты знаешь.

Евгений рванул за собой массивную дверь, едва не придавив Антона. Через мгновение раздался оглушительный треск, агенты ворвались в бар. Антон застыл; сердце грохотало, как барабан.

— Идём! — резко бросил Кирилл, увлекая его в глубину потайного помещения.

Книги, темнота, звуки облавы — всё смешалось, пока Антон следовал за Кириллом, гадая, станет ли это место его спасением или могилой.

Глава 3

Аня коснулась ярлыка на щеке, он уродливо рассекал правую половину её лица. Воспоминания отозвались болезненным эхом в груди, сжали, не давая вдохнуть: на кухонном столе пустая бутылка из-под водки; мать бросает бычок в открытую форточку; отец листает её школьный дневник с глуповатой ухмылкой. Аня стоит в дверях, побелевшие пальцы сжаты в кулаки. Её сотрясает дрожь. На ресницах, как роса, стекает слеза, оставляя солёные разводы на коже. Она не слышит слов, но знает речь наизусть. Отец швыряет дневник в форточку, мать громко гогочет. На секунду их отвлекает ругань соседа с балкона, Аня бесшумно проскальзывает в свою комнату и подпирает дверь стулом.

Она швыряет подушку в сторону и забирается под холодное одеяло. Щёку пронзает боль. Трясущимися пальцами Аня ощупывает лицо и тут же отдёргивает руку: жёсткая, как наждачная бумага, полоса обжигает. Из сумочки под кроватью девочка вытаскивает маленькое зеркальце, на коже едва проступают чернила: **«РАЗОЧАРОВАНИЕ»**

Смена в кофейне закончилась полчаса назад. Аня выключила кофемашину, протёрла столики влажной тряпкой и забрала с витрины списанный сэндвич с курицей. Срок годности истекал в полночь, идеальный ужин. Она не торопилась уходить: вчера не нашла денег за съёмную комнату, се-

годня хозяйка закатит скандал. Домой возвращаться нельзя: от воспоминаний о прокуренном белье и едком запахе жженого спирта сводило желудок.

Стрелка часов лениво доползла до 23:00. Пора уходить: охрана скоро закроет центр, а ночевать здесь не разрешат. Аня сняла фартук, ещё раз проверила оборудование и вышла через служебный вход с покосившейся табличкой «Staff only». Проезжую часть заполняли машины с водителями, уткнувшимися в смартфоны — казалось, экраны вот-вот засосут их лица. Аня достала из кармана чёрной куртки пачку ментоловых сигарет. Одна затяжка, другая, во рту вяжущий вкус дыма и вместе с ним разъедающее чувство одиночества. В сумке запищал телефон.

— Вот чёрт…

Днём Аня написала знакомому с просьбой заночевать. Ответ пришёл только сейчас: «прости, не сегодня».

Придётся незаметно вернуться в торговый центр и закрыться в служебной коморке кофейни, маленькой комнате с ведром, шваброй и бытовой химией. Пару раз ей уже удавалось там ночевать: не отель, но лучше, чем мотаться по ночным улицам.

На выезде с парковки Аня заметила двух агентов. Чёрные костюмы облегали плотные фигуры. Мужчины спорили на повышенных тонах, даже отсюда были видны их сжатые от напряжения скулы и пульсирующие на висках вены. Нарваться на проблемы не хотелось, но другой дороги внутрь

нет: центральные двери закрыты, а на парковку есть круглосуточный доступ. Придётся подождать, пока они закончат разборки, а потом проскользнуть на подземный уровень и в кладовку. Пока — ещё одна сигарета.

***

Антон шёл за Кириллом по слабоосвещенному коридору. По стенам, как змеи, извивались канализационные трубы. Воздух был тяжелым и сырым; казалось, пыль оседает прямо в лёгких и стягивает грудь. Уже около двадцати минут они шли быстрым шагом, не задерживаясь.

— Ты слышал выстрелы? — первым нарушил тишину Антон.

— Да. Пневматика. У агентов нет огнестрела, не имеют права его применять. Они же типа добрые!

— Есть шанс, что тех людей не убьют?

— Конечно, не убьют. Им сотрут память. Быстрая смерть была бы милосерднее, чем «промывка». Ты задумывался, как они стирают личность?

Антон промолчал.

— Тебя, как подопытную крысу, увозят в лабораторию Управления, — Кирилл говорил сухо. — Никакого СПА. Чья-то психика не выдерживает, и мозг будто «закипает» в черепе.

— И что с ними происходит потом?

— Никто не знает. Может, так и остаются крысами в клетках. А может эти сволочи научились заметать следы.

Антон резко остановился.

— Ты чего? Нам надо выбираться! — Кирилл хотел подтолкнуть его в плечо, но тот отпрянул и прижался спиной к стене.

— Куда мы вообще идём? Думаешь, агенты нас не найдут? — паника подступила к горлу.

— Дай телефон, а то мой сел. Фонарик нужен. Дай телефон, говорю, ща передохнем.

— Чего?

— Телефон, Антон.

Поколебавшись, Антон протянул мобильник. Кирилл без слов швырнул его на пол и несколько раз наступил.

— Ты что творишь?!

— Твой мобильник транслирует геолокацию в **Управление**. Не переживай, свой я тоже разбил, как только нас накрыли.

— Ты хоть знаешь, сколько ещё идти?

— Эти тоннели связывают всю канализацию города. Выберемся. Идти есть куда, — Кирилл ободряюще подмигнул, и это странно успокоило.

Через час бесконечных поворотов Антон перестал их считать. Из-за сырости не хватало воздуха; голова кружилась, тело ломило. Он коснулся края футболки Кирилла, показывая: нужно передохнуть. Тот молча кивнул и присел.

Антон стянул влажную от сырости куртку, снял толстовку и бросил её Кириллу, блуждающему в одной футболке.

— Лови.

Кирилл с облегчением натянул тёплую вещь; улыбнулся, но во взгляде читалась настороженность.

— Давно ты знаком с Евгением? — Антон искал тему, чтобы отвлечься от липкой тревоги.

— Лет восемь, — Кирилл откинулся к стене, голос потеплел. — Он привёл меня в **Сопротивление**.

— Как оно появилось? Хочу знать всё с самого начала.

Кирилл коротко кивнул, собираясь с мыслями:

— Точно никто не скажет, когда всё началось, но та катастрофа, из-за которой прежний мир перестал существовать, не была случайной. Биологическое оружие уничтожило практически всё: людей, животных, растения. Выжившие мутировали, началась новая, жестокая эпоха. Когда мир трещал по швам, **Управление** представилось спасителем и построило прямоугольный город, последний оплот человечества. И где-то тогда они изменили природу ярлыков.

— В смысле изменили?

— Не осталось никаких записей, прямых свидетельств о том, какими ярлыки были «до». По словам Евгения, группа учёных под началом Управления вмешалась в их внутреннюю структуру, превратила ярлыки в инструмент подавления воли. Посмотри на улицу: ты видишь людей или безликие функции системы?

— Значит, Сопротивление не знает исходной роли ярлыков?

— Не знает.

— Голова кругом идёт. А с чего вообще Сопротивление считает, что у ярлыков исходно другая задача?

— Стадом легче управлять. Разве ты думаешь, что люди всегда были такими? Выживали под гнетом собственных ошибок? Сегодня у людей нет будущего, если Управление так и будет у власти. Они поддерживают не порядок, а беспрекословное подчинение.

Антон понимал, что имеет ввиду его новоиспеченный знакомый.

— Зачем я агентам?

— До тебя не дошло? — Кирилл вскинул брови. — Ты один из редчайших людей: по непонятной причине можешь контролировать ярлыки и не поддаваться их внушению, как мы.

— Тогда почему вообще существует Сопротивление? Если все слепо верят своим ярлыкам…

— Евгений не рассказал, как мы появились?

— Да ты издеваешься, я это и спросил!

Кирилл вздохнул, но продолжил:

— В прошлом **Управление** выросло из союза лидеров крупнейших корпораций. Сначала якобы ради спасения мира от череды экологических катастроф. Они разработали секретный проект, закрытый город со своей независимой экосистемой, чтобы экономить остатки ресурсов. Потом амбиции ушли вразнос: проще управлять теми, чью историю

пишешь сам. Они разжигали конфликты между странами, запускали кампании дезинформации, толкали к применению биологического оружия. Вину свалили на «жадность человечества». Управленцы собрали лучших учёных, построили бункер и, пока мир горел, разработали **биохимический имплантат**, который теперь вживляют каждому новорождённому. Он запускает процесс ярлыкообразования и завязан на внешние стимулы: ожидания родителей и учителей, тренды соцсетей. Ярлык формируется из коллективного восприятия. Считают тебя ленивым, активируется «ЛЕНИВЫЙ».

— Эффект самосбывающегося пророчества, — Антон подхватил. — Люди принимают ярлык как собственное «я», а система следит и корректирует через искусственный интеллект.

— Бинго. После становления Управления часть учёных поняла, что их труд используют против личности, и начала втайне искать способы отсечь ИИ от города и создать безопасные зоны. Они разработали **сыворотку**, подавляющую действие имплантата.

— Ты хотел избавиться от ярлыков под действием сыворотки?

— Да. Но эффекта мало: мощь системы слишком велика. Сыворотка лишь частично гасит имплантат, и день ото дня эффект её слабеет. Поэтому ты нам и нужен.

— Что стало с учёными?

— Почти всех взяли агенты. Когда началось восстание,

Управленцы создали Агентов, своих цепных псов. Это даже и не люди вовсе, биологические машины, роботы с искусственным интеллектом. Но всё же одному учёному удалось сбежать и скрыться. У него родилась дочь, без имплантата. Его жена умерла при родах, насколько я знаю. Она продолжила дело отца, собрала вокруг себя тех, кто смог вырваться из-под гнёта. После его исчезновения именно она возглавила Сопротивление.

— Почему ты говоришь она?

— В целях безопасности её имя никто не знал. Думаю, только её отец. И никто её не видел, лицо скрывалось маской с самого рождения, чтобы ни одна камера города не смогла идентифицировать её.

— Она жива?

— Скорее всего, у агентов. Уже много лет никто не слышал про нее. Зато остались последователи. Перед своим исчезновением, она взломала базу данных Управления, передала Сопротивлению доказательства их преступной деятельности и секретную формулу сыворотки. Правда, последнего, кто мог синтезировать сыворотку, схватили. Поэтому у нас мало времени.

Антон молчал. Открытия обрушились на него стеной. Столько лет он жил, не понимая, насколько плотно Управление держит его за горло, и что под землёй есть те, кто пытается дышать, как и он.

— Это ведь не просто метки, да? — наконец спросил он,

подняв взгляд. — Ярлыки, часть нас?

— Часть, от которой ты мог отказаться. Но если принимаешь, он становится тобой и держит на коротком поводке

— Почему люди не сопротивляются?

— Они потеряли веру, что сопротивляться возможно. Или забыли, как это. С каждым годом численность Сопротивления сокращается. Ярлыки сильнее. Мы теряем людей, потому что они теряют веру и становятся частью серой массы, что зовется обществом. Мы сохранили старые книги, видеокассеты, пластинки. Это помогает разуму не закостенеть окончательно. В нас еще живет возможность мыслить.

Разговор внезапно прервал звук, эхом прокатившийся по трубам, как будто кто-то ударил молотком.

— Это что? — Антон инстинктивно втянул голову в плечи.

— Похоже, выход, — бросил Кирилл, направляясь в сторону звука.

***

Пустая пачка ментоловых сигарет полетела в урну. Аню тревожило, что агенты спустились на подземную парковку, но, с другой стороны, обычно им не до таких бытовых мелочей как незаконная ночевка в подсобке кофейни. Она же не собирается сдирать с себя ярлык…

Аня ещё раз оглядела пешеходный переход к парковке — пусто, и направилась вниз. Повезло: охранник, похоже, курил на улице или задремал в будке на втором уровне. Можно

спокойно идти к лифту: камеры на первом ярусе не работают — слепая зона. Пока тут не угонят машину и не случится кража (что маловероятно: поймают — подпишешь «согласие» на форматирование личности), чинить никто не станет.

Аня нажала кнопку вызова. Металлические створки разошлись, и она вошла. С облегчением ткнула «1». Двери практически закрылись, когда носки чёрных лакированных ботинок резко вклинились между створками, те снова разошлись. В лифт вошли двое в безупречно выглаженных чёрных костюмах. Встали спиной к девушке, перегородив выход. Агент слева заговорил первым:

— Мы предлагаем сделку: ты помогаешь нам, а мы — тебе.

Ане показалось, что сейчас она потеряет сознание, ей удалось выплюнуть несколько неразборчивых слов:

— Я…чем…помочь?

Лифт не двигался. Тот же агент обратился к ней безжизненным сухим лицом. Он сунул руку в карман и протянул ей фотографию:

— Нам нужен он.

На снимке был юноша, с которым Аня говорила утром.

— Ты всегда была лишней, правда? — холодные пальцы мужчины скользнули по её щеке, касаясь шершавой полосы. — Ярлык не врёт. Ты всех разочаровала, когда появилась на этот свет. Но всё может измениться. Помоги нам, и станешь **Избранной**. Ты забудешь всю боль, обещаем, начнешь

жизнь с чистого листа.

— Что именно я должна сделать? — щёки вспыхнули жаром.

— Нам нужен этот юноша. Скоро ты всё узнаешь. Выполнишь свою часть сделки, и боль исчезнет навсегда.

В зеркальной стали дверей Аня увидела своё размытое отражение и плавающие буквы **РАЗОЧАРОВАНИЕ**, обжигающие кожу. Всплыли унижения, боль, срывы. Она вспомнила вечер накануне Рождества. Отец получил премию. Но вместо конверта с деньгами принёс ящик водки. Мать сидела за столом, выкуривала вторую пачку ментоловых сигарет и тушила бычки о старую выцветшую клеенку. В какой-то момент её прокуренный мозг решил, что клеенка не подходит для этого занятия и она приказным тоном позвала к себе дочь.

Это шанс. Они правы. Аня забрала фото и спрятала в сумку, туда, где ещё недавно лежала пачка ментоловых сигарет. Звук был глухим, неестественно глубоким, словно под ними забивали сваи. Антон ощущал вибрацию в груди, как если бы грохот проходил сквозь органы. В воздухе стоял запах сырости и гниения, смешанный с химическим привкусом.

— Откуда это? — выдохнул он.

— Кажется, знаю, где мы. Готов выбраться на волю? — сухо улыбнулся Кирилл.

— Боюсь, только наружу…

— Юмор засчитан. Видишь люк? — Кирилл кивнул на металлический круг в потолке. — Подсадишь?

— Давай.

Антон присел, Кирилл, стянув кроссовки, ловко взобрался ему на плечи. Антон, вцепившись в его щиколотки, пытался изо всех сил выталкивать Кирилла вверх. В какой-то момент Кирилл потерял равновесие, качнулся как Пизанская башня, но устоял. Он нащупал края крышки.

— Пробуем.

Крышка легко поддалась. В щель ворвался вихрь холодного воздуха.

— Чёрт, повезло! — обрадовался Кирилл. — Это городская свалка Старого мира. Евгений говорил, сюда агенты не суются.

— Думаю, никто сюда не суется. Дальше то что? — напряжение не отпускало Антона.

— Сначала выбраться, — уверенно сказал Кирилл, но в голосе промелькнула тревога.

Юноша без особых усилий сдвинул крышку, ухватился за края и подтянулся; ноги оттолкнулись от плеч Антона и повисли в воздухе. Ещё рывок, кряхтение, пыхтение, и вот уже торс парня накрыл собой влажную землю.

— Получилось! Ха, Антон, получилось!

— Лови! — Антон швырнул ему кроссовки.

— Теперь ты, — Кирилл лёг на живот, свесился в люк. — Хватайся за руки, только крепче, попробую тебя вытянуть.

Антон прыгнул, схватился за его предплечья, но соскользнул, грохнувшись на спину. Боль, как электрический разряд, прошла по всей длине его позвоночника.

— Чёрт…кажется, я неудачно приземлился на плечо, левое.

— Значит, нужна лестница. Или верёвка, — огляделся Кирилл. — Сиди. Явно здесь что-то завалялось.

Антон не спешил вставать. Он смотрел на пепельно-серое небо. Когда-то в детстве он читал книгу про звёзды, он никогда не видел эти загадочные шары из газа и плазмы, но представлял их красивыми. Интересно, если бы не этот смог, сейчас он бы разглядел эти звёзды? Какого они размера и цвета? Одинаковые или разные? Он попытался представить разноцветные светящиеся шарики. На мгновение в его голове появилась картинка, но тут же исчезла.

— Эй, хватит спать! Ты на физре на канате лазал?

Кирилл улыбнулся и продемонстрировал находку: длинная толстая железная труба с загнутым концом.

— Походу эта старая водопроводная труба твой путь наверх.

— Я прогуливал уроки физры, потому что ненавидел канат и прыжки через козла.

Кирилл издал протяжный стон.

— Главное запрыгнуть и как следует обхватить трубу ногами. Я попробую тебя вытянуть или хотя бы удержать трубу.

Антон обхватил старую водопроводную трубу обеими ру-

ками. Она была покрыта ржавчиной и чем-то липким, но другого пути наверх не существовало. Он крепче сжал её, подтянул колени и обвил ногами, стараясь удержаться. Затем, напрягая всё тело, рывком приподнялся на несколько сантиметров. Перехватил трубу выше. Снова подтянулся.

Движение за движением, Антон медленно продвигался вверх.

Руки быстро начали неметь. Шершавая ржавчина впивалась в кожу, оставляя на ладонях ссадины. Антон стиснул зубы и продолжил подниматься. Мышцы дрожали от напряжения, дыхание сбилось. Каждый новый перехват давался тяжелее предыдущего.

Наконец его пальцы нащупали край отверстия. Он ухватился за выступ, перенёс на него вес тела и, с трудом освободив одну ногу от трубы, попытался закинуть её наверх. С первого раза не получилось. Кроссовок соскользнул, и Антон едва не сорвался обратно.

— Да чтоб тебя… — выдохнул он сквозь зубы.

Собрав последние силы, он подтянулся ещё раз, зацепился локтем за край и рывком выбросил вперёд плечо. Следом удалось перекинуть ногу. Ещё одно усилие — и он буквально вывалился наружу.

Антон перекатился на спину и замер, тяжело хватая ртом воздух. Сердце бешено колотилось, руки продолжали дрожать, а в ушах гулко отдавался каждый удар пульса. Несколько секунд он просто лежал, глядя перед собой и пытаясь осо-

знать, что у него получилось.

Он выбрался.

— Живой?

Антон кивнул.

— Давай, вставай, — Кирилл снова протянул ему руку.

Антон поднялся и огляделся. Вокруг простиралась заброшенная свалка Старого мира. Груды металлолома, остовы автомобилей, обломки бетонных конструкций — всё это десятилетиями ржавело под открытым небом. Между завалами тянулись узкие проходы, заросшие сухой травой.

— Надеюсь, больше никаких подземных прогулок, — пробормотал Антон, растирая затёкшие запястья.

— Не зарекайся, — усмехнулся Кирилл.

Внезапно издалека донёсся шум двигателя.

Кирилл насторожился.

— Слышишь?

Антон кивнул.

Звук приближался. Вскоре между завалами мелькнули фары.

— Прячемся!

Они бросились к ближайшей груде строительного мусора и присели за покосившимся металлическим контейнером. Сквозь щель между проржавевшими листами Антон увидел, как на свалку въехал чёрный внедорожник.

Машина остановилась в нескольких метрах от люка. Из салона вышли трое мужчин в форме Управления. Антон

невольно пригнулся.

— Агенты, — прошептал Кирилл.

В этот момент открылась ещё одна дверь. Из автомобиля выбрался Евгений.

— Не может быть…

— Что там?

— Евгений.

Кирилл осторожно выглянул из укрытия.

— Ты уверен?

— Да.

Евгений подошёл к одному из агентов и заговорил с ним. Тот внимательно слушал, изредка кивая. Затем оба направились к люку. Антон подался вперёд, стараясь расслышать разговор, но расстояние было слишком велико.

Евгений остановился у чугунной крышки, которую они оставили сдвинутой в сторону. Несколько секунд он разглядывал тёмное отверстие, затем присел на корточки и провёл пальцами по краю.

Антон почувствовал, как участилось сердцебиение. Ещё недавно они с Кириллом выбирались оттуда. Следы на земле, сдвинутая крышка — всё указывало на то, что люком недавно пользовались.

Евгений выпрямился и что-то сказал агенту. Тот подошёл ближе, заглянул вниз и покачал головой.

— Что он там делает? — прошептал Кирилл.

Антон не ответил. Он не мог отвести взгляда от Евгения.

Человек, который рассказывал ему о Сопротивлении, скрывал от агентов убежище и убеждал не доверять Управлению, теперь спокойно разгуливал среди тех, от кого они совсем недавно спасались.

Никто не пытался его задержать. Никто не задавал вопросов. Напротив, агенты обращались к нему с явным почтением. Евгений ещё раз осмотрел люк, после чего махнул рукой. Один из мужчин вернул крышку на место. Они обменялись несколькими фразами и направились к автомобилю.

Антон проводил их взглядом.

— Может, его схватили? — предположил Кирилл.

— Не похоже.

— Тогда что он делает с агентами?

— Хотел бы я знать.

Евгений сел на заднее сиденье. Остальные заняли свои места, и вскоре двигатель снова заработал. Внедорожник развернулся, подняв облако пыли, и медленно покатил между мусорными завалами. Антон и Кирилл оставались в укрытии, пока шум мотора окончательно не стих.

Первым поднялся Кирилл.

— Ну и что ты об этом думаешь?

Антон не спешил отвечать.

Перед глазами всё ещё стоял Евгений, спокойно беседующий с агентами Управления. Антон вспомнил их недавнюю встречу, рассказы о Сопротивлении, обещания раскрыть правду. Вспомнил, как Евгений помог им скрыться во

время облавы. Зачем ему было спасать их, если он работал на Управление? И почему агенты приехали именно к тому люку, через который они выбрались?

— Я не знаю, — наконец произнёс Антон.

Кирилл ещё некоторое время смотрел в сторону дороги, по которой скрылся внедорожник. Антон стоял рядом, пытаясь разобраться в увиденном. Присутствие Евгения среди агентов не укладывалось в голове. Человек, который открыл ему глаза на существование Сопротивления, теперь выглядел частью той самой системы, против которой призывал бороться. Впрочем, Антон уже устал искать объяснения. За последние сутки произошло слишком много событий, и каждое новое открытие лишь прибавляло вопросов.

— Я хочу вернуться домой, — неожиданно произнёс он.

Кирилл повернулся к нему.

— Что?

— Мне нужно увидеть маму.

— Ты шутишь?

— Нет. Я должен с ней попрощаться.

Кирилл несколько секунд смотрел на него, словно надеялся, что Антон сейчас рассмеётся и признается в неудачной шутке.

— Ты совсем рехнулся? Мы только что выбрались из города, за нами охотится Управление, а ты собрался домой? Может, сразу зайдём к агентам и попросим проводить нас до квартиры?

— Не обязательно идти по главным улицам. Можно обойти камеры через дворы, выбрать переулки…

— Антон, ты себя слышишь? — Кирилл раздражённо провёл ладонью по лицу. — Ты думаешь, они просто потеряли тебя и теперь сидят сложа руки? Твоё лицо наверняка уже во всех базах. Тебя будут искать в первую очередь там, где ты жил.

— Мы сможем прокрасться незаметно.

— Это ловушка! — Кирилл повысил голос, но тут же осёкся и оглянулся. — Тебя наверняка ждут дома. Ты хочешь, чтобы тебе сварили мозг? Чтобы после форматирования ты забыл всё, что узнал, и снова стал послушным идиотом?

Антон отвернулся. Кирилл был прав, и от этого становилось только хуже. Он понимал, что возвращение домой может стоить ему жизни. Но стоило представить мать одну в квартире, как все разумные доводы теряли силу.

Он слишком хорошо знал её привычки. Она наверняка уже несколько раз проверила телефон, прислушалась к шагам за дверью, выглянула в окно. Возможно, сейчас сидела на диване, укрывшись пледом, и ждала, когда он вернётся. Антон вспомнил, как часто раздражался из-за её беспокойства, отмахивался от вопросов, обещал позвонить позже и забывал. Тогда ему казалось, что впереди ещё достаточно времени для разговоров, которые он постоянно откладывал.

Теперь он не знал, увидит ли её когда-нибудь снова.

— Я не могу просто исчезнуть, Кирилл. Она моя мать.

— И именно поэтому ты должен держаться от неё подальше. Если Управление ещё не добралось до неё, ты сам приведёшь их к её двери.

— А если уже добралось?

Кирилл замолчал.

— Если её допрашивают? Если она даже не знает, что со мной произошло? — продолжил Антон. — Я не могу бросить её одну. Она без меня умрёт.

— Не говори ерунды.

— Ты её не знаешь!

Антон сам удивился резкости своего голоса. Кирилл отступил на шаг, но ничего не ответил.

— Ты не знаешь, как она живёт, — уже тише произнёс Антон. — У неё, кроме меня, никого нет. Я не могу взять и вычеркнуть её из своей жизни только потому, что теперь кому-то понадобился мой мозг.

Он осёкся, чувствуя, как к горлу подступает ком. В последние часы Антон столько раз слышал о своей исключительности, о предназначении и борьбе с Управлением, что почти перестал понимать, чего хочет сам. Все вокруг словно заранее решили, какую роль он должен сыграть. Даже Кирилл, пытаясь его защитить, говорил о будущем так, будто возвращение к прежней жизни больше не подлежало обсуждению.

Но разве свобода, ради которой они рисковали собой, не

начиналась с права принимать собственные решения?

— Я заберу её с собой, — сказал Антон. — Мы уйдём вместе.

Кирилл тяжело вздохнул.

— Куда, Антон? Ты хоть представляешь, куда мы пойдём? У нас нет ни убежища, ни еды, ни нормального плана. Мы даже не знаем, кому теперь можно доверять. Я надеялся связаться с Евгением, как мы выберемся…а теперь уже и не знаю.

— Значит, придумаем позже.

— Великолепно. Просто великолепно! И почему я сам об этом не догадался!

— Хватит издеваться.

— А ты перестань вести себя так, будто мы на прогулке!

Они замолчали. Где-то за завалами скрипнул расшатанный лист металла. Ветер принёс запах сырости и старого железа. Антон смотрел на Кирилла, ожидая новых возражений, но тот лишь опустил голову и принялся разглядывать землю под ногами.

— Послушай, — наконец произнёс Кирилл. — Я понимаю, что ты переживаешь за мать. Но ты должен понимать и меня. Я не хочу, чтобы нас поймали из-за твоего упрямства.

— Я не прошу тебя идти со мной.

— Вот только не надо изображать героя. Один ты даже до ближайшего перекрёстка не доберёшься.

Антон ничего не ответил.

Кирилл выругался себе под нос и несколько раз прошёлся вдоль контейнера. Затем остановился.

— Есть одно место. На границе фракции Избранных и Чёрного народа стоит недостроенная многоэтажка. Строительство забросили много лет назад. Там нет камер, и, насколько я знаю, патрули туда не заглядывают.

— И что?

— Мы можем добраться до неё, переждать и решить, что делать дальше. Если ты так намерен вернуться домой, хотя бы не будем бродить по городу без укрытия.

— Оттуда далеко до моего дома?

— Не слишком. Сможем забрать твою маму. Но сразу предупреждаю: если замечу агентов, мы уходим. Никаких споров.

Антон кивнул.

— Договорились.

Кирилл посмотрел на него с явным сомнением.

— Почему-то мне кажется, что я ещё пожалею об этом.

***

Они покинули свалку через пролом в бетонном ограждении и направились к городу. Кирилл шёл первым, выбирая обходные пути и время от времени останавливаясь, чтобы проверить дорогу. Антон старался не отставать, хотя после подземных туннелей и подъёма по трубе каждый шаг отзывался болью в мышцах.

По мере приближения к жилым кварталам заброшенные

постройки уступали место знакомым бетонным зданиям. Появились первые прохожие, светящиеся рекламные панели, гул транспорта. Город жил привычной жизнью, словно ничего не произошло. Люди торопились по своим делам, разговаривали по телефону, останавливались у витрин. Над перекрёстками вращались камеры наблюдения, а с огромного экрана на фасаде торгового центра улыбалась женщина из фракции Избранных.

Антон невольно задержал на ней взгляд. Ещё недавно он, как и тысячи других, воспринимал подобные изображения как неотъемлемую часть городской жизни. Теперь безупречная улыбка казалась ему нарисованной, а слова о счастливом будущем — плохо выученной ложью.

Кирилл дёрнул его за рукав.

— Не стой. Здесь камера.

Они свернули в узкий переулок, миновали несколько хозяйственных построек и вышли к старому жилому кварталу. Дальше приходилось двигаться осторожнее. Кирилл внимательно осматривал фасады, выбирая участки, не попадавшие в поле зрения камер. Иногда они подолгу ждали за углом, пока улица опустеет или патруль пройдёт мимо.

Антон почти не разговаривал. Чем ближе становился дом, тем сильнее его охватывало беспокойство. Он представлял предстоящую встречу, подбирал слова, пытался решить, сколько правды сможет рассказать матери. Как объяснить ей, что привычная жизнь закончилась? Что он больше не может

возвращаться с работы, ужинать на кухне и делать вид, будто всё в порядке?

Наверное, она испугается. Начнёт задавать вопросы, на которые у него самого нет ответов. А потом, как всегда, станет беспокоиться о том, поел ли он и достаточно ли тепло одет.

От этой мысли Антону стало особенно тяжело.

Возле очередного перекрёстка Кирилл остановился и выглянул из-за угла.

— Дальше твой район?

— Да. Ещё два квартала.

— Тогда слушай внимательно. К подъезду подойдём со двора. Я проверю улицу и останусь снаружи. Ты поднимешься, поговоришь с матерью и сразу вернёшься. Если решишь её забрать, придётся уходить быстро.

— Хорошо.

— И, Антон… — Кирилл задержал на нём взгляд. — Если увидишь что-нибудь подозрительное, не пытайся разобраться сам. Уходи.

Антон кивнул, хотя не был уверен, что сумеет выполнить обещание.

Последний отрезок пути они преодолели почти бегом. Во дворе было пусто. Кирилл остановился за углом соседнего здания, откуда просматривался вход в подъезд.

— Я буду здесь. Не задерживайся.

Антон направился к дому. У самой двери он невольно

поднял голову и посмотрел на окна квартиры. За шторами горел свет.

Мама дома.

От облегчения у него перехватило дыхание. На мгновение захотелось забыть обо всём, что произошло, подняться наверх и услышать привычное: «Антон, ну где же ты пропадал?»

Он вошёл в подъезд.

Дом встретил его непривычной тишиной.

Антон осторожно прикрыл за собой дверь и прислушался. Из кухни не доносилось ни звона посуды, ни шума воды. Не работал телевизор, не звучало радио. Только старые настенные часы равномерно отсчитывали секунды.

В прихожей всё оставалось на своих местах. На полке лежали ключи, рядом стояли аккуратно расставленные туфли. Из гостиной лился мягкий свет торшера. Антон заметил знакомый плед, сложенный на спинке дивана, фотографии в деревянных рамках, чашку на журнальном столике. Квартира выглядела точно так же, как в тот день, когда он видел её в последний раз.

И всё же что-то было не так.

В воздухе чувствовался слабый посторонний запах. Антон не сразу сумел его определить. Что-то резкое, напоминающее нагретый металл и средство для очистки поверхностей. Мать не пользовалась подобными средствами — она терпеть не могла химические запахи.

— Мам? — позвал он.

Ответа не последовало.

Антон прошёл в гостиную. Диван был пуст. На столике лежал раскрытый журнал, рядом стояла чашка с недопитым чаем. Он машинально коснулся её стенки. Холодная.

— Мам, это я!

Тишина.

Он заглянул в спальню, затем в ванную. Никого. С каждой секундой беспокойство нарастало. Антон пытался убедить себя, что мать могла выйти в магазин или спуститься к соседке, но тогда почему оставила включённый свет? И откуда взялся этот странный запах?

Он вернулся в коридор и направился к кухне. Приоткрыл дверь.

На пороге Антон остановился.

За столом сидела женщина.

Мама.

Она расположилась на своём обычном месте, у окна. Спина прямая, руки сложены на коленях, голова слегка наклонена набок. Глаза были закрыты. Со стороны могло показаться, что она задремала, ожидая его возвращения. Только сидела она неестественно ровно для обычного человека.

— Мам?

Антон сделал шаг вперёд.

Она не пошевелилась.

— Мам, ты меня слышишь?

Он подошёл ближе и осторожно коснулся её плеча. Ткань домашней кофты оказалась прохладной. Антон слегка потряс женщину, но её голова лишь безвольно качнулась и снова застыла в прежнем положении.

— Мама!

Он схватил её за руку.

Пальцы были холодными и твёрдыми. Антон сжал их сильнее, ожидая почувствовать знакомую мягкость кожи, но под тонким наружным слоем угадывалось что-то плотное, неподатливое.

Он отдёрнул руку.

На мгновение ему показалось, что он ошибся. Усталость, страх, бессонная ночь — всё это могло сыграть с ним злую шутку. Он заставил себя снова посмотреть на женщину.

Лицо было знакомым до мельчайших подробностей. Те же морщинки у глаз, та же форма губ, та же небольшая родинка возле подбородка. Даже волосы лежали привычно: несколько прядей выбились из причёски и касались щеки. Но в этом сходстве обнаружилось нечто пугающее. Кожа казалась слишком ровной, неподвижной. На шее, чуть ниже линии волос, виднелась тонкая полоска, которую Антон прежде никогда не замечал.

Он наклонился.

Полоска тянулась от одного уха к другому, скрываясь под воротником кофты. Антон осторожно отодвинул ткань и увидел крошечное углубление, похожее на разъём.

Его охватил холод.

— Что за…

Он провёл пальцем вдоль линии. Кожа не смялась, как должна была. Под ней ощущался твёрдый край.

Антон отступил на шаг и упёрся спиной в кухонный шкаф.

Перед ним сидела женщина, которую он всю жизнь называл матерью. Он знал её голос, привычки, выражение лица, когда она сердилась или пыталась скрыть тревогу. Помнил, как в детстве она поправляла ему одеяло, как гладила по голове, когда он болел, как ждала его возвращения, даже если он предупреждал, что задержится.

Он помнил тепло её рук. А сейчас эти руки лежали на коленях, неподвижные, холодные и чужие.

Антон снова приблизился к столу. Дрожащими пальцами коснулся её запястья, пытаясь нащупать пульс. Ничего. Он прижал ладонь к её груди, прислушался. Ни дыхания, ни сердцебиения. Взгляд вновь упал на разъём.

Перед ним была не мёртвая женщина.

Перед ним было нечто, созданное по её подобию.

Глава 4

Аня долго смотрела на своё отражение в зеркальной стене лифта. Металлические двери уже закрылись за агентами, но ей всё ещё казалось, что она слышит их голоса. В сумке лежала фотография Антона, единственное вещественное напоминание о странном разговоре, который мог изменить её жизнь. Ей предложили сделку: помочь Управлению найти человека, с которым она едва успела познакомиться, и взамен получить возможность стать Избранной. Забыть прошлое, избавиться от ярлыка, начать всё сначала. Слишком щедрое предложение для девушки, которая привыкла считать удачей даже случайно оставшийся после смены сэндвич.

Она достала фотографию и ещё раз всмотрелась в лицо юноши. Серые глаза, чуть нахмуренные брови, настороженное выражение. В кофейне он показался ей странным, но не опасным. Напротив, в его вопросах было что-то давно забытое, почти детское. Антон хотел знать, существует ли другая жизнь за пределами города. Он не боялся произносить вслух то, о чём остальные предпочитали не задумываться. Возможно, именно поэтому Управление его разыскивало.

Аня убрала снимок обратно в сумку. Она понятия не имела, где живёт Антон, как связаться с ним и увидятся ли они снова. На её вопросы агенты ответили уклончиво: с ней свяжутся, когда придёт время. От неё требовалось лишь согла-

сие, и она его дала.

Теперь, оставшись одна, Аня впервые попыталась осмыслить собственное решение.

Она ведь даже не спросила, что произойдёт с Антоном, когда его найдут.

Эта мысль неприятно кольнула, но Аня поспешила от неё отмахнуться. В Управлении не нуждались в её советах, а отказываться от подобного предложения было бы глупо. Сколько людей из Чёрного народа мечтали однажды оказаться по другую сторону городской границы? Сколько вечеров проводили перед обязательным Эфиром, представляя себя на месте улыбающихся Избранных? Там не было серых улиц, обшарпанных домов и людей, вынужденных считать каждую монету. По крайней мере, именно такую жизнь показывали с экранов.

Аня всегда относилась к этим обещаниям с недоверием. Но одно дело — не верить в чужое счастье, и совсем другое — получить возможность испытать его самой.

Она поднялась на первый этаж торгового центра. Охранника у служебного выхода не оказалось. В просторном зале горели лишь дежурные лампы, оставляя длинные тени между пустыми столиками. Аня машинально направилась к кофейне, собираясь, как и прежде, устроиться на ночь в тесной подсобке. Там, среди коробок с сиропами, хозяйственных тряпок и запасных стаканчиков, лежал её старый походный спальник. За последние месяцы он успел превратиться

из случайно забытой вещи в необходимый предмет.

У двери она остановилась.

Вспомнилось сообщение хозяйки съёмной комнаты. Женщина больше не собиралась ждать денег и потребовала освободить жильё, если Аня не погасит задолженность. Зарплаты едва хватало на продукты и дорогу, а последние накопления ушли на оплату предыдущего месяца. Она могла снова переночевать в подсобке, но завтра ничего не изменится. Послезавтра тоже.

Аня посмотрела на потёртую сумку, висевшую на плече, и вдруг почувствовала такую усталость, что захотелось сесть прямо на пол.

Ей было двадцать с небольшим, а вся её жизнь умещалась в этой сумке и старом спальнике.

Она развернулась и направилась к выходу.

Домой.

Слово не вызывало ни тепла, ни облегчения. Скорее напоминало о месте, куда возвращаются, когда больше некуда идти.

Квартал, в котором выросла Аня, почти не изменился за последние годы. Те же серые многоэтажки, облупившиеся фасады, узкие дворы, заставленные мусорными контейнерами. Над подъездами мерцали тусклые лампы. На стене соседнего дома светился рекламный экран, призывавший жителей Чёрного народа стремиться к лучшей жизни. Аня невольно усмехнулась. Подобные призывы преследовали её с дет-

ства, но ни один не объяснял, каким образом человек должен стать лучше, если каждое утро просыпается с напоминанием о собственной никчёмности на лице.

Она провела пальцами по правой щеке. Шершавая поверхность ярлыка отозвалась привычным покалыванием.

«РАЗОЧАРОВАНИЕ»

Слово появилось много лет назад. Сначала едва заметное, оно постепенно проступало на коже, пока не превратилось в грубую полосу, которую не удавалось скрыть ни косметикой, ни волосами. Аня давно перестала пытаться. Люди всё равно замечали ярлык, а затем начинали искать в ней подтверждение написанному.

Она поднялась на свой этаж и остановилась перед знакомой дверью. Из квартиры доносились громкие голоса, смех и музыка. Аня прислушалась, надеясь определить, насколько сильно пьяны родители. Судя по невнятному пению отца, вечер уже давно вышел за пределы обычного застолья.

Она вставила ключ в замок.

Дверь открылась не сразу: изнутри её подпирал чей-то ботинок.

— Да кто там ещё? — раздался раздражённый женский голос.

— Это я, мам.

— А, явилась! Ну заходи, чего встала?

Аня с усилием протиснулась в прихожую. Её встретил тяжёлый запах табачного дыма, перегара и жареного лука. На

полу валялись пустые бутылки, возле обувной полки стоял пакет с мусором, из которого торчали смятые упаковки и окурки. В гостиной работал телевизор, но разобрать слова ведущего было невозможно: его голос тонул в разговорах и хриплом смехе.

За столом сидели родители и трое незнакомых мужчин. Один из гостей, краснолицый и грузный, развалился на диване, закинув ноги на журнальный столик. Второй сосредоточенно пытался налить остатки водки из пустой бутылки. Третий дремал в кресле, уронив голову на грудь.

Мать сидела ближе к окну. На ней был старый халат с выцветшими цветами, волосы небрежно собраны на затылке. Между пальцами тлела сигарета, пепел с которой осыпался прямо на клеёнку.

— Гляньте-ка, дочь моя пожаловала! — объявила она, заметив Аню. — А мы уж думали, совсем нас забыла.

— Я работала, — ответила Аня, стараясь пройти к своей комнате.

— Работала она! — передразнила мать. — Все работают. Ты лучше скажи, деньги принесла?

Аня остановилась.

— Нет.

— Как это нет?

— Так. Нет денег.

Мать недоверчиво прищурилась.

— Ты целыми днями в своей кофейне торчишь. Куда они

деваются?

— На жизнь.

— На какую ещё жизнь? — вмешался отец.

Он сидел во главе стола, обхватив ладонью почти пустую рюмку. Лицо его раскраснелось, рубашка была расстёгнута на несколько пуговиц. Аня заметила, что он с трудом удерживает взгляд на одном предмете. Впрочем, голос оставался достаточно твёрдым, чтобы она сразу почувствовала знакомое напряжение.

— На обычную, — ответила она. — Еду покупаю, комнату снимаю.

— Ишь ты, самостоятельная какая! — отец усмехнулся и повернулся к гостям. — Слышали? Комнату она снимает. А родителям помочь не может.

— Я вам в прошлом месяце давала деньги.

— Когда это было? — мать махнула рукой. — Ты лучше сейчас дай. У нас тут немного не хватило, а магазин ещё открыт.

— Мам, у меня правда ничего нет.

— Даже на бутылку?

Аня покачала головой.

Мать раздражённо затушила сигарету о край пепельницы.

— Вот ведь вырастили неблагодарную! Ни помощи, ни уважения. Приходит, когда вздумается, ещё и с пустыми руками.

— Я не знала, что должна приносить вам выпивку.

За столом на мгновение стихли разговоры.

Отец медленно повернул голову.

— Чего?

Аня пожалела о сказанном, но отступать было поздно.

— Я говорю, денег у меня нет. И покупать алкоголь я вам не собираюсь.

— Ты посмотри, как заговорила, — протянул отец.

Краснолицый мужчина на диване хохотнул.

— Характерная девка растёт!

— Характерная? — отец усмехнулся. — Да какой там характер. Одно разочарование.

Аня почувствовала, как под волосами неприятно стянуло кожу. Она знала эту интонацию. Отец произносил подобные слова с особенным удовольствием, словно каждый раз находил новое подтверждение собственной правоте.

— Можно я просто пойду спать?

— Нет уж, погоди. Ты сначала послушай, что я тебе скажу.

Он отодвинул рюмку и наклонился вперёд.

— Ты ведь даже не представляешь, как тебе повезло вообще родиться.

— Хватит, — неожиданно произнесла мать.

Аня посмотрела на неё. В голосе женщины прозвучало нечто непривычное, почти тревожное.

Отец отмахнулся.

— А чего хватит? Пусть знает. Взрослая уже.

— Я сказала, не начинай.

— Да ладно тебе! — он повернулся к гостям. — Вы знаете, какая история с ней приключилась? Нет? Сейчас расскажу.

Аня почувствовала, как внутри всё сжалось. Отец любил вспоминать её детские неудачи в присутствии посторонних: разбитую чашку, плохую оценку, школьный спектакль, на котором она забыла слова. Каждую историю он рассказывал так, будто дочь была источником бесконечных неприятностей. Но сейчас его улыбка казалась особенно неприятной.

— Мать её вообще рожать не собиралась, — произнёс он, довольно оглядывая слушателей. — Представляете? Совсем не собиралась.

Аня замерла.

— Что?

— А то! — отец довольно хмыкнул. — Мы тогда еле концы с концами сводили. Денег нет, квартира маленькая, я без нормальной работы. Ну и решили, что ребёнок нам ни к чему.

— Замолчи! — мать резко ударила ладонью по столу.

Но отец, почувствовав внимание гостей, уже не собирался останавливаться.

— Она даже на аборт ходила. Только ничего не вышло. Врачи потом сказали, что беременность сохранилась. Вот такая у нас Анечка живучая оказалась!

Один из мужчин неловко засмеялся. Другой опустил глаза в рюмку.

Аня смотрела на отца, не понимая, почему он улыбается.

Слова доходили до неё медленно, будто между ними и её сознанием возникла плотная преграда.

— Ты врёшь, — произнесла она.

— А мне зачем врать? У матери спроси.

Аня повернулась к женщине.

Та сидела неподвижно, глядя на тлеющий окурок в пепельнице.

— Мам?

Мать подняла глаза.

— Чего ты на меня смотришь?

— Это правда?

— Да какая теперь разница? — раздражённо ответила женщина. — Родилась же. Чего ещё тебе надо?

Аня почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Ты хотела от меня избавиться?

— Не начинай драму, — мать потянулась за сигаретами. — Тогда тяжёлое время было. Не до детей. Ты вообще представляешь, сколько денег на тебя ушло? Сколько нервов?

— Но ты…

— Что я? — женщина повысила голос. — Я тебя вырастила? Вырастила. Кормила? Кормила. Чего ты ещё хочешь?

Аня открыла рот, но не нашла слов.

Отец тем временем рассмеялся.

— Вот видишь, даже тогда от неё избавиться не получилось. Живучая! А толку? Одни проблемы. Как появилась на свет, так всех и разочаровывает.

Он поднял рюмку, словно собирался произнести тост.

— За нашу неудачу!

Краснолицый мужчина снова хохотнул. Мать ничего не сказала.

И именно её молчание оказалось для Ани самым страшным.

Она могла бы вынести очередное оскорбление. Могла бы, как сотни раз прежде, уйти в комнату, закрыть дверь и сделать вид, что ничего не произошло. Но сейчас ей хотелось услышать хотя бы одно слово. Пусть мать рассердится на отца, назовёт его пьяным идиотом, скажет, что всё было не так. Что тогда она испугалась, ошиблась, передумала. Что хотя бы однажды обрадовалась появлению дочери.

Мать лишь прикурила новую сигарету.

Аня вдруг вспомнила, как в детстве любила сидеть рядом с ней на кухне. Ей нравилось наблюдать, как мать готовит ужин, как ловко нарезает овощи, как пробует суп с ложки. В те редкие минуты, когда дома было спокойно, девочка старалась не шуметь, не задавать лишних вопросов, не мешать. Ей казалось, что если вести себя достаточно хорошо, мать обязательно улыбнётся, погладит её по голове или просто попросит остаться рядом.

Она так долго пыталась заслужить эту улыбку.

А теперь выяснилось, что ещё до её рождения мать хотела, чтобы её не существовало.

— Я пойду, — тихо сказала Аня.

— Куда это? — отец приподнял брови. — Мы ещё не договорили.

— В комнату.

— Ну иди, иди. Только завтра не забудь денег принести. А то взрослая жизнь у неё, видите ли.

Аня прошла мимо стола. Кто-то из гостей пробормотал ей вслед нечто невнятное, но она не обернулась. В коридоре её догнал голос матери:

— И дверь закрой! Сквозит!

В своей комнате Аня первым делом повернула ключ в замке.

Щелчок прозвучал неожиданно громко. Она прислонилась спиной к двери и несколько секунд стояла неподвижно, прислушиваясь к голосам за стеной. Отец уже рассказывал другую историю, гости смеялись, кто-то требовал налить ещё. Разговор, только что разрушивший привычное представление Ани о собственном рождении, для них закончился так же легко, как любой другой.

Она медленно оглядела комнату.

Здесь почти ничего не изменилось с тех пор, как она была школьницей. Узкая кровать у стены, старый письменный стол, шкаф с плохо закрывающейся дверцей. На подоконнике стоял засохший цветок, который Аня когда-то пыталась вырастить из маленького отростка. Мать обещала его поливать, когда дочь переехала, но, судя по сухой земле, давно забыла об этом.

Аня подошла к зеркалу.

Из отражения на неё смотрела бледная девушка с растрёпанными розовыми прядями. Под глазами залегли тени, губы пересохли, а на правой щеке грубо проступало знакомое слово.

«РАЗОЧАРОВАНИЕ».

Она провела по нему пальцами.

Впервые за долгое время Аня задумалась, когда именно перестала воспринимать ярлык как нечто чужое. В детстве ей казалось, что это ошибка, которую однажды обязательно исправят. Она ведь не могла быть разочарованием сама по себе. Она была девочкой, которая любила рисовать на полях тетрадей, придумывать истории и представлять, какой станет, когда вырастет. Ей нравилось мечтать о собственной квартире, о работе, которая приносила бы удовольствие, о людях, рядом с которыми не нужно постоянно подбирать слова.

Потом появились школьные насмешки, бесконечные родительские упрёки и первые неудачи. Каждая из них будто подтверждала написанное на щеке. Получила плохую оценку — разочаровала. Забыла слова на школьном выступлении — снова разочаровала. Не поступила туда, куда собиралась, — чего ещё от неё можно было ожидать?

Со временем Аня перестала строить планы. Любая надежда казалась опасной: стоило чего-нибудь захотеть, как возникал страх неизбежной неудачи. Она научилась заранее от-

казываться от желаемого, убеждая себя, что ей это не особенно нужно.

Так было проще.

Не ждать — значит, не разочаровываться.

Но теперь, глядя на собственное отражение, она вдруг поняла, насколько жестокой оказалась эта уловка. Отказавшись от надежды, она не избавилась от боли.

Она лишь научилась жить с ней, постепенно принимая чужие слова за собственные мысли.

Ты ничего не добьёшься. Ты всех подведёшь. Даже не пытайся.

Голос, который она привыкла считать своим, подозрительно напоминал голоса родителей.

Аня отвернулась от зеркала.

Она вспомнила Антона. Его вопросы о свободе, о жизни за пределами города, о возможности самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Вспомнила собственные слова, сказанные ему в кофейне:

«*Тогда вам нужно поторопиться, а то другие сделают за вас этот выбор*».

Как легко было советовать другому то, на что сама она никогда не решалась.

Сегодня агенты предложили ей стать Избранной. Она согласилась почти сразу, даже не задумавшись о последствиях для человека, которого должна была им выдать. Возможно, впервые в жизни перед ней открылась возможность из-

менить своё положение. Но почему же вместо радости она чувствовала стыд?

Аня достала из сумки фотографию Антона.

Она долго рассматривала его лицо. Он ничего ей не обещал, не пытался помочь и, вероятно, уже забыл об их разговоре. И всё же рядом с ним она на несколько минут почувствовала себя человеком, способным рассуждать, сомневаться, иметь собственное мнение. Не ярлыком, не неудачницей, не чужим разочарованием.

Просто Аней.

Теперь ей предстояло привести его к людям, которые обещали стереть её прошлое.

Она положила фотографию на стол лицевой стороной вниз.

Из гостиной донёсся громкий смех отца.

— Живучая! — повторил он, и гости снова захохотали.

Аня закрыла глаза.

Ей вдруг вспомнилась маленькая девочка, которая когда-то лежала в этой же кровати и прислушивалась к родительским ссорам. Девочка верила, что однажды вырастет, станет самостоятельной и обязательно уедет. У неё будет другая жизнь, в которой никто не станет кричать, унижать и напоминать, что она появилась на свет по ошибке.

Она выросла.

Устроилась на работу, сняла комнату, научилась оплачивать счета и самостоятельно решать бытовые проблемы. Но

стоило жизни пойти не по плану, как она снова оказалась здесь — в той же комнате, за той же запертой дверью, с тем же страхом услышать шаги в коридоре.

Аня села на край кровати.

Всё, чего она добилась за эти годы, вдруг показалось ничтожным. Она не сумела построить жизнь, о которой мечтала. Не смогла избавиться от ярлыка. Не научилась защищать себя от людей, чьего одобрения продолжала ждать, несмотря на всё пережитое.

И теперь даже собственное рождение казалось не началом жизни, а первой неудачей.

Она легла, не снимая одежды, и уткнулась лицом в подушку. Несколько минут лежала неподвижно, сжимая пальцами наволочку. Ей хотелось заплакать, но слёзы не шли. Вместо них в груди нарастала тяжесть, от которой становилось трудно дышать.

Мама не хотела, чтобы я родилась.

Аня попыталась вспомнить хотя бы один счастливый день, проведённый с родителями. Не праздник, не подарок, не случайную улыбку, а обычный день, когда она чувствовала себя желанной. Когда ей не приходилось заслуживать право находиться рядом.

Она не смогла.

И тогда заплакала.

Сначала тихо, почти беззвучно, стараясь, чтобы за стеной ничего не услышали. Потом сильнее, судорожно втяги-

вая воздух и прижимая подушку к лицу. Слёзы пропитывали ткань, дыхание сбивалось, а в голове снова и снова звучал отцовский голос.

«*Даже тогда от неё избавиться не получилось*».

Аня сжалась, подтянув колени к груди, как делала в детстве, когда родители начинали ссориться. Ей хотелось стать маленькой, незаметной, исчезнуть из этой комнаты и из чужих воспоминаний. Хотя бы на несколько минут перестать быть причиной чьего-то недовольства.

За дверью продолжалось застолье. Звенели рюмки, играла музыка, мать громко спорила с одним из гостей. Никто не пришёл узнать, почему Аня плачет.

Она и не ждала.

Прижав мокрое лицо к подушке, Аня впервые позволила себе подумать о том, чего боялась всю жизнь: возможно, дело было не в том, что она постоянно разочаровывала окружающих.

Возможно, они никогда и не собирались дать ей шанс стать кем-то другим.

***

Антон медленно опустился на соседний стул. Он смотрел на знакомое лицо, ожидая, что женщина откроет глаза, нахмурится и спросит, почему он так странно себя ведёт. Что всё происходящее окажется нелепым недоразумением, которому найдётся простое объяснение.

Но она оставалась неподвижной.

Это не мама.

Мысль возникла внезапно и показалась настолько чудовищной, что Антон попытался немедленно от неё избавиться.

Нет. Не может быть.

Он помнил её с самого детства. Помнил, как она смеялась, плакала, болела, сердилась на него за разбросанные вещи. Помнил бесчисленные вечера на этой кухне, разговоры, ссоры, примирения. Всё это было настоящим. Он ведь видел, чувствовал, слышал.

Или только думал, что видел?

Антон снова посмотрел на её лицо. Если перед ним искусственная оболочка, то как давно она здесь? Кто её создал? И главное — что случилось с его матерью?

Возможно, настоящую женщину забрали совсем недавно. Может быть, она жива, а это лишь подмена, оставленная Управлением. Но тогда почему копия сидит здесь без движения? Её отключили? Бросили намеренно, чтобы он нашёл?

Антон почувствовал, как внутри поднимается паника.

Он вспомнил Евгения, его странную уверенность в том, что Антон обладает уникальным мозгом. Вспомнил разговоры о форматировании памяти, о системе, способной управлять человеческими судьбами. Ещё недавно всё это казалось ему страшной, но чужой историей. Теперь она добралась до его дома, до единственного человека, которого он боялся потерять.

А если мать никогда не была настоящей?

Эта мысль оказалась страшнее остальных.

Антон посмотрел на фотографии в рамках. Вот он маленький, стоит рядом с ней и щурится от солнца. Вот они вместе за праздничным столом. Вот мать обнимает его за плечи, улыбаясь в объектив.

Если она была искусственной, что тогда означали эти фотографии? Что означало его детство? Кто заботился о нём все эти годы? Машина, запрограммированная изображать любовь?

Он попытался вспомнить хоть что-нибудь необычное в её поведении. Странную оговорку, забытый разговор, момент, когда она казалась не такой, как всегда. Но память услужливо подсовывала лишь привычные сцены, которые теперь можно было истолковать как угодно.

Вдруг Антон поймал себя на ещё более пугающей мысли.

А что, если я такой же?

Он машинально поднял руку к шее. Провёл пальцами под волосами, ощупал кожу за ушами, затем воротниковую область. Никакого шва. Никакого разъёма.

Он прижал два пальца к запястью.

Пульс бился быстро и неровно.

Антон положил ладонь на грудь. Под ней отчётливо стучало сердце.

Но даже это не принесло облегчения. Несколько минут назад он был уверен, что знает собственную мать. Теперь она

сидела перед ним, и всё, что он считал несомненным, рассыпалось на части.

Он опустил руки и долго смотрел на женщину.

Ему хотелось рассердиться. Закричать, потребовать объяснений, разбить что-нибудь, лишь бы заглушить чувство беспомощности. Но вместо гнева пришла тоска, от которой стало трудно дышать.

Он ведь шёл сюда, чтобы спасти её. Представлял, как уговорит оставить квартиру, как они вместе отправятся в неизвестность. Он был готов спорить с Кириллом, рисковать свободой, снова встретиться с агентами. Всё ради того, чтобы не потерять мать.

А теперь даже не знал, кого собирался спасать.

Антон осторожно взял её руку. Холодные пальцы безжизненно лежали в его ладони.

— Мам… — произнёс он едва слышно.

Слово прозвучало непривычно, словно он впервые пытался понять его значение.

Перед ним оставалось то же лицо, которое он любил всю жизнь. И как бы убедительно ни говорили об обратном холодная кожа и металлический разъём, Антон не мог заставить себя увидеть в ней лишь механизм.

Если она действительно была машиной, означало ли это, что всё пережитое им рядом с ней не имело значения? Разве его любовь становилась менее настоящей только потому, что он мог ошибаться в её природе?

Он не знал ответа.

Антон медленно отпустил руку и поднялся.

Ещё недавно ему казалось, что достаточно выбраться из-под власти Управления, чтобы наконец обрести свободу. Но теперь он понимал, что не знает даже собственной истории. Кто-то мог годами определять не только его будущее, но и прошлое, подменяя людей, события и воспоминания.

И самое страшное заключалось в том, что он не представлял, где заканчивается ложь.

Антон посмотрел на неподвижную женщину в последний раз.

Он пришёл домой, чтобы попрощаться с матерью.

Но теперь ему предстояло выяснить, была ли она у него вообще.

***

Антон не сразу услышал, как открылась входная дверь. Он по-прежнему сидел на кухне, глядя на неподвижную женщину, когда из прихожей донеслись торопливые шаги.

— Антон! — раздался приглушённый голос Кирилла. — Ты здесь?

Антон поднял голову, но ответить не успел. В кухонном проёме появился Кирилл. Он тяжело дышал, словно только что взбежал по лестнице, и с раздражением посмотрел на друга.

— Ты что, оглох? Я уже несколько минут пытаюсь тебя дозваться. В подъезде кто-то появился, я решил, что лучше

проверить, куда ты пропал. Нам пора…

Он замолчал, заметив женщину за столом.

— Это твоя мать?

Антон медленно кивнул.

Кирилл перевёл взгляд с него на женщину и нахмурился. Та сидела с закрытыми глазами, не обращая внимания на незваного гостя. Кирилл осторожно подошёл ближе.

— С ней что-то случилось?

— Посмотри на шею, — глухо произнёс Антон.

Кирилл наклонился. Сначала он ничего не заметил, но, отодвинув воротник кофты, обнаружил тонкую линию разъёма. Его лицо изменилось. Он коснулся края искусственной кожи, затем взял женщину за запястье и несколько секунд внимательно изучал её руку.

— Не может быть…

— Что это, Кирилл?

Тот не ответил. Он осторожно повернул голову женщины, осмотрел шею с другой стороны и отступил.

— Где ты её нашёл?

— Здесь. Она так и сидела, когда я пришёл.

— И ничего не говорила? Не двигалась?

— Нет. Я думал, она спит. Потом попытался разбудить… — Антон запнулся. — У неё нет пульса. Она холодная. Ты же видишь, это не человек.

Кирилл выпрямился и посмотрел на него.

— Это биоробот.

Антон почувствовал, как внутри вновь поднимается тревога. Он уже пришёл к такому выводу, но услышать подтверждение от Кирилла оказалось неожиданно тяжело.

— Ты уверен?

— Посмотри на соединение под кожей. У человека такого быть не может. — Кирилл снова взглянул на женщину. — Я рассказывал тебе об агентах. Управление давно использует биологические машины. Они выглядят как люди, способны разговаривать, двигаться, выполнять сложные задачи. Но я никогда не видел ничего подобного.

— В каком смысле?

— Агенты обычно не скрывают, кто они. А здесь… — Кирилл указал на женщину. — Её сделали похожей на конкретного человека. Причём настолько точно, что ты сам не заметил подмены, наверное.

Антон опустил глаза. На столе стояла знакомая чашка с выцветшими цветами. Мать пользовалась ею много лет и всегда сердилась, если он случайно брал её для кофе. Теперь даже эта мелочь казалась частью тщательно продуманного обмана.

— Зачем? — спросил он. — Зачем Управлению создавать копию моей матери?

— Понятия не имею.

— Может, её забрали? Может, она сейчас у них?

— Возможно.

— Тогда нужно выяснить, куда её увезли!

Кирилл резко повернулся к нему.

— Антон, мы даже не знаем, когда это произошло. Ты говорил, что мать работала в больнице. Её могли забрать на работе, по дороге домой, где угодно.

— Но зачем оставлять здесь эту штуку?

— Вот это меня и беспокоит.

Кирилл оглядел кухню. Его внимание задержалось на приоткрытом окне, затем на двери, ведущей в коридор. Он подошёл к холодильнику, машинально взглянул на прикреплённые к нему записки и снова повернулся к женщине.

— Управление не станет тратить ресурсы на такую сложную подделку без причины. Если им понадобилось воспроизвести внешность твоей матери, значит, она для чего-то нужна.

— Или я, — произнёс Антон.

Кирилл посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Они ищут меня, — продолжил Антон. — Евгений приезжал на свалку с агентами. Теперь я нахожу это у себя дома. Неужели ты думаешь, что всё это случайность?

— Нет. Но я не понимаю, как одно связано с другим.

Антон поднялся из-за стола. Ноги затекли, и ему пришлось опереться о спинку стула. Он подошёл к женщине, внимательно всматриваясь в её лицо. Невозможно было поверить, что перед ним искусственное существо. Даже небольшая складка между бровями, появлявшаяся у матери, когда она о чём-то тревожилась, была воспроизведена с уди-

вительной точностью.

— А если она всегда была такой?

Кирилл нахмурился.

— Что?

— Если я всю жизнь жил с машиной? Если никакой настоящей матери вообще не было?

— Откуда мне знать, Антон?

— Но ты же состоишь в Сопротивлении! Ты рассказывал про учёных, имплантаты, агентов. Неужели никто из вас не сталкивался с подобным?

— Я знаю только то, что мне рассказывали. И поверь, это далеко не всё, что скрывает Управление.

Антон сжал кулаки.

Ему хотелось получить хоть какой-нибудь ответ. Кирилл говорил о биороботах с такой уверенностью, что на мгновение показалось: сейчас он объяснит происхождение этой женщины, назовёт место, где держат настоящую мать, и всё наконец обретёт смысл. Но вместо объяснений Антон снова столкнулся с неизвестностью.

— Послушай, — Кирилл заговорил спокойнее. — Ты помнишь свою мать с детства. Помнишь, как она выглядела, что говорила, как себя вела. Но это не значит, что перед тобой всё это время была одна и та же… — Он запнулся, подбирая слово. — Один и тот же человек.

Антон посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать, что её могли заменить недавно?

— Я хочу сказать, что мы ничего не знаем. И пока не узнаем, делать выводы бессмысленно.

Эти слова немного отрезвили Антона. Он снова взглянул на женщину. Если подмена действительно произошла недавно, настоящая мать могла быть жива.

Возможно, её удерживали в одном из учреждений Управления. Возможно, она даже не подозревала, что вместо неё в квартире оставили искусственную копию.

Но как найти её, если он не знает, с чего начать?

— Мы должны что-нибудь сделать, — произнёс он.

— Сделаем. Только сначала выберемся отсюда.

Кирилл направился к двери, но Антон остановил его.

— Подожди.

— Что ещё?

— Мы не можем просто оставить её здесь.

Кирилл обернулся.

— Антон, это машина.

— Я вижу.

— Тогда в чём дело?

Антон не сразу нашёл ответ. Он понимал, насколько нелепо звучит его просьба. Перед ним находилось искусственное существо, вероятно созданное Управлением. Но стоило представить, как он закрывает дверь и навсегда оставляет эту женщину за кухонным столом, как внутри возникало почти физическое сопротивление.

— Она выглядит как моя мать, — наконец сказал он.

Кирилл несколько секунд молчал.

— Я понимаю. Но мы не можем взять её с собой. И оставаться здесь тоже нельзя.

Он подошёл к Антону и положил руку ему на плечо.

— Если настоящая мать жива, ты ей ничем не поможешь, когда агенты тебя схватят.

Антон опустил голову.

Кирилл был прав. Он уже однажды настоял на своём и привёл их сюда, несмотря на предупреждения. Теперь оставалось признать, что дальнейшее промедление может обойтись слишком дорого.

— Хорошо, — тихо произнёс он. — Уходим.

Кирилл кивнул, но прежде чем выйти из кухни, ещё раз посмотрел на женщину.

— Только кое-что мне всё-таки не нравится.

— Что именно?

— Она отключена. Или неисправна. Не знаю. Но если Управление хотело использовать её, чтобы заманить тебя домой, почему она просто сидит здесь? Почему не попыталась задержать тебя или хотя бы заговорить?

Антон задумался. Вопрос действительно был странным. Он провёл в квартире достаточно времени, чтобы его успели обнаружить, однако никто не появился. Женщина не подала ни единого признака активности.

— Может, она сломалась?

— Может. А может, мы просто не понимаем, для чего её

оставили.

Кирилл посмотрел на часы, висевшие над кухонной дверью, и нахмурился.

— Всё. Хватит гадать. Я и так задержался здесь дольше, чем собирался.

Они вышли в коридор. Антон машинально потянулся к крючку, на котором обычно висела его куртка, но вовремя вспомнил, что пришёл в ней. Он остановился перед зеркалом и на мгновение задержал взгляд на собственном отражении. Усталое лицо, растрёпанные волосы, тёмные круги под глазами. Ещё вчера он был обычным парнем, который ненавидел свою работу, спорил с отцом и мечтал однажды покинуть город. Теперь ему приходилось скрываться от Управления, а собственная квартира превратилась в место, где он боялся находиться.

— Антон, — нетерпеливо позвал Кирилл.

— Иду.

Он уже взялся за дверную ручку, когда вспомнил о матери. В последний раз обернувшись, Антон посмотрел в сторону кухни. Отсюда было видно лишь край стола и полоску света, падавшую на пол.

Сколько раз он уходил из этой квартиры, даже не попрощавшись? Сколько раз раздражённо отвечал на просьбы матери быть осторожнее, обещал вернуться пораньше и не выполнял обещания? Ему всегда казалось, что впереди ещё достаточно времени.

Теперь он не был уверен даже в том, кому адресованы эти воспоминания.

— Я найду тебя, — едва слышно произнёс он.

Они вышли на лестничную площадку. Кирилл осторожно прикрыл дверь и прислушался. В подъезде было тихо, лишь где-то этажом ниже работал телевизор. Несколько секунд они стояли неподвижно, после чего Кирилл жестом указал на лестницу.

— Лифтом не пользуемся.

Антон кивнул.

Они начали спускаться, стараясь не шуметь. На каждом пролёте Кирилл останавливался и прислушивался к звукам снизу. Антон следовал за ним, крепко держась за перила. В голове всё ещё стояло лицо матери, а перед глазами то и дело возникала тонкая линия разъёма на её шее.

На первом этаже Кирилл осторожно выглянул через стекло подъездной двери. Во дворе было пусто. У мусорных контейнеров шевелился полиэтиленовый пакет, подхваченный ветром, а над соседним домом мерцал рекламный экран.

— Чисто, — прошептал он.

Они вышли наружу.

Холодный воздух ударил Антону в лицо. Он невольно поднял голову к окнам квартиры. Свет на кухне по-прежнему горел. За этим окном находилась женщина, которую он привык считать самым близким человеком, и теперь Антон не знал, что с ней произошло и существовала ли она в том

виде, в каком он её помнил.

Кирилл тронул его за локоть.

— Нам нужно к недостроенной многоэтажке. Помнишь, я рассказывал? На границе фракций.

— Там точно нет камер?

— Насколько мне известно. Стройку забросили много лет назад. Управление туда почти не заглядывает, но расслабляться не стоит.

— Далеко?

— Если идти через дворы, доберёмся быстрее. Главное не выходить на центральные улицы.

Антон ещё раз посмотрел на освещённое окно. Ему хотелось запомнить его таким, каким оно было всегда: обычным окном обычной квартиры, где по вечерам ждала мать.

Но теперь даже это воспоминание вызывало сомнение.

— Пошли, — сказал он.

Кирилл первым свернул за угол дома. Антон последовал за ним, стараясь не оглядываться. Они быстро пересекли пустой двор и скрылись между серыми многоэтажками, направляясь к границе фракций, где среди заброшенных строений им предстояло найти временное убежище.

Впервые за всю жизнь Антон уходил из дома, не зная, есть ли у него дом, в который можно вернуться.

Глава 5

В квартире наконец стихли голоса. Отец уснул за столом, уронив голову на руки. Мать расположилась на диване, рядом с одним из гостей. Остальные тоже нашли себе места: кто в кресле, кто прямо на полу. Только телевизор продолжал вещать о счастливой жизни Избранных.

Аня осторожно выглянула из комнаты. На кухне горел свет, пахло табаком и перегаром. Она прислушалась к тяжёлому храпу отца и прикрыла дверь.

На столе лежала фотография Антона, перевёрнутая лицом вниз. Аня потянулась к ней, но в этот момент завибрировал телефон.

«*Выйдите из дома. Дальнейшие инструкции получите, когда окажетесь на улице*».

Она перечитала сообщение. Ни приветствия, ни объяснений. Впрочем, после встречи с агентами другого ожидать не приходилось.

Аня взглянула на часы, затем на фотографию.

Подумав, убрала её в сумку, накинула куртку и вышла в коридор.

У самой двери пришлось задержаться: отец зашевелился во сне, что-то пробормотал и потянулся к пустой рюмке. Аня замерла, прислушиваясь. Через несколько секунд он снова захрапел.

Она бесшумно повернула ключ и выскользнула на лестничную площадку.

На улице было пустынно. После дождя асфальт блестел под фонарями, а напротив подъезда мерцал рекламный экран с улыбающимися лицами Избранных.

Аня достала телефон.

Теперь оставалось дождаться инструкций.

Кирилл шёл впереди, выбирая узкие переулки и проходные дворы. Антон старался не отставать, хотя после пережитого каждый шаг давался с трудом. Ноги ныли, ссадины на ладонях саднили, а в голове по-прежнему стоял образ матери, неподвижно сидящей за кухонным столом.

Ночной город казался непривычно пустым. За тёмными окнами жилых домов изредка мелькали голубоватые отсветы телевизоров. Над улицами мерцали рекламные экраны, обещавшие счастье, успех и беззаботную жизнь. С них улыбались Избранные — красивые, ухоженные люди, которым, казалось, были незнакомы ни усталость, ни страх. Под одним из таких экранов, свернувшись калачиком, спал бездомный мужчина. Антон невольно задержал на нём взгляд. Надпись над головой спящего призывала каждого гражданина стремиться к лучшей версии себя.

У перекрёстка Кирилл остановился и потянул Антона за рукав. По дороге медленно проехал патрульный автомобиль. Они переждали, пока красные огни скрылись за поворотом,

и пересекли улицу.

— Долго нам ещё? — спросил Антон.

— Часа не понадобится, если обойдёмся без неприятностей.

Антон посмотрел на пустую дорогу. После всего произошедшего ему трудно было поверить, что они действительно могут просто дойти до убежища.

— Кирилл, а почему нас до сих пор не поймали?

— Потому что мы стараемся не попадаться им на глаза.

— Дело не в камерах. Евгений видел, где мы выбрались из канализации. Он мог сказать агентам, в какую сторону мы пойдём, мог догадаться, что я захочу вернуться домой.

Кирилл замедлил шаг.

— Мог.

— И что? Они даже не попытались нас догнать?

— Откуда ты знаешь, что не попытались?

— Потому что мы здесь.

Кирилл остановился под козырьком закрытого магазина. Некоторое время он смотрел на Антона, затем перевёл взгляд на улицу.

— К чему ты клонишь?

— Евгений сам нашёл меня. Он знал, что со мной что-то не так, ещё до нашего знакомства. Привёл в убежище, познакомил с вами. А потом появились агенты. — Антон помолчал. — Ты ведь говорил, что Управление уничтожает тех, кто пытается ему сопротивляться. Почему же Евгений разгули-

вал среди агентов так, будто был одним из них?

Кирилл сжал челюсти.

— Я не знаю.

— Ты ему доверял?

— Восемь лет.

— А теперь?

Кирилл не ответил сразу. За его спиной на витрине магазина медленно сменялись рекламные изображения. Женщина в дорогом костюме улыбнулась с экрана, приглашая граждан присоединиться к программе повышения социального статуса.

— Однажды Евгений вытащил меня из отделения Управления, — произнёс Кирилл. — Меня задержали за запрещённые книги. Я уже попрощался со своей памятью. А он каким-то образом добился моего освобождения.

— Каким?

— Тогда я не спрашивал. Был слишком рад, что вышел оттуда с собственной головой.

Антон нахмурился.

— И за восемь лет тебе ни разу не было интересно, как ему это удалось?

Кирилл посмотрел на него. Вопрос явно задел его сильнее, чем Антон рассчитывал.

— Когда человек спасает тебе жизнь, не всегда хочется выяснять, чем ты ему за это обязан.

— Может, именно на это он и рассчитывал.

Кирилл отвернулся. Несколько секунд они молчали, прислушиваясь к шуму проезжающего транспорта.

— Знаешь, что хуже всего? — наконец произнёс он. — Я до сих пор помню, как Евгений вытолкнул нас в тот проход. Он мог оставить тебя агентам. Мог закрыть дверь раньше, чем мы успели выбраться. Но не сделал этого.

— Значит, он хотел, чтобы мы ушли.

— Или не хотел, чтобы тебя поймали. Это не одно и то же.

Антон задумался. В словах Кирилла была неприятная логика. Если Евгений действительно работал на Управление, то зачем подвергал себя риску, помогая им бежать? А если пытался спасти, почему спустя некоторое время оказался рядом с агентами?

Он вспомнил добродушную улыбку Евгения в книжном магазине, его необычную одежду, уверенность, с которой тот говорил о свободе. Всё это теперь казалось частью тщательно разыгранного представления.

— А если им нужно, чтобы я сам куда-то пришёл? — тихо спросил Антон.

Кирилл взглянул на него.

— Куда?

— Не знаю. Но Евгений ведь не пытался меня схватить. Он хотел, чтобы я пошёл за ним добровольно. Даже когда рассказывал про Сопротивление, постоянно говорил, что выбор за мной.

Кирилл нахмурился.

— И ты выбрал.

— Только теперь я не уверен, что мне вообще оставили другой вариант.

Кирилл ничего не сказал. Он поправил воротник и вышел из-под козырька, жестом приглашая Антона следовать за ним.

Дальше они шли почти молча. Старые жилые кварталы постепенно уступали место промышленным постройкам. За ржавыми ограждениями темнели пустые склады, заросшие бурьяном площадки и брошенная строительная техника. Над крышами возвышались стеклянные башни фракции Избранных. Их фасады переливались огнями, словно за несколько кварталов отсюда начинался совершенно другой город.

Антон смотрел на эти здания и думал о матери. Возможно, именно там, за сияющими окнами, находились лаборатории, в которых создавали существ, подобных женщине, оставшейся в его квартире. Возможно, настоящая мать была совсем рядом, но он даже не представлял, где её искать.

— Кирилл, — позвал он.

— Что?

— Если мы доберёмся до убежища, что дальше?

— Отдохнём. Подумаем, с кем можно связаться.

— Я не собираюсь ждать, пока кто-нибудь решит, что со мной делать.

Кирилл остановился.

— А что ты предлагаешь?

— Найти мать.

— Антон…

— Я понимаю, что мы ничего не знаем. Не знаем, где она и жива ли вообще. Но ведь должен существовать хоть какой-то след. Кто-то создал эту копию. Кто-то привёз её в нашу квартиру. Она не могла просто появиться там сама.

Кирилл задумчиво посмотрел на него.

— Следы могут быть. Только искать их придётся там, куда мы сейчас стараемся не попадать.

— В Управлении?

— В его архивах, лабораториях, служебных системах. Если твою мать действительно забрали, кто-то должен был отдать приказ.

— Значит, найдём того, кто его отдал.

— Ты говоришь так, будто достаточно постучать в дверь и попросить показать документы.

— А ты предлагаешь забыть о ней?

Кирилл резко повернулся к Антону.

— Я предлагаю тебе сначала остаться в живых. Иначе искать будет некому.

Антон хотел возразить, но промолчал. Впервые за всё время Кирилл не пытался успокоить его обещаниями. И, пожалуй, именно поэтому его слова прозвучали убедительно.

Они свернули между двумя длинными кирпичными зданиями. Здесь не было ни рекламных экранов, ни освещённых витрин. Только одинокий фонарь над воротами забро-

шенного склада бросал тусклый свет на потрескавшийся асфальт. Где-то за ограждением глухо стучал незакреплённый лист металла.

Кирилл остановился, прислушиваясь.

— Что такое? — спросил Антон.

В ответ из темноты донеслись торопливые шаги.

Через мгновение из-за угла выбежала девушка. Она стремительно неслась в их сторону, несколько раз оглянувшись через плечо. Кирилл отступил к стене и потянул Антона за собой, но тот замешкался.

Лицо девушки показалось ему знакомым.

Она приближалась, и Антон невольно подался вперёд, стараясь разглядеть её в слабом свете фонаря. Он определённо видел её раньше. Совсем недавно.

Но где?

Телефон коротко завибрировал.

«*Направляйтесь к промышленному кварталу на границе фракций. Маршрут построен. Не отклоняйтесь от него*».

На экране появилась карта. Красная линия тянулась через несколько жилых кварталов к старым складским зданиям, неподалёку от территории Избранных.

Аня нахмурилась. Во время разговора на парковке агенты обещали ей возможность изменить жизнь, избавиться от Ярлыка и получить место среди тех, кому были доступны на-

стоящие привилегии. Но с тех пор никто не объяснил, что именно она должна сделать взамен.

Она набрала сообщение:

«*Зачем мне туда идти?*»

Ответ пришёл почти сразу.

«*Выполняйте инструкции. Условия соглашения остаются в силе*».

Аня убрала телефон в карман и направилась к выходу со двора. Ей не нравилось, что агенты распоряжались ею, даже не считая нужным объяснить свои намерения. Но отступать было поздно. По крайней мере, именно так она пыталась себя убедить.

На соседней улице ярко светились рекламные экраны. С одного из них улыбалась молодая девушка с безупречной кожей. Под её фотографией крупными буквами было написано: «ТВОЁ БУДУЩЕЕ — РЕЗУЛЬТАТ ТВОЕГО ВЫБОРА».

Аня невольно коснулась щеки.

Слово «РАЗОЧАРОВАНИЕ» никуда не исчезло.

Она отвернулась от экрана и ускорила шаг.

Ночью город выглядел почти мирным. По дорогам изредка проезжали автомобили, на остановках не было людей, двери магазинов оставались закрытыми. Аня никогда не боялась ходить одна по тёмным улицам. Здесь не грабили прохожих и не нападали ради денег. Управление давно избавило город от преступности, и об этом жителям напоминали едва

ли не каждый день.

Однако Аня хорошо знала, что отсутствие преступлений ещё не означает отсутствие жестокости.

Её отец мог годами унижать собственную дочь, а мать — равнодушно наблюдать за этим. Никому не приходило в голову вмешаться. Зато за запрещённую книгу или неосторожное высказывание человек мог исчезнуть без объяснений.

В конце улицы показался чёрный патрульный автомобиль.

Аня машинально опустила взгляд. Она ничего не нарушала, но встреча с агентами никогда не вызывала у неё желания задерживаться поблизости. Машина медленно проехала мимо. За затемнёнными стёклами невозможно было разглядеть пассажиров.

Аня продолжила путь.

Через несколько секунд за спиной послышался тихий звук тормозов.

Она обернулась.

Автомобиль остановился у тротуара. Его задний отсек открылся, и на асфальт одна за другой спрыгнули две механические собаки.

Аня замерла.

Она видела таких только на экранах. Их использовали для задержания инакомыслящих, беглецов и тех, кто пытался скрыться от Управления. Механические тела, вытянутые морды, четыре тонкие металлические лапы, заканчивавшиеся острыми захватами. Вместо глаз — тёмные оптические

сенсоры.

Одна из собак повернула голову в её сторону.

Аня почувствовала, как неприятно сжался желудок. Она отвела взгляд и сделала несколько шагов, стараясь не ускоряться.

Позади раздался сухой металлический стук.

Она остановилась.

Стук прекратился.

Аня медленно повернула голову. Обе собаки стояли посреди тротуара, направив на неё сенсоры.

— Что вам нужно? — прошептала она.

Разумеется, никто не ответил.

Аня сделала ещё шаг. Одна из собак двинулась следом, вторая обошла её по краю проезжей части.

Она попятилась.

В тот же миг обе машины сорвались с места.

Аня закричала и бросилась бежать.

Она не знала, куда направляется. Повернула за угол, едва не столкнувшись с мусорным контейнером, и помчалась вдоль глухой кирпичной стены. За спиной по асфальту часто застучали металлические лапы.

За что?

Она ничего не сделала. Выполняла их указания, шла по обозначенному маршруту. Разве не этого от неё требовали?

В кармане завибрировал телефон, но Аня даже не попыталась его достать.

Она свернула в узкий переулок. Лёгкие обожгло холодным воздухом, дыхание сбилось. Ноги начали тяжелеть, а стук за спиной не становился тише.

Машины не уставали.

Аня оглянулась и увидела, как одна из собак перемахнула через низкое ограждение, сокращая расстояние. Её металлические лапы на мгновение блеснули в свете фонаря.

До ближайшего поворота оставалось несколько метров.

Аня прибавила скорость, поскользнулась на влажном асфальте и едва удержалась на ногах. Сумка больно ударила по бедру. Она вцепилась в её ремень и побежала дальше.

Они передумали.

Мысль возникла внезапно и показалась единственным разумным объяснением.

Агенты получили от неё согласие, а теперь решили избавиться. Возможно, она знала слишком много. Возможно, её обещание помочь оказалось недостаточным. Или никакой сделки с самого начала не существовало.

Она снова повернула за угол и оказалась между двумя складскими зданиями. Впереди горел одинокий фонарь, освещавший пустой проход.

Собаки были совсем близко.

Аня услышала резкий скрежет, будто одна из машин задела когтями кирпичную стену, и невольно пригнула голову, ожидая удара.

Но ничего не произошло.

Металлический стук внезапно оборвался.

Она пробежала ещё несколько шагов, прежде чем решилась оглянуться.

Обе собаки стояли у входа в проход. Одна замерла с приподнятой передней лапой, словно движение остановили посреди шага. Другая медленно повернула голову в сторону улицы.

Несколько секунд они оставались неподвижными.

Затем одновременно развернулись и скрылись за углом.

Аня прислонилась к стене, пытаясь отдышаться.

Она смотрела туда, где только что стояли преследователи, не веря, что всё закончилось. В переулке снова стало тихо. Лишь где-то вдали гудел автомобильный двигатель.

Почему они остановились?

Аня достала телефон дрожащими пальцами.

На экране светилось новое сообщение.

«*Продолжайте движение по маршруту*».

Она перечитала его дважды. Ни объяснений, ни извинений. Словно ничего не произошло.

Аня подняла голову. Впереди, за складскими постройками, виднелись огни фракции Избранных. Ещё недавно она мечтала оказаться по ту сторону невидимой границы, стать одной из тех, кому не приходилось считать деньги до зарплаты и прятать лицо от чужих взглядов.

Теперь же ей хотелось только одного — оказаться как можно дальше от чёрного автомобиля и механических со-

бак.

Она посмотрела на карту. Красная линия по-прежнему указывала путь вперёд.

Возвращаться домой Аня не собиралась. Но и доверять агентам больше не могла.

Она убрала телефон и пошла дальше, постоянно оглядываясь. Каждый звук заставлял её вздрагивать. Вскоре за спиной снова послышался металлический лязг — возможно, ветер ударил по незакреплённому листу железа, но Аня не стала проверять.

Она побежала.

Впереди показались две мужские фигуры. Одна стояла ближе к стене, другая — посреди прохода. Аня хотела свернуть, но вдруг узнала одного из мужчин. Того самого молодого человека из кофейни.

Антона.

Она замедлила шаг, не понимая, что он делает здесь посреди ночи. На мгновение ей захотелось окликнуть его, рассказать о погоне, попросить помощи.

Но затем она вспомнила фотографию, которую агенты показали ей на парковке.

Их соглашение.

И обещание, ради которого она согласилась найти этого человека.

Аня остановилась в нескольких шагах от Антона. Она всё ещё тяжело дышала, чувствуя, как дрожат колени.

Теперь она понимала, зачем её отправили именно сюда.

Глава 6

Девушка остановилась в нескольких шагах от них, согнувшись и уперев ладони в колени. Она тяжело дышала, то и дело оглядываясь на тёмный проход между складскими зданиями. Свет фонаря падал на её растрёпанные волосы, выхватывая несколько розовых прядей.

Антон наконец узнал её.

— Аня?

Девушка резко подняла голову. Узнав его, она выпрямилась, но тут же пошатнулась и оперлась рукой о стену.

— Антон? — выдохнула она. — Ты... Что ты здесь делаешь?

— Я бы у тебя то же самое спросил.

Кирилл перевёл взгляд с одного на другую.

— Вы знакомы?

— Она работает в кофейне, — ответил Антон. — В торговом центре.

Аня попыталась что-то сказать, но вместо слов вырвался надсадный кашель. Она прижала ладонь к груди, стараясь восстановить дыхание. Антон шагнул к ней, однако Кирилл удержал его за плечо.

— За тобой кто-то гонится?

Аня кивнула.

— Собаки... Две. Механические. Они были прямо за

мной.

Кирилл посмотрел в сторону переулка.

— Где они сейчас?

— Не знаю. Они остановились. Просто взяли и остановились.

— И давно?

— Несколько минут назад. Может, меньше.

Кирилл отпустил плечо Антона и осторожно приблизился к углу здания. Прислушался, выглянул из-за стены. Улица оставалась пустой. Только ветер раскачивал незакреплённый металлический лист на ограждении соседнего склада.

— Покажи, откуда ты пришла.

Аня указала на проход за своей спиной.

— Там, дальше. Они выскочили из патрульной машины и погнались за мной. Я даже не поняла, что происходит.

— А потом передумали? — Кирилл обернулся.

— Я же сказала, не знаю!

В её голосе прозвучало раздражение, смешанное со страхом. Аня вытерла влажные ладони о куртку и посмотрела на Антона, словно надеялась, что тот объяснит своему спутнику очевидное.

— Я ничего не сделала. Просто шла по улице. Они вдруг бросились за мной.

— Куда шла? — спросил Кирилл.

Аня замешкалась.

Перед глазами на мгновение возникла красная линия

маршрута на экране телефона. Сообщение с приказом не отклоняться. Обещание агентов, что после выполнения задания она сможет стать Избранной.

— Домой, — произнесла она.

Кирилл окинул взглядом пустующие склады, ржавые ворота и заросшую сорняками строительную площадку.

— Через промышленный квартал?

— Я хотела сократить дорогу.

— Откуда?

— Какая разница? — Аня окончательно выпрямилась. — Ты собираешься выяснять, где я живу, или хотя бы дашь мне отдышаться?

Антон заметил, как изменилось лицо Кирилла. Тот больше не смотрел в сторону переулка. Всё его внимание теперь было приковано к девушке.

— Кирилл, хватит, — вмешался Антон. — Ты же видишь, в каком она состоянии.

— Вижу. И хочу понять, почему за ней гнались машины Управления.

— Может, они приняли меня за кого-то другого? — предположила Аня.

— А потом разобрались и отпустили?

Она промолчала.

— Эти собаки не теряют след просто так, — продолжил Кирилл. — Если они прекратили погоню, значит, получили команду.

Аня почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она и сама не могла объяснить, почему преследователи внезапно остановились. Но слышать это от незнакомца было ещё неприятнее.

— Откуда ты знаешь?

— Приходилось с ними встречаться.

— Тогда, может, скажешь, что мне теперь делать?

Кирилл не ответил. Он посмотрел на Антона, и тот сразу понял, о чём думает его спутник.

Они только что сбежали от агентов, обнаружили в собственной квартире Антона нечто, чему пока не находили объяснения, и теперь посреди пустого промышленного квартала встретили знакомую девушку, за которой якобы гнались механические собаки.

Совпадение выглядело слишком удобным.

— Нам нужно идти, — сказал Кирилл.

Аня растерянно посмотрела на него.

— Куда?

— Неважно.

Он повернулся к Антону, ожидая, что тот последует за ним. Но Антон остался на месте.

— Мы не можем просто оставить её здесь.

— Можем.

— За ней только что гнались агенты!

— И почему-то перестали.

— Кирилл…

— Антон, отойдём.

Он взял его за локоть и отвёл на несколько шагов. Аня осталась возле стены. Она не слышала всего разговора, но по тому, как Кирилл наклонился к Антону, догадалась, что речь идёт о ней.

— Ты вообще понимаешь, что происходит? — тихо спросил Кирилл. — Нас ищет Управление. Мы не знаем, кому можно доверять. И вдруг посреди ночи прямо перед нами появляется твоя знакомая.

— Она даже не знает, что со мной случилось.

— Вот именно. Не знает. Но почему-то оказалась здесь.

Антон оглянулся. Аня стояла под фонарём, обхватив себя руками. На её правой щеке отчётливо проступал ярлык «РАЗОЧАРОВАНИЕ». Он вспомнил, как она улыбалась ему в кофейне, шутила над посетителями и внезапно испугалась, когда он заговорил о жизни за пределами города.

Тогда она казалась ему обычной девушкой, которая просто боялась произносить лишнее.

— Я её знаю, — упрямо сказал он.

— Ты покупал у неё кофе, Антон. Это не одно и то же.

Возразить было нечего.

Кирилл бросил быстрый взгляд на Аню и ещё раз посмотрел в сторону переулка.

— Нам пора. Мы и так слишком долго здесь стоим.

— А мне что делать? — спросила Аня, заметив, что парни собираются уходить.

— Возвращайся домой, — ответил Кирилл.

— Домой? — Она нервно усмехнулась. — Ты серьёзно? Меня только что чуть не разорвали эти твари. Думаешь, я теперь спокойно пойду обратно той же дорогой?

— Собаки прекратили погоню. Значит, сейчас ты им не нужна.

— А если они вернутся?

Кирилл промолчал.

Аня перевела взгляд на Антона.

— Я даже не знаю, за что меня преследовали. А если они снова меня найдут? Что мне тогда делать?

Антон посмотрел на Кирилла. Он верил Ане или просто хотел верить. Она выглядела по-настоящему растерянной и напуганной.

— Она права. Мы не можем отправить её обратно туда, откуда она только что прибежала.

— А с нами, по-твоему, безопаснее?

— Я этого не говорил.

— Тогда что ты предлагаешь?

Антон задумался. Он понимал, что Кирилл не просто проявляет осторожность. После всего случившегося любое случайное знакомство могло обернуться ловушкой. Но оставить Аню одну посреди пустого квартала, зная, что где-то поблизости находится патруль, казалось ему неправильным.

— Возьмём её с собой. Хотя бы на эту ночь.

— Антон…

— Ты сам сказал, что там редко появляются патрули. Она сможет переждать до утра, а потом решит, что делать дальше.

Кирилл раздражённо выдохнул.

— Ты предлагаешь привести незнакомого человека в место, где мы собираемся прятаться от Управления.

— Я не незнакомый человек, — неожиданно вмешалась Аня. — Мы с Антоном знакомы.

— Он даже не знает твоей фамилии.

Аня открыла рот, собираясь возразить, но передумала. Кирилл был прав, и от этого становилось ещё обиднее.

— Послушай, — сказала она уже спокойнее. — Мне не нужно знать, куда вы идёте и зачем. Я просто не хочу оставаться здесь одна. Дайте мне где-нибудь пересидеть до утра, и больше вы меня не увидите.

Антон посмотрел на Кирилла, ожидая ответа.

Тот несколько секунд изучал лицо девушки, затем перевёл взгляд на тёмный переулок.

— До утра, — наконец произнёс он. — И никаких вопросов о том, куда мы направляемся.

Аня быстро кивнула.

— Хорошо.

— И держись рядом. Если увидишь патруль, не вздумай снова бежать куда попало.

Кирилл развернулся и первым направился вдоль складских зданий. Антон жестом предложил Ане идти следом.

Она задержалась на мгновение, посмотрев в сторону улицы, где исчезли механические собаки.

Ещё несколько минут назад она была уверена, что агенты решили избавиться от неё. Теперь перед ней стоял человек, которого те же агенты приказали найти. Аня не знала, было ли это совпадением. Но впервые за вечер ей показалось, что обещанная жизнь среди Избранных действительно может стать реальностью.

Она поправила сумку на плече и поспешила за Антоном.

***

Они шли вдоль высокого бетонного забора. Кирилл держался впереди, иногда останавливаясь на перекрёстках, чтобы осмотреть дорогу. Антон следовал за ним, а Аня старалась не отставать, хотя после погони ноги всё ещё дрожали.

— У тебя кровь, — заметила она.

Антон посмотрел на ладонь. На содранной коже запеклась кровь. Он машинально вытер руку о брюки.

— Ерунда.

— Выглядит не очень.

— Бывало и хуже.

Аня усмехнулась, но Антон не поддержал её улыбку. Перед глазами снова возникла кухня, освещённая жёлтым светом, и неподвижная женщина за столом.

— Вы двое всегда так ходите? — спросила Аня, заметив, как Кирилл в очередной раз остановился у поворота.

— Как? — отозвался Антон.

— Будто за вами кто-то охотится.

Кирилл обернулся.

— А ты после сегодняшнего вечера предлагаешь вести себя иначе?

— Я вообще-то не с тобой разговаривала.

— А я пытаюсь довести нас до места.

— Так веди. Кто мешает?

Антон покачал головой.

— Вы знакомы десять минут, а уже успели друг другу надоесть.

— Мне хватило пяти, — буркнул Кирилл.

Вскоре они вышли к широкому проезду. За дорогой возвышалось недостроенное здание. Его тёмный каркас выделялся на фоне освещённых башен Избранных. Несколько верхних этажей оставались без наружных стен, из бетонных перекрытий торчала ржавая арматура. Стройку окружал металлический забор, местами погнутый и покрытый старыми объявлениями.

Кирилл остановился.

— Пришли.

Аня подняла голову.

— Серьёзно?

— Что не так?

— Ты обещал место, где можно переночевать. Я представляла хотя бы крышу над головой.

— Крыша есть. На нижних этажах.

— Какое облегчение.

Кирилл не ответил и направился вдоль ограждения. У дальнего угла несколько листов железа были отогнуты, оставляя узкий проход.

— Сюда.

Аня остановилась перед щелью.

— А если нас здесь заметят?

— Нас скорее заметят, если будем стоять посреди дороги.

Он первым протиснулся внутрь.

Антон пропустил Аню вперёд. Она осторожно переступила через торчащую проволоку, но край куртки зацепился за металл.

— Чёрт!

Аня потянула рукав, и ткань затрещала.

— Подожди, — сказал Антон.

Он придержал лист железа и помог ей освободиться. На рукаве остался небольшой разрыв.

— Замечательно, — пробормотала Аня. — Последняя целая куртка.

— Извини.

— Ты-то здесь причём?

Антон пожал плечами.

За ограждением начиналась заброшенная и давно заросшая строительная площадка. Между бетонными блоками пробивалась трава, под ногами хрустели осколки стекла и раскрошенного кирпича. У входа в здание лежала опроки-

нутая металлическая бочка, рядом валялась груда гнилых строительных лесов.

Кирилл жестом велел им остановиться.

Из глубины первого этажа донёсся глухой стук.

Аня схватила Антона за рукав.

— Что это?

Кирилл поднял руку, призывая к тишине.

Стук повторился. Затем что-то заскрежетало по бетону.

Антон напрягся. После встречи с агентами возле канализационного люка ему было трудно поверить, что здесь они действительно окажутся в безопасности.

Кирилл медленно приблизился к входу и заглянул внутрь.

Несколько секунд он прислушивался, затем махнул рукой.

— Идите сюда.

Внутри первого этажа ветер раскачивал кусок вентиляционного короба, висевший на одном креплении. При каждом порыве металл ударялся о бетонную колонну.

Аня с облегчением выдохнула.

— Ещё немного, и я бы умерла от страха.

— От этого обычно не умирают, — заметил Кирилл.

— Спасибо. Очень поддержал.

— Пожалуйста.

Они прошли дальше. Кирилл выбрал лестницу в дальнем конце здания. Несколько ступеней были повреждены, поэтому подниматься пришлось осторожно. На третьем этаже он остановился возле помещения, отгороженного от коридора

двумя бетонными стенами. Оконные проёмы здесь были частично заложены блоками, и с улицы помещение почти не просматривалось.

На полу лежали старые деревянные поддоны. Возле стены стояла пустая пластиковая канистра.

Кирилл осмотрел соседние помещения, проверил лестничную площадку и вернулся.

— Останемся здесь до утра

Аня опустилась на поддон и вытянула ноги.

— Ты часто здесь бываешь?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь это место?

— Я же просил без вопросов.

— Ты просил не спрашивать, куда мы идём. Мы уже пришли.

Кирилл посмотрел на неё.

— У тебя на всё найдётся ответ?

— Обычно да.

— Тогда ответь, почему за тобой гнались собаки Управления.

Аня перестала улыбаться.

Антон заметил это и вмешался:

— Кирилл, мы уже обсуждали.

— Нет. Мы обсуждали, можно ли оставить её на улице. А это другой вопрос.

Аня выпрямилась.

— И что ты хочешь услышать? Я рассказала всё, что знаю.

— Тогда начнём с того, что ты делала в промышленном квартале посреди ночи.

— Я уже говорила.

— Что шла домой. Только жилых домов в той стороне почти нет.

— Я заблудилась.

— Ты живёшь в этом городе больше двадцати лет и заблудилась?

— Представь себе.

Кирилл присел напротив неё.

— Послушай. Я не знаю, кто ты и почему оказалась рядом с нами. Возможно, тебе действительно не повезло. Но сегодня мы уже ошиблись в одном человеке. Второй раз я рисковать не собираюсь.

Аня посмотрела на Антона. Он стоял у стены, опустив голову. При последних словах Кирилла его лицо напряглось.

— Что значит «ошиблись»? — спросила она

— Не твоё дело, — ответил Кирилл.

— Я не тебя спрашиваю.

Антон поднял взгляд.

— Он прав. Тебе лучше не знать.

Аня хотела возразить, но передумала.

В кофейне Антон казался ей раздражительным, немного высокомерным молодым человеком, которому просто надоела собственная жизнь. Теперь он выглядел измученным и

почти не реагировал на её попытки завязать разговор.

— Ладно, — сказала она. — Не хотите — не рассказывайте.

Кирилл поднялся.

— И ещё кое-что. У тебя есть телефон?

Аня невольно коснулась кармана.

— Есть. А что?

— Достань.

— Зачем?

— Потому что по нему нас могут найти.

Аня посмотрела на Антона.

— Это правда?

Он кивнул.

— Мы избавились от своих телефонов, когда убегали от агентов.

— От агентов? — переспросила она.

— Да.

— И после этого ты удивляешься, что я задаю вопросы?

Кирилл протянул руку.

— Телефон.

Аня не пошевелилась.

В кармане лежало единственное средство связи с агентами. Без него она не сможет сообщить, что нашла Антона, и получить дальнейшие инструкции. Возможно, лишится обещанного места среди Избранных.

Но если откажется, Кирилл наверняка заставит её уйти.

— Мне нужно кое-кому написать, — сказала она.

— Нет.

— Я должна предупредить, что не вернусь домой.

— Предупредишь утром.

— Ты не понимаешь…, — осеклась девушка, закусила губу и виновато опустила глаза в пол.

— Это ты не понимаешь, — перебил Кирилл. — Нас могут искать. И я не собираюсь выяснять, насколько быстро Управление определит наше местоположение по твоему сообщению.

Аня стиснула зубы. Ещё раз посмотрела на заблокированный черный экран смартфона, потом на Кирилла.

— Значит, я должна просто отдать тебе телефон и поверить на слово? — процедила она.

— Ты можешь уйти. Никто тебя не держит.

Она посмотрела в сторону лестницы. Три этажа вниз. Потом через пустую строительную площадку, мимо складов и тёмных переулков. Туда, где ещё недавно за ней гнались механические собаки.

— Кирилл, — вмешался Антон, — дай ей хотя бы объяснить.

— Что объяснить? Почему она не хочет расставаться с телефоном?

— Для неё это единственная связь с домом. — Антон хотел защитить девушку. Хоть кого-нибудь защитить.

— А для нас — возможность оказаться в руках Управле-

ния.

Антон замолчал. Он понимал, что Кирилл прав, и видел, как побледнела Аня.

— Послушай, — обратился он к ней. — Я знаю, что это звучит странно. Но сейчас действительно опасно оставлять телефон включённым.

Аня посмотрела ему в глаза.

Он говорил спокойно, без раздражения, и от этого ей стало ещё тяжелее.

Тогда в кофейне она решила, что Антон просто любит спорить с системой, этакий бунтарь. Теперь становилось ясно, что он действительно её враг.

— А если я его выключу? — спросила она.

Кирилл покачал головой.

— Этого недостаточно.

— Почему?

— Потому что я не знаю, какие функции продолжают работать после выключения. И проверять не хочу.

Аня медленно достала телефон.

На экране светилось непрочитанное сообщение.

«Подтвердите контакт с объектом».

Она почувствовала, как участился пульс.

— Можно хотя бы посмотреть, кто мне написал?

Кирилл шагнул ближе.

— Покажи экран.

Аня быстро заблокировала телефон.

— Это личное.

— Тогда выбирай. Либо ты отдаёшь устройство, либо уходишь.

Антон открыл рот, собираясь возразить, но Кирилл остановил его жестом.

— Нет, Антон. Здесь я уступать не буду.

Аня посмотрела на телефон.

Всё, ради чего она согласилась сотрудничать с агентами, сейчас зависело от одного сообщения. Ей нужно было лишь подтвердить, что она нашла Антона.

Но Кирилл стоял слишком близко.

— Хорошо, — наконец сказала она.

Она протянула телефон.

Кирилл взял его, положил на бетонный пол и несколько раз ударил сверху тяжёлым металлическим прутом. Экран треснул, корпус раскололся. Кирилл перевернул устройство и ударил ещё раз, после чего отодвинул обломки к стене.

Аня отвернулась.

— Теперь доволен? — спросила она.

— Теперь у нас одной проблемой меньше.

Антон посмотрел на неё.

— Извини. Я потом постараюсь помочь тебе с новым.

— Не надо.

Она села на поддон и обхватила колени руками. Телефон был уничтожен. Связь с агентами оборвалась. Аня не знала, что произойдёт, когда они не получат подтверждения. Но

ещё сильнее её тревожило другое. Если Управление действительно следило за ней, то агенты уже могли знать, что она встретила Антона. И если так, уничтожение телефона ничего не меняло.

***

Кирилл собрал обломки телефона и отнёс их к дальнему углу помещения. Аня проводила его взглядом. Она всё ещё сидела на деревянном поддоне, обхватив колени руками.

— И что теперь? — спросила она.

— Попробуем отдохнуть, — ответил Кирилл

— Здесь?

— Можешь выбрать другое место.

Аня хотела огрызнуться, но промолчала. Спорить с ним было бесполезно, а возвращаться на улицу она не собиралась.

Кирилл направился к лестнице.

— Ты куда? — спросил Антон.

— Проверю этаж. И посмотрю, нет ли другого выхода.

— Ты же уже проверял.

— Проверю ещё раз. Я не буду подвергать нас опасности…как некоторые.

При этих словах Аня театрально закатила глаза и фыркнула, скривив гримасу, которая пародировала несговорчивого юношу.

Антон ничего не ответил. Кирилл исчез за дверным проёмом, и вскоре его шаги затихли.

Аня откинулась спиной на холодную стену.

— Он всегда такой приятный? — спросила Аня.

Антон посмотрел на неё.

— Вообще-то да, он неплохой парень. И обычно он гораздо дружелюбнее.

— Не заметила.

— День был тяжёлый. Да и Кирилл многое пережил, и сейчас немного не в себе. Постарайся не принимать на свой счёт.

Аня покосилась в сторону лестницы, где скрылся Кирилл.

— Постараюсь. Хотя у него довольно убедительно получается делать вид, что я ему мешаю.

— Он просто осторожничает. И, если честно, у него есть на это причины. Если бы ты знала, что произошло, возможно, сама бы разбила телефон.

— Так расскажи.

Антон посмотрел на неё. На щеке девушки отчётливо проступало слово «РАЗОЧАРОВАНИЕ». В кофейне оно казалось ему частью её привычного образа, такой же узнаваемой, как розовые пряди в волосах. Сейчас, при тусклом свете, ярлык выглядел особенно грубо.

— Не могу.

— Потому что не доверяешь

Он помедлил.

— Потому что сам пока не понимаю, что произошло.

Аня отвела взгляд. Она знала, что Антона разыскивают

агенты, но не знала причины. Теперь, услышав его ответ, почувствовала любопытство, которое тут же постаралась подавить. Любая подробность могла пригодиться Управлению. И всё же ей хотелось, чтобы Антон рассказал сам.

— Ладно, — произнесла она. — Не буду лезть.

Некоторое время они молчали. С улицы доносился слабый гул машин. Сквозь незаложенную часть оконного проёма виднелись освещённые верхушки зданий Избранных. Даже ночью там продолжали работать огромные рекламные экраны.

— А я тебя запомнила, — неожиданно сказала Аня.

Антон повернул голову.

— Что?

— В кофейне. Ты всегда садился за один и тот же столик. В дальнем углу, возле стекла.

— Там удобнее.

— Конечно. Особенно если хочешь сделать вид, что вокруг никого нет.

— Получалось.

— Не очень. Ты слишком заметно раздражался.

Антон усмехнулся.

— А я думал, ты просто запоминаешь всех посетителей.

— Всех? Нет. Только тех, кто заказывает капучино на миндальном молоке и смотрит на мир так, будто тот лично испортил им утро.

— Может, так и было.

— Мир, конечно, тот ещё мерзавец. Но кофе-то в чём виноват?

Антон тихо рассмеялся.

Аня впервые за вечер увидела его таким, каким запомнила в кофейне. Правда, смех быстро стих, и он снова опустил взгляд на руки.

— А почему ты работаешь именно там? — спросил он.

— В кофейне?

— Да.

— Потому что там платят деньги. Не пробовал?

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она поправила волосы, убрав розовую прядь за ухо.

— У меня нет образования, связей и родителей, которые могли бы устроить меня на хорошую работу. Зато я умею варить кофе и улыбаться людям, даже когда хочется послать их к чёрту. Оказалось, полезный навык.

— Ты могла бы попробовать что-нибудь другое.

— Например?

Антон задумался.

— Не знаю. Ты же говорила, что любишь фотографировать.

— Я говорила, что фотографировала сырники, умник!

— Уже начало.

Аня фыркнула.

— Отличная карьера. Буду снимать сырники, пока меня

не переведут к Избранным за выдающиеся заслуги перед завтраками.

Она произнесла это шутливо, но Антон заметил, как при последних словах её взгляд задержался на освещённых башнях.

— Ты правда хочешь туда попасть?

— А кто не хочет?

— Я.

— Ты вообще отдельный случай.

— Почему?

— Потому что нормальные люди мечтают выбраться из бедности, а ты мечтаешь выбраться из города.

Антон посмотрел в сторону окна.

— И что в этом плохого?

— Ничего. Просто у тебя хотя бы есть мечта.

Он повернулся к ней.

— А у тебя нет?

Аня провела пальцем по шершавым буквам на щеке.

— Есть. Только она гораздо проще.

Антон не стал спрашивать. Он и так понял, о чём она говорит.

— Знаешь, — произнесла Аня после паузы, — иногда мне кажется, что этот ярлык появился раньше меня.

— В каком смысле?

— В том, что дома я всегда была разочарованием. Даже когда ничего не делала.

Она помолчала, затем усмехнулась.

— Хотя нет, вру. Когда я молчала, всех обычно всё устраивало.

Антон вспомнил отца, его тяжёлые шаги в коридоре и мать, которая каждый раз просила не спорить.

— Знакомо.

Аня посмотрела на него.

— У тебя тоже?

— Отец любил напоминать, что я ничего не добьюсь.

— И как, добился

— Пока нет. Но он хотя бы перестал спрашивать.

— Повезло.

Антон хотел ответить, но передумал. Он вспомнил, как в детстве пытался заслонить мать от отца, а потом годами злился на неё за то, что она ничего не меняла. Теперь он даже не знал, кого именно защищал всё это время.

Аня заметила, что он снова погрузился в свои мысли.

— Прости, — сказала она. — Неудачная шутка.

— Нормальная.

— Тогда почему у тебя такое лицо, будто на твоих глазах котёнка переехали?

Антон потёр переносицу

— Я сегодня был дома.

— И?

— Там случилось кое-что странное.

Аня ждала продолжения.

— С мамой, — добавил он.

— Она заболела?

— Не знаю.

Аня нахмурилась.

— Как это — не знаешь?

Антон посмотрел на неё. Ему хотелось рассказать о женщине за кухонным столом, о холодной коже, о тонком разъёме на шее. Но стоило представить, что придётся произнести всё это вслух, как к горлу подступала тошнота.

— Я не уверен, что она вообще была моей мамой.

Аня несколько секунд смотрела на него.

— Ты сейчас о чём?

Антон покачал головой.

— Забудь. Я сам пока не разобрался и, если я опять вспомню, мой мозг вскипит и без помощи агентов.

Она могла бы настоять. Вместо этого придвинулась немного ближе и тихо спросила:

— Ты хотя бы знаешь, где она сейчас?

— Нет.

— Тогда, может, стоит её поискать

Антон поднял на неё глаза. Вопрос был таким простым, что он почувствовал раздражение и злость от собственного бессилия. Разумеется, он собирался искать мать. Только понятия не имел, с чего начать.

— Я и собираюсь.

— Вот и хорошо.

— Ты даже не представляешь, насколько это сложно.

— Не представляю, — согласилась Аня. — Но если сидеть здесь, проще не станет

Антон посмотрел на неё внимательнее. В кофейне она показалась ему легкомысленной болтушкой. Теперь он впервые заметил за её шутками упрямство, которое почему-то раньше принимал за беспечность.

Из коридора послышались шаги.

Кирилл вернулся, стряхивая пыль с рукава.

— На этаже чисто. Второй выход есть, но лестница частично обрушилась. Если понадобится, спустимся по соседнему пролёту.

Он остановился, заметив, что Антон и Аня сидят рядом.

— Надеюсь, я не прервал ничего важного.

— Вообще-то прервал, — ответила Аня

— Переживу.

Кирилл подошёл к оконному проёму и выглянул наружу.

— Нам нужно решить, что делать утром, — сказал Антон.

— Утром сначала надо будет найти еду и воду.

— Я не об этом.

Кирилл обернулся.

Антон поднялся.

— Я хочу найти мать.

— Я знаю.

— Тогда нам нужно попасть к тем, кто её забрал.

— Ты даже не знаешь, кто это сделал.

— А кто ещё мог заменить человека биороботом?! — закричал он.

Аня резко подняла голову.

— Что ты сейчас сказал?

Антон замолчал.

Кирилл медленно повернулся к нему. Но было поздно.

— Биороботом? — переспросила Аня. — Ты сказал, что твою маму заменили биороботом? Нихрена себе! Вы серьезно?

Антон сжал кулаки.

— Я же сказал, что и сам толком не разобрался в случившемся.

— Как это вообще возможно?

— Я бы тоже хотел знать. Последние несколько часов я, мать твою, только и задаюсь этим гребаным вопросом! Что здесь происходит!

Кирилл тяжело выдохнул и отошёл от окна.

— Вот поэтому я и говорил, что не стоит рассказывать лишнего.

Аня переводила взгляд с одного на другого.

— Но зачем кому-то заменять твою мать?

— Не знаю.

— И где настоящая?

— Не знаю, Аня!

Голос его сорвался на крик.

Аня вздрогнула, а Антон сразу пожалел о своей вспышке.

— Извини.

— Ничего, — тихо ответила она.

Кирилл посмотрел на него.

— Вот поэтому нам нельзя действовать на эмоциях. Ты хочешь найти мать, я хочу выяснить, что произошло с Евгением и нашими людьми. Но если мы сейчас сунемся к Управлению, нас задержат ещё на подходе.

— Значит, нужен другой путь.

— Другой путь куда?

— К ним.

Кирилл усмехнулся.

— Ты предлагаешь сунуться в Управление?

— А что предлагаешь ты? Сидеть здесь и ждать, пока нас найдут?

— Я предлагаю сначала подумать.

— Тогда давай думать!

Кирилл несколько секунд смотрел на него, затем подошёл к оконному проёму.

— Видишь те здания? — Он указал на освещённые башни за границей фракций.

— Квартал Избранных, ну. — ответил Антон.

— Именно. Там находятся основные административные структуры Управления. По крайней мере, те, о которых нам известно.

— И как туда попасть?

— Через официальные пропускные пункты мы не прой-

дём.

— Это я понимаю, кэп.

— Ой давай без сарказм, и так на душе кошки скребут! Мы можем попробовать пробраться на территорию Избранных снизу.

Антон нахмурился.

— Что значит «снизу»?

— Под городом проходят старые технические коммуникации. Коллекторы, служебные тоннели, водоотводы. Некоторые строили ещё до разделения города на фракции.

— Ты хочешь снова лезть в канализацию?

— Не хочу. Но другого варианта пока не вижу.

Аня поморщилась.

— Простите, а слово «снова» сейчас прозвучало не случайно?

— Не случайно, — ответил Антон.

— Замечательно. Значит, вы уже специалисты.

Кирилл не обратил внимания на её колкость.

— Когда мы выбирались из убежища, прошли по одному из старых коллекторов. Но это была другая часть города. Здесь сеть сложнее, и я не знаю, какие участки сохранились.

— А откуда ты вообще знаешь, что тоннели ведут к Избранным? — спросил Антон.

— Видел старые схемы. Не полные. Часть коммуникаций проходила под нынешней границей ещё до того, как её установили.

— И сопротивление никогда не пыталось ими воспользоваться?

— Пыталось искать проходы, отрисовывать новые карты. Некоторые заканчивались решётками, другие были затоплены. Надёжный маршрут мы так и не смогли отыскать.

— Значит, ты предлагаешь идти наугад?

— Я предлагаю сначала найти вход и проверить, куда он ведёт. Если прохода нет, вернёмся. Ну нет у нас другого варианта сейчас.

Антон задумался.

— А если проход есть?

— Тогда попробуем попасть на другую сторону.

— И что потом

Кирилл ответил не сразу.

— Сначала осмотримся. Поймём, как там устроена охрана, где находятся административные здания. Без документов и пропусков далеко не уйдём.

— Но ведь Евгений как-то туда попадал? — спросил Антон

При упоминании его имени Кирилл помрачнел.

— Евгений много куда попадал.

— Значит, у него были связи.

— Или полномочия, о которых мы ничего не знали.

Антон вспомнил чёрный автомобиль, остановившийся возле канализационного люка. Евгений вышел из него вместе с агентами Управления. Они ждали его указаний.

— Ты восемь лет его знал, — сказал Антон. — Неужели ни разу не замечал ничего странного

— Замечал. Но тогда у меня были другие объяснения.

— Например?

— Он часто исчезал на несколько дней. Возвращался с информацией, которую не мог получить никто из Сопротивления. А с другой стороны, именно поэтому он и был лидером. Да и к тому же евгений не скрывал, что в Управление есть утечка, и на территории избранных у него были свои люди.

— И ты верил?

— Да.

— А теперь веришь ему?

— Хотелось бы…

Впервые за всё время знакомства Антон услышал в его голосе не раздражение, а страх.

— Если Евгений работает на Управление, — продолжил Кирилл, — он знает, как мы действуем. Знает наши привычки, способы связи, старые укрытия. И если он действительно привёл агентов к убежищу, значит, оставаться в городе для нас опаснее, чем когда-либо.

— Тогда тем более нужно попасть к Избранным, — сказал Антон. — Я хочу найти сведения о матери. О том, кто её заменил и когда. И я больше, чем уверен, что у этих собак из Управления, только у них, есть эти сведения.

Кирилл кивнул.

— Это хотя бы конкретная цель.

Аня, до этого молчавшая, подняла голову.

— Даже, если вы попадёте туда, как будете искать эти сведения? Просто зайдёте в первое административное здание?

Антон посмотрел на неё.

— А у тебя есть предложение получше?

— Нет. Поэтому и спрашиваю.

Кирилл неожиданно согласился:

— Вопрос-то правильный.

Он сел на край поддона.

— Нам понадобится доступ к архивам или к человеку, который знает, где искать информацию. Но сначала нужно пересечь границу.

— А если вас поймают? — спросила Аня.

— Тогда всё закончится быстро, — ответил Кирилл.

— Очень обнадёживающий план.

Аня посмотрела на Антона.

— Ты действительно собираешься туда идти?

— Да.

— Даже если не знаешь, что тебя там ждёт?

— Я знаю, что здесь меня ничего хорошего не ждёт. Этого достаточно.

Она отвела взгляд. Ещё вчера она мечтала попасть к Избранным, избавиться от ярлыка и начать новую жизнь. Теперь двое молодых парней рядом с ней обсуждали, как проникнуть туда тайно, рискуя свободой ради ответов на вопросы, которых большинство жителей города даже не осмели-

лось бы задать.

— Я пойду с вами, — неожиданно произнесла Аня.

Кирилл резко повернулся к ней.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты не имеешь к этому отношения.

— После сегодняшнего вечера я уже не уверена.

— Тебя перестали преследовать. Утром можешь вернуться домой, — бросил он, не скрывая раздражения.

— Домой? — Аня невесело рассмеялась. — А что меня там ждёт? Пьяный отец? Мать, которая жалеет, что вообще меня родила? Мне плевать, Кирилл! В этом городе меня ничего не держит!

Она резко поднялась с поддона и заходила по помещению. Несколько раз прошла от стены до стены, словно искала выход, хотя никто не преграждал ей дорогу.

— Знаешь, что самое мерзкое? Куда бы я ни пришла, мне даже не нужно представляться. Все и так знают, кто я!

Она ткнула пальцем в ярлык на щеке.

— Разочарование! Для родителей, для Управления, для каждого, кто считает себя лучше меня! Я как ненужная вещь, которую никто не решается выбросить. Как аппендикс, понимаешь? Только от самой себя я избавиться не могу!

Последние слова прозвучали почти криком. Аня резко отвернулась, провела ладонью по лицу, но уже через мгновение снова смотрела на Кирилла.

— Ты говоришь, что я не имею к этому отношения. А к чему я вообще имею отношение? К кофемашине? К грязной подсобке, где я иногда ночую, потому что боюсь возвращаться домой? Это всё, на что я могу рассчитывать в своей жалкой жизни?!

Кирилл молчал. Он слишком хорошо знал, что значит ненавидеть ярлык. Когда-то он пытался избавиться от него самым отчаянным способом — сдирал вместе с кожей, оставляя глубокие раны. Но ненавистные буквы возвращались, проступая поверх шрамов. Теперь перед ним стояла девушка, которая ещё не знала, насколько буквально можно попытаться оторвать от себя навязанное слово.

— Я слышала о сопротивлении, — продолжила Аня, не отводя от него взгляда. — В школе нам рассказывали, что вы преступники. Что хотите разрушить город и отнять у людей всё, что даёт им Управление. Я верила. Да и сейчас понятия не имею, кто из вас прав!

Она остановилась посреди помещения.

— Но я точно знаю, что больше не хочу возвращаться к прежней жизни. Просыпаться, идти на работу, улыбаться людям, которые даже не смотрят мне в глаза. Возвращаться домой и слушать, какая я никчёмная. А на следующий день всё сначала. И так годами!

Аня стиснула зубы, пытаясь справиться с дрожью в голосе.

— Я иногда думаю: а зачем вообще всё это? Зачем просыпаться завтра, если завтра будет точно таким же, как вчера?

Антон поднялся, но она остановила его движением руки.

— Нет, дай договорить!

Она сглотнула.

— Я даже думала о том, чтобы покончить с собой. Представляешь? А потом ненавидела себя ещё сильнее за то, что не смогла. Даже здесь умудрилась почувствовать себя разочарованием.

В помещении воцарилась гробовая тишина. Даже гул машин вдалеке перестал существовать.

Аня опустила голову. Несколько секунд она разглядывала собственные руки, словно только сейчас осознала, что произнесла вслух.

— Но я ведь не хочу умирать, — сказала она почти шёпотом. — Я хочу жить. Понимаете? Не просто существовать, выполняя одни и те же действия, пока от меня ничего не останется. Я хочу хоть раз почувствовать, что моя жизнь принадлежит мне.

Кирилл медленно опустил взгляд. На мгновение он вспомнил, как стоял перед зеркалом, прижимая к ране окровавленную ткань, и смотрел на буквы, которые всё равно проступали сквозь повреждённую кожу.

— Я не знаю, получится ли у вас что-нибудь изменить, — продолжила Аня. — Может, вы вообще сумасшедшие. Но если есть хотя бы маленький шанс, что человек может быть чем-то большим, чем слово на его лице, я хочу попробовать.

Она посмотрела на Антона, затем снова на Кирилла.

— Я хочу сама решить, кем мне быть. Хотя бы один раз в жизни.

Аня вытерла щёку тыльной стороной ладони и выпрямилась.

— Я хочу почувствовать вкус настоящей жизни. Даже если у неё окажется привкус смерти.

Кирилл долго смотрел на неё. Раздражение исчезло с его лица, но он не торопился отвечать.

— Я понимаю тебя лучше, чем ты думаешь, — произнёс он наконец.

Аня нахмурилась.

— Да что ты?

Кирилл машинально коснулся живота поверх футболки, там, где под тканью скрывался старый шрам.

— Поверь, знаю.

Он помолчал.

— Но я не стану обещать тебе свободу, Аня. И даже не могу обещать, что мы все вернёмся живыми.

— Я и не прошу обещаний.

— Тогда до утра подумай ещё раз. Не о том, от чего хочешь убежать. А о том, ради чего готова рисковать.

Он поднялся и направился к лестнице.

— Попробуйте поспать. Через несколько часов начнёт светать.

***

Антон устроился возле стены, подложив под голову сло-

женную куртку. Аня осталась сидеть на поддоне. Она смотрела на него, пока его дыхание не стало ровнее. Потом перевела взгляд на Кирилла. Тот устроился ближе к выходу, прислонившись спиной к бетонной колонне.

Аня закрыла глаза. Но сон не приходил. Она не знала, сколько прошло времени. В помещении стало заметно холоднее. Где-то за стеной ветер свистел в пустых оконных проёмах.

Аня осторожно поднялась. В кармане куртки лежала смятая пачка сигарет. Она достала одну, повертела между пальцами и посмотрела на спящих мужчин.

Кирилл сидел неподвижно, опустив голову на грудь. Антон лежал на боку, повернувшись лицом к стене.

Аня бесшумно направилась к лестнице. На первом этаже она остановилась, прислушиваясь к звукам с улицы. Ничего подозрительного. Только ветер и далёкий шум автомобилей. Она вышла через щель в ограждении, отошла на несколько шагов и закурила.

Первая затяжка вызвала кашель. Аня редко курила, обычно после ссор с родителями, когда хотелось хотя бы ненадолго успокоиться. Сегодня сигарета казалась единственным привычным способом справиться с тревогой.

Она посмотрела на тёмные окна недостроенного здания.

Антон рассказал ей о матери. О том, что её, возможно, заменили биороботом. Она до сих пор не могла поверить, что такое возможно. Но ещё труднее было поверить, что сама

оказалась частью происходящего.

— Доброй ночи, Анна.

Голос прозвучал за спиной.

Аня вздрогнула и резко обернулась.

У ограждения стоял мужчина в тёмном пальто. Аня сразу узнала его: это был один из агентов Управления, с которыми она столкнулась в лифте на подземной парковке.

Сигарета выпала из её пальцев.

— Вы?!

— Прошу вас, тише.

Аня отступила на шаг.

— Как вы меня нашли?

— Это сейчас неважно.

— Неважно? — Она едва сдерживала голос. — Вы отправили меня сюда, а потом за мной погнались ваши псы!

Мужчина не изменился в лице.

— Вы добрались до нужного места.

— Они могли меня убить!

— Но этого не произошло.

Аня почувствовала, как злость вытесняет страх.

— Вы обещали мне новую жизнь. А вместо этого заставили бегать по улицам, как преступницу!

— Вы согласились сотрудничать.

— Я согласилась помочь найти человека. Не помню, чтобы мы договаривались о погоне.

— Иногда обстоятельства требуют корректировки плана.

Аня сжала кулаки.

— Вы хоть понимаете, как я испугалась?

— Понимаю.

Он произнёс это настолько равнодушно, что Аня не поверила ни единому слову.

Мужчина достал из внутреннего кармана небольшой телефон.

— Ваше устройство было уничтожено. Возьмите это.

Аня не протянула руку.

— Откуда вы знаете?

— Мы наблюдали за вами на подходе к зданию.

— Значит, вы видели, как они разбили мой телефон?

— Нам известно, что связь прервалась. Этого достаточно.

Он протянул устройство ещё раз. Аня медленно взяла его.

— Что теперь?

— Продолжайте сопровождать Антона.

— Они собираются попасть к Избранным.

— Если решат пересечь границу, не препятствуйте.

Аня нахмурилась.

— Вы хотите, чтобы я пошла с ними?

— Именно.

— А если нас поймают?

— Постарайтесь этого избежать.

Она невольно усмехнулась.

— Прекрасный совет.

Агент проигнорировал ироничное замечание девушки.

— Не пытайтесь самостоятельно связаться с нами. Мы выйдем на связь, когда потребуется. И не предпринимайте ничего, что может вызвать подозрения ваших спутников.

Аня посмотрела на телефон.

— А что будет с нашим соглашением?

— Оно остаётся в силе.

— Вы обещали убрать мой ярлык.

— При выполнении всех условий.

Она коснулась щеки.

— И я смогу жить среди Избранных?

— Да.

Аня подняла глаза.

— А если я передумаю?

Мужчина некоторое время смотрел на неё.

— Не советую.

— Это угроза?

— Предупреждение.

Он сделал шаг назад.

— Возвращайтесь. Ваше отсутствие могут заметить.

— Подождите.

Агент помедлил.

— Что будет с Антоном?

— Это зависит от него самого.

— Вы собираетесь его арестовать?

— Нам необходимо, чтобы он сотрудничал добровольно.

— А если откажется?

Этот вопрос остался без ответа. Аня ждала, но мужчина уже направился к припаркованному за углом автомобилю. Через несколько секунд двигатель негромко загудел, и машина скрылась за складскими постройками. Аня осталась одна.

Она посмотрела на новый телефон. Экран был тёмным, корпус — гладким, без единой царапины. Несколько часов назад она отдала бы многое за возможность оказаться среди Избранных. Теперь эта возможность лежала у неё в ладони, и почему-то не приносила радости.

Она выключила устройство и спрятала во внутренний карман куртки.

Затем подняла с земли окурок, затушила его о бетонный бордюр и вернулась на строительную площадку.

На лестнице её встретил знакомый голос.

— Ты куда ходила?

Аня замерла.

На площадке между первым и вторым этажами стоял Антон. Он выглядел сонным, волосы растрепались, на щеке отпечаталась складка от рукава куртки.

— Курить, — ответила она.

— Не знал, что ты куришь.

— Мы вообще мало друг о друге знаем.

Антон кивнул.

— Это правда.

Он отступил, пропуская её. Аня поднялась на несколько ступеней, но остановилась в нескольких шагах от него.

— Антон?

— Что?

Она хотела спросить, действительно ли он готов рискнуть жизнью ради матери. Хотела узнать, что будет, если они не найдут никаких ответов.

Но вместо этого произнесла:

— Ты уверен, что не против взять меня с собой?

Антон посмотрел на неё.

— Я ещё не решил.

— Понятно.

— А ты уверена, что хочешь пойти?

Аня почувствовала под курткой холодный корпус телефона.

— Нет, — ответила она.

Антон немного помолчал.

— Тогда хоть в чём-то мы похожи.

Он направился наверх.

Аня осталась на лестнице, глядя ему вслед. Впервые за вечер она сказала правду и не почувствовала облегчения.

Глава 7

Антон проснулся от холода. Куртка, которую он подложил под голову, за ночь сбилась, и теперь затылок упирался в жёсткий край деревянного поддона. Он попытался повернуться на другой бок, тело отозвалось тупой болью.

За ночь он несколько раз проваливался в короткий, тревожный сон. Ему снилась кухня, мать за столом и её неподвижные руки. Каждый раз он просыпался прежде, чем успевал подойти к ней.

Сквозь пустые оконные проёмы проникал серый утренний свет. Где-то внизу хлопал на ветру лист железа.

За ночь он несколько раз проваливался в короткий, тревожный сон. Ему снилась кухня, мать за столом и её неподвижные руки. Каждый раз он просыпался прежде, чем успевал подойти к ней.

Сквозь пустые оконные проёмы проникал серый утренний свет. Где-то внизу хлопал на ветру лист железа.

Антон сел и растёр лицо ладонями. Ссадины тут же напомнили о себе.

Ему вдруг захотелось закурить.

Странное желание. За всю жизнь он не выкурил ни одной сигареты и никогда не понимал, что люди в них находят. Но сейчас почему-то представил, как стоит у окна, затягивается и хотя бы на несколько минут перестаёт думать.

Он усмехнулся собственной глупости.

Пожалуй, курить ему было совершенно незачем. Проблем и без того хватало.

Живот болезненно свело. Антон попытался вспомнить, когда ел в последний раз. Вчера? Позавчера? После всего произошедшего время превратилось в сплошную череду событий, между которыми не оставалось места для самых обычных вещей.

Он посмотрел на часы. Те показывали половину седьмого.

Кирилл спал у колонны, скрестив руки на груди. Голова неудобно свесилась набок. Даже во сне он выглядел измученным. Аня свернулась на поддоне у противоположной стены, натянув куртку почти до самого носа.

Антон осторожно поднялся.

Им нужна была еда. И вода.

Он вспомнил, как вчера Кирилл снова и снова принимал решения за них обоих: куда идти, где спрятаться, как избежать патрулей. Антон спорил, задавал вопросы, требовал объяснений. Но когда дело доходило до действий, вся ответственность неизменно оказывалась на Кирилле.

А ведь тот был ничуть не менее измотан.

Антон посмотрел на спящих спутников и направился к лестнице.

Он не собирался уходить далеко.

Вчера, когда они пробирались через промышленный квартал, он заметил за перекрёстком несколько жилых до-

мов. На первом этаже одного из них светилась вывеска небольшого продуктового магазина. Если память не подводила, до него было минут десять ходьбы.

На улице оказалось холоднее, чем он ожидал. Антон застегнул куртку и спрятал руки в карманы. Город только просыпался. В окнах загорались первые огни, по пустой дороге проехал грузовик. На остановке стояли трое рабочих в одинаковых серых куртках. Никто не разговаривал.

Антон опустил голову и ускорил шаг.

Магазин нашёлся именно там, где он его запомнил. Над дверью горела надпись «**ПРОДУКТЫ**», а рядом электронные часы показывали 06:58. На стекле висела табличка с режимом работы: с семи утра.

За дверью двигался мужчина в тёмном фартуке. Он переставлял коробки у кассы и явно не торопился впускать покупателей.

Антон подождал.

Ровно в семь над входом загорелся зелёный индикатор. Замок щёлкнул.

Внутри пахло свежим хлебом и дешёвым моющим средством. Узкие проходы между стеллажами были заставлены коробками. Холодильник у дальней стены негромко гудел.

Антон взял с полки бутылку воды, две упаковки хлеба, несколько консервов. Задержался у холодильника и добавил к покупкам сыр.

У кассы мужчина даже не поднял головы.

— ID.

Антон поставил продукты на прилавок.

— Что?

— Покупательский ID. Откройте приложение.

И только теперь Антон вспомнил о телефоне.

Вернее, о том, что от телефона остались одни осколки где-то в канализации.

— У меня его нет.

Мужчина наконец посмотрел на него.

— Телефона?

— Да.

— Тогда покупки оформить не смогу.

— У меня деньги есть.

— Рад за вас.

Продавец подвинул к себе первую упаковку хлеба, собираясь вернуть её на полку.

— Подождите. Я же могу заплатить наличными.

— А я могу получить штраф за продажу без регистрации покупателя. Оно мне надо?

— Но это обычная еда!

— Молодой человек, — мужчина устало потёр переносицу, — я магазин только открыл. Давайте без скандалов.

Антон посмотрел на продукты, которые уже мысленно разделил между ними троими.

— И что, если у человека сломался телефон, он должен голодать?

— Пусть восстановит доступ.

— А если не может?

— Значит, пусть обращается в Центр обслуживания граждан.

Антон чуть не рассмеялся. В Центр обслуживания. Конечно. Можно ещё сразу зайти в Управление и попросить их не арестовывать его хотя бы до обеда.

Он потянулся за бутылкой воды, но продавец накрыл её ладонью.

— Без ID не продам. Не я эти правила придумал.

Антон сжал кулаки, почувствовал боль в повреждённых ладонях и заставил себя разжать пальцы.

— Послушайте, — сказал он уже спокойнее. — Может, у вас есть какие-нибудь продукты на списание? Хлеб вчерашний, например. Или что-то, у чего срок годности заканчивается. Мне неважно.

Мужчина прищурился.

— Ты что, с улицы?

Антон почувствовал, как к лицу приливает кровь.

— Нет.

— Тогда чего просишь?

Он хотел огрызнуться, но сдержался.

— Мне просто нужна еда.

Продавец несколько секунд разглядывал его. Потом бросил взгляд на часы. Снаружи послышался звук подъезжающего грузовика.

— Работать умеешь?

Антон не сразу понял вопрос.

— Что?

— Коробки таскать. Умеешь?

— Умею.

— Тогда слушай. Сейчас привезут товар. Грузчик не вышел, а мне одному до обеда возиться. Поможешь разгрузить — отдам тебе продукты, которые завтра пойдут на списание. Там нормальная еда, просто срок заканчивается.

Антон посмотрел на свои ладони. Подсохшие ссадины неприятно стягивали кожу.

— Сколько коробок?

— Сколько привезут. Не переживай, весь грузовик на тебя не повешу.

Продавец направился к служебной двери, но на пороге обернулся:

— Ну что, идёшь или будешь дальше спорить с кассой?

Антон оставил покупки на прилавке и последовал за ним. Впервые ему показалось, что хотя бы одну проблему он сумеет решить сам.

Грузовик стоял у служебного входа. Водитель, коренастый мужчина с небритым подбородком, уже открыл задние двери и с недовольным видом разглядывал штабеля коробок.

— Помощник? — спросил он, заметив Антона.

— На сегодня, — ответил продавец. — Давайте быстрее, мне ещё товар принимать.

Антон забрался в кузов. Первую коробку он поднял без труда, но стоило перенести вес на ладони, как ссадины обожгло болью. Он поморщился и перехватил груз снизу, прижимая к груди.

Водитель заметил.

— Руки-то где так отделал?

— На работе.

— Кем работаешь?

— Машины мою.

— А-а. — Мужчина кивнул на коробки. — Ну, тут хоть грязи поменьше.

Антон не стал уточнять, что работа на автомойке уже казалась ему воспоминанием из какой-то другой жизни.

Следующие двадцать минут он переносил коробки из кузова в подсобное помещение. Сначала пытался считать, сколько осталось, но быстро бросил. К концу разгрузки рубашка под курткой прилипла к спине, а руки дрожали от напряжения.

— Всё, хватит с тебя, — сказал продавец, когда последняя коробка оказалась у стены. — Подожди здесь.

Он скрылся за дверью холодильной камеры и вскоре вернулся с пакетом.

— Четыре упаковки готовой еды. Срок до завтра. Ещё хлеб, сыр и вода. Только мясное сегодня съешьте, понял?

Антон заглянул внутрь. В прозрачных контейнерах лежали порции холодной курицы с овощами, рядом — два

небольших батона, нарезанный сыр и бутылки воды.

— Спасибо.

— Не за что. Заработал.

Антон взял пакет и направился к выходу.

— Эй, парень!

Он остановился.

— В следующий раз телефон не забывай. Не каждый тебе коробки таскать предложит.

— Постараюсь, — ответил Антон.

На улице он невольно улыбнулся. Впервые за последние сутки у него получилось что-то исправить, а не только наблюдать, как всё рушится.

Антон взглянул на старые дедушкины часы, которые носил на запястье. Стрелки показывали двадцать минут десятого. Он понимал, что Кирилл и Аня наверняка уже проснулись и, не обнаружив его, могли подумать самое худшее. Но теперь, когда продукты были у него в руках, Антон успокаивал себя тем, что с ними всё в порядке.

Он ускорил шаг.

Над промышленным кварталом висел привычный серый смог. Утро почти ничем не отличалось от вечера: тот же тусклый свет, те же безликие здания, растворяющиеся в мутной дымке. Солнце давно стало для жителей города чем-то почти мифическим. К заброшенному зданию Антон подошёл около половины десятого. Осторожно протиснулся через повреждённое ограждение и поднялся на третий этаж.

Голоса он услышал ещё на лестнице.

— Я тебе говорю, он не мог просто уйти! — Аня говорила быстро, почти срываясь. — Может, с ним что-то случилось?

— Именно поэтому я собираюсь его искать, — отрезал Кирилл.

Антон ускорил шаг.

— Кого искать?

Оба обернулись. Кирилл стоял посреди помещения, уже в куртке. Аня сидела на краю поддона, сжимая ремешок сумки. Увидев Антона, она вскочила.

— Ты где был?!

Он растерянно посмотрел на них.

— За завтраком сходил.

Кирилл несколько секунд молчал, словно пытался убедиться, что не ослышался.

— За завтраком?

Антон приподнял пакет.

— Да. Есть будете?

— Антон, ты совсем с ума сошёл?! — Кирилл шагнул к нему. — Мы просыпаемся, тебя нет! Телефона у тебя нет, если ты забыл! Куда ушёл, неизвестно! Ты вообще понимаешь, что мы подумали?

— Я недалеко был. Там магазин, за жилыми домами.

— Ты один вышел на улицу?!

— А что мне оставалось делать? Нам же нужно что-то есть.

— А предупредить?!

Антон хотел ответить, что они спали, но осёкся. Только сейчас он заметил, насколько бледным было лицо Кирилла.

— Не хотел вас будить, — сказал он уже тише.

— В следующий раз разбуди.

Кирилл произнёс это почти спокойно, но по напряжённой челюсти было видно, каких усилий ему стоило сдержаться.

Аня всё ещё стояла возле поддона. Проснувшись и обнаружив, что Антон исчез, она успела представить самое худшее. Вдруг его нашли агенты? Вдруг он оказался в руках Управления именно по её вине? Она пыталась убедить себя, что это не её дело, но с каждой минутой тревога становилась сильнее.

Теперь он стоял перед ней, живой, невредимый, с пакетом продуктов в руке. Аня почувствовала неожиданное облегчение. Ей даже захотелось обнять его, но она вовремя одёрнула себя.

— Ты хоть записку мог оставить, — буркнула она.

— Чем? — Антон развёл руками. — У меня даже телефона нет.

— Записки, вообще-то, на бумаге пишут, — съязвила девушка.

— Учту на будущее.

Аня покачала головой, но уголки её губ дрогнули.

Кирилл тем временем заглянул в пакет.

— Где взял

— Заработал. Помог разгрузить машину у магазина.

— Ты общался с людьми?

— С продавцом и водителем. Кирилл, я просто коробки носил.

— Агенты поблизости были? Патрули?

— Не видел. Только несколько рабочих на остановке и грузовик у магазина.

— И никто тобой не заинтересовался?

— Да кому я там нужен? — Антон устало усмехнулся. — Обычный парень, который пришёл за продуктами.

Кирилл провёл ладонью по и без того взъерошенным волосам.

— Ладно. Что уже сделано, то сделано. Но больше никаких самостоятельных вылазок без предупреждения. Договорились?

— Договорились.

— А теперь давай сюда свой героически добытый завтрак.

Они расположились прямо на поддонах. Антон раздал контейнеры, Кирилл разломил батон на три части, а Аня открыла упаковку сыра. Пластиковых приборов в пакете не оказалось, поэтому холодную курицу пришлось есть руками, вытирая пальцы бумажными салфетками, которые продавец бросил сверху.

Еда была самой обыкновенной: пресные овощи, немного пересушенное мясо, мягкий хлеб с плотной коркой. Но после бессонной ночи и долгих часов без еды всё казалось

невероятно вкусным.

Первые несколько минут никто не разговаривал.

Антон отломил ещё кусок хлеба и запил водой. Желудок наконец перестал болезненно сжиматься. Напротив него Аня с аппетитом доедала курицу, не обращая внимания на холодный жир, застывший на кожице.

— Знаете, — произнесла она, проглотив очередной кусок, — я, конечно, привыкла питаться списанными сэндвичами из кофейни, но это просто ресторанная еда по сравнению с ними.

— А я никогда не думал, что буду есть курицу руками на стройке, — отозвался Антон.

— Привыкай, — сказал Кирилл. — У нас теперь довольно разнообразная жизнь.

Аня рассмеялась с набитым ртом и едва не подавилась. Антон протянул ей воду.

Кирилл покачал головой, но тоже улыбнулся.

Они сидели на холодных деревянных поддонах, ели вчерашний хлеб и курицу из пластиковых контейнеров. За пустыми оконными проёмами серый смог скрывал город, в котором каждому из них было отведено своё место.

Впереди их ждала неизвестность. Но сейчас Антон впервые за долгое время не думал о том, что будет завтра.

Он просто отломил ещё кусок хлеба и протянул Ане.

Глава 8

Кирилл собрал пустые контейнеры в пакет, завязал его узлом и отодвинул к стене.

— Ну что, теперь можно подумать, как нам попасть на другую сторону города.

Аня забралась на широкий бетонный подоконник, достала из кармана помятую пачку ментоловых сигарет и закурила. Первую затяжку сделала с таким удовольствием, будто только её и ждала всё утро.

— Звучит так, будто нам нужно просто перейти дорогу.

— Если бы, — Кирилл вытер руки о штаны и поднялся. — Есть один путь. По крайней мере, раньше был.

— Раньше — это когда? — уточнил Антон.

— Лет пять назад. Может, шесть.

Аня стряхнула пепел за окно.

— Отлично. А ещё у тебя случайно нет карты города, нарисованной до его основания?

— Если будешь перебивать, вообще ничего не расскажу.

— Всё, молчу.

Она демонстративно приложила два пальца к губам, зажав между ними сигарету.

Кирилл покачал головой, сунул руку в карман джинсов и достал крошечный потрёпанный блокнот. Положил его на

деревянный поддон и принялся листать.

— Это ещё что? — поинтересовалась Аня.

— Мои записи.

— Ты ведёшь дневник? Как мило.

— Аня.

— Всё-всё, молчу.

Антон придвинулся ближе. Страницы были исписаны мелким, торопливым почерком. Между столбиками цифр встречались сокращения, зачёркнутые слова и непонятные обозначения.

Кирилл перелистнул ещё несколько страниц и остановился на небольшом чертеже, нарисованном карандашом.

— Вот. Смотрите.

Антон наклонился к блокноту ближе.

— Что это?

— Старые коммуникации. Когда-то мне показали, как через них можно добраться до границы фракций. Я тогда зарисовал маршрут.

— А давно это было?

— Лет пять-шесть назад.

Аня медленно выпустила ментоловый дым.

— То есть мы собираемся лезть под землю по рисунку, который ты сделал шесть лет назад?

Кирилл бросил в сторону девушки полный скептицизма взгляд.

— Так ты ещё не все извилины прокурила! Есть предло-

жение получше?

Аня затянулась, отвела взгляд в окно и промолчала.

Кирилл провёл пальцем по одной из линий.

— Вот здесь проходит старый коллектор. Раньше он соединял технические помещения под промышленным кварталом с обслуживающими тоннелями за границей фракций.

— И по нему можно попасть к Избранным? — Антон наклонился над схемой.

— Теоретически.

— Мне нравится, как уверенно ты это произносишь, — заметила Аня.

— Других вариантов у нас пока нет.

Антон проследил пальцем вдоль тонкой линии, уходящей за пределы обозначенного квартала.

— А здесь что?

— Старый транспортный тоннель. Его закрыли ещё до разделения города на фракции.

— Почему?

— Не знаю. Может, обвалился. Может, стал не нужен.

— А если коллектор тоже закрыли?

— Значит, будем искать другой вход.

— А если его вообще больше нет?

Кирилл поднял на него уставшие впалые глаза, под которыми вырисовывались синие полосы.

— Антон, ты хочешь, чтобы я сейчас перечислил все причины, по которым у нас ничего не получится?

— Нет. Я хочу понять, что мы будем делать, если не получится. Иметь план В или даже Г.

Кирилл открыл рот, собираясь ответить, но вдруг замолчал. Антон и сам удивился собственной настойчивости. Ещё несколько дней назад он вряд ли решился бы так разговаривать с человеком, который явно знал больше него. Но теперь от этих решений зависела не только его жизнь.

— Вернёмся и придумаем что-нибудь ещё, — наконец сказал Кирилл.

— Хороший план, — отозвалась Аня. — Особенно часть, где мы возвращаемся.

— Ань, может, хватит?

Она посмотрела на него поверх сигареты.

— Что?

— Я пытаюсь объяснить, как нам выбраться отсюда, а ты каждую минуту вставляешь свои комментарии.

— Извини, что не встречаю твой гениальный план аплодисментами.

— Я не прошу аплодисментов.

— А что тогда? Чтобы мы молча пошли за тобой неизвестно куда?

Кирилл выпрямился. Теперь его глаза сверкали молниями.

— Я никого за собой не тащу. Если у тебя есть идея получше, я с удовольствием её выслушаю.

Аня затушила сигарету о бетонный край подоконника.

Несколько секунд смотрела на окурок, зажатый между пальцами.

— Нет у меня идеи получше, — сказала она уже спокойнее. — Просто не хочется лезть под землю и остаться там погребенными заживо.

— Мне тоже не хочется.

Он произнёс это без раздражения, и Аня впервые внимательно посмотрела на него. Кирилл стоял, опираясь ладонями о поддон. Под глазами залегли тёмные круги, на подбородке проступила щетина. За последние сутки он почти не спал, но продолжал вести себя так, словно обязан был знать ответ на любой вопрос. Нет, она не должна забывать свою цель.

— Ладно, — вздохнула она. — Показывай свой коллектор.

Кирилл коротко кивнул и снова склонился над схемой.

— Вот здесь должен быть технический вход. Если пройдём через жилые кварталы, доберёмся примерно за час.

— А через пропускные пункты никак? — спросил Антон.

Кирилл посмотрел на него так, словно тот предложил самостоятельно явиться в Управление.

— Там проверяют документы, лица, цифровые пропуска. Даже если бы у нас были телефоны, объяснить, зачем троим людям из Чёрной фракции понадобилось идти к Избранным, было бы непросто.

Антон вспомнил утренний поход в магазин.

— Получается, без телефона мы даже хлеб купить не можем.

— Именно.

— И что дальше? Как мы вообще будем жить?

— Ты только сейчас об этом задумался?

— Нет. Просто раньше ты говорил, что знаешь, что делать.

Кирилл медленно сложил схему. Нижняя губа нервно подергивалась.

— Я знаю немного больше вашего, Антон. Это не значит, что у меня есть ответы на все вопросы. Критикуешь, предлагай.

В его голосе прозвучала усталость, которую он до этого старательно скрывал.

Антон почувствовал себя неловко.

Он вспомнил, как Кирилл встретил его после похода в магазин. Как злился, как собирался отправиться на поиски. Вспомнил и то, что за всё время их знакомства Кирилл ни разу не попросил о помощи.

— Я не это имел в виду, — виновато сказал Антон

— А что?

— Просто… — Он замялся. Ему стало стыдно. — Я тоже хочу понимать, что происходит. Чтобы хоть чем-то помочь.

Кирилл посмотрел на него внимательнее.

— Тогда помоги мне найти этот чёртов вход.

Антон улыбнулся.

— Договорились.

— Ну вот, — Аня спрыгнула с подоконника. — Мужчины поговорили, выяснили отношения. Теперь можно собираться?

— Ты уже собралась? — спросил Кирилл.

Она развела руками.

— А что мне собирать? Всё моё имущество при мне, — она демонстративно похлопала сумку.

Через несколько минут они были готовы выходить.

Антон задержался у оконного проёма. За бетонными стенами расплывались очертания соседних зданий. Серый смог висел так низко, что верхние этажи домов почти исчезали в нём. По дороге внизу медленно двигался грузовик. Следом проехал автобус с тускло освещёнными окнами. Город жил своей обычной жизнью

Антон поправил на запястье старые дедушкины часы. Ещё вчера ему казалось, что самое сложное — решиться уйти. Теперь он начинал понимать, что это было только начало.

Они покинули недостроенное здание через пролом в ограждении. Кирилл шёл впереди, время от времени сверяясь с ориентирами. Антон держался чуть позади, а Аня замыкала их небольшую процессию, старательно обходя лужи.

Улица встретила их привычным запахом сырости, выхлопных газов и нагретого металла. Смог окутывал дома плотной серой пеленой. Солнца не было видно, как не было видно его вчера, неделю назад или месяц назад. Антон даже

не помнил, когда в последний раз видел настоящее голубое небо. В городе давно перестали различать ясную и пасмурную погоду. Время суток выдавали часы, расписание транспорта и свет фонарей, которые автоматически загорались по вечерам.

На перекрёстке собралась небольшая толпа. Люди стояли перед пешеходным переходом, хотя дорога была совершенно пустой. Красный человечек на светофоре мигал, отсчитывая последние секунды. Мужчина в рабочем комбинезоне нервно переступал с ноги на ногу, поглядывая на часы.

— Да переключись ты уже, — прорычал он.

Рядом женщина одёрнула маленькую девочку, которая попыталась сделать шаг на проезжую часть.

— Стой! Не видишь, красный?

— Но машин же нет.

— Какая разница? Сказано стоять, значит, стой.

Девочка насупилась, но послушно вернулась на тротуар. Антон невольно задержал на них взгляд.

— Чего встал? — Кирилл обернулся.

— Ничего.

Загорелся зелёный. Толпа разом двинулась вперёд.

На противоположной стороне улицы над входом в административное здание светился огромный экран. По нему беззвучно сменялись изображения улыбающихся мужчин и женщин. Их кожа выглядела безупречной, одежда, будто только что снятой с витрины дорогого магазина.

Над головами Избранных медленно появлялись слова:

«*СТАБИЛЬНОСТЬ*».

«*БЛАГОПОЛУЧИЕ*».

«*УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ*».

Затем изображение сменилось знакомым лицом телеведущей, которую Антон не раз видел во время вечернего Эфира.

«Ваше будущее начинается с правильного выбора», — гласила надпись под её улыбкой.

— Интересно, — тихо произнёс Антон, — они сами хоть раз делали неправильный выбор?

— Кто? — спросила Аня.

Он кивнул на экран.

— Эти.

Аня посмотрела на сияющую женщину.

— С такой причёской? Сомневаюсь.

Антон усмехнулся.

— У неё волосы даже не шевелятся. Они как пластмассовый парик, такие прически были у женских фигурок из детского конструктора

— Может, там просто ветра нет.

— Или волос.

Аня прыснула со смеху.

— Представляешь, если она лысая?

— И каждое утро выбирает себе новую причёску.

— Да, — Аня улыбалась. — Говорю же, это все те самые куклы из конструктора!

— Вы двое закончили? — Кирилл обернулся

— Обсуждаем культурную жизнь города, — невинно ответила Аня.

— Обсуждайте потише.

Но Антон успел заметить, как Кирилл отвернулся, пряча улыбку.

Они свернули на широкую улицу, вдоль которой тянулись одинаковые жилые дома. На первых этажах располагались магазины, аптеки, пункты выдачи и небольшие закусочные. У каждого входа висела электронная табличка с часами работы и перечнем доступных услуг.

Перед продуктовым магазином образовалась очередь.

Женщина средних лет стояла у кассы, прижимая к груди пакет молока и буханку хлеба.

— Я же говорю, у меня приложение не открывается! — возмущалась она.

Молодой кассир с усталым желтовато-зеленым лицом смотрел на неё из-за терминала.

— Попробуйте перезагрузить телефон

— Я уже три раза перезагружала!

— Тогда обратитесь в центр обслуживания.

— И что, мне теперь без хлеба домой идти

Кассир развёл руками

Позади женщины кто-то недовольно вздохнул и нарочито громко произнес:

— Девушка, ну отойдите уже. Люди на работу опаздывают

— А вы бы на моём месте что делали?! — раздраженно ответила она.

— Не задерживала очередь!

Женщина ещё несколько секунд стояла перед кассой, потом с силой положила продукты обратно на ленту.

— Чтоб вы все провалились со своими приложениями!

Она вышла из магазина, хлопнув дверью.

Антон проводил её взглядом.

Утром он оказался почти в такой же ситуации. Только ему повезло встретить продавца, который согласился обменять продукты на работу.

— И так каждый день, — заметила Аня.

— Что? — спросил Антон.

— Кто-нибудь обязательно ругается из-за телефона. У нас в кофейне одна женщина как-то полчаса доказывала, что она — это она. Приложение почему-то решило, что её лицо не совпадает с фотографией.

— И чем закончилось?

— Ничем. Ушла без кофе. Зато успела рассказать всем в очереди, что раньше люди жили лучше

— Было лучше?

Аня пожала плечами.

— Откуда мне знать? Я тогда ещё не родилась.

У остановки общественного транспорта пожилой мужчина пытался приложить телефон к считывателю на турникете автобуса. Устройство несколько раз пискнуло и загорелось

красным.

— Повторите попытку, — механически произнёс динамик.

Мужчина попробовал снова.

Красный сигнал.

Водитель высунулся из кабины:

— Дед, ну давай быстрее!

— Да я пытаюсь

— Не проходит, выходишь. У меня расписание.

Мужчина беспомощно оглянулся на пассажиров. Под редкими седыми волосами, прямо посередине лба, темнел ярлык «БЕСПОЛЕЗНЫЙ». Глубокие морщины пересекали буквы, но слово всё ещё можно было разобрать. Никто не вмешался, хотя можно было бы попробовать пополнить его ID. Несколько человек смотрели в телефоны, женщина возле двери раздражённо постукивала ногтем по поручню.

Наконец старик сошёл на тротуар. Двери захлопнулись, и автобус тронулся, оставив его возле остановки.

Антон остановился.

— Может, ему помочь?

— Чем? — спросил Кирилл.

— Не знаю. Разобраться с телефоном. Или пополнить…, — юноша осёкся.

— Мы ничего не можем сделать без телефона, пошли.

Антон ещё раз оглянулся. Старик сел на скамейку, положил телефон на колени и принялся протирать экран рука-

вом, словно надеялся, что дело было в грязном стекле.

— Подождите, — сказал Антон.

Кирилл остановился.

— Что ещё?

Антон уже направился к скамейке.

— Извините, — обратился он к старику. — У вас что-то с приложением?

Мужчина поднял голову. Его глаза были светлыми, почти прозрачными.

— Да вот, сынок, не пускает. А мне в больницу надо.

Антон присел рядом.

— Можно посмотреть

Старик протянул ему телефон. На экране светилось уведомление об ошибке идентификации. Антон попробовал перезапустить приложение. Подождал, пока загрузится заставка. Снова высветилась ошибка.

— Не получается, — нехотя признался он.

— Да я уж понял, — старик слабо улыбнулся. — Ты хоть попробовал. Спасибо.

Антон вернул телефон.

— Может, следующий автобус пропустит?

— Не пропустит. У них у всех теперь одинаково

Старик аккуратно убрал телефон в карман поношенного пальто.

— Ничего. Посижу немного. Может, само заработает.

Антон поднялся. Он хотел сказать что-нибудь ободряю-

щее, но все слова показались глупыми.

— Удачи вам. — тихо произнёс он.

— И тебе, сынок.

Когда Антон вернулся к остальным, Кирилл встретил его недовольным взглядом.

— Я же сказал, что мы не можем помогать каждому встречному.

— Я просто посмотрел телефон

— И помог?

— Нет.

— Вот именно.

Антон сжал губы в плотную тоненькую полоску. Аня, до этого молчавшая, вдруг сказала:

— Зато дед теперь хотя бы знает, что дело не в нём.

Кирилл вопросительно посмотрел на неё.

— Что?

— Ну, что телефон сломан, а не он сам.

Она кивнула в сторону остановки. Кирилл ничего не ответил. Только поправил капюшон толстовки и продолжил путь.

У следующего перекрёстка они миновали школьный двор, огороженный высоким металлическим забором. На площадке дети в одинаковых серых куртках стояли двумя ровными шеренгами. Перед ними прохаживалась женщина с планшетом.

— Повторяем! — громко произнесла она.

Дети хором ответили:

— Каждый человек отвечает за своё место в обществе!

— Хорошо. Ещё раз

— Каждый человек отвечает за своё место в обществе!

У одного мальчика голос прозвучал заметно тише остальных. Женщина остановилась напротив него.

— Максим, почему не повторяешь?

— Я повторяю.

— Тогда почему я тебя не слышу?

Мальчик опустил голову.

— Не знаю.

— Нужно стараться лучше. Ты же не хочешь снова разочаровать родителей?

Антон заметил, как Аня вдруг съёжилась. Её плечи поднялись, а пальцы машинально потянулись к щеке, словно она хотела прикрыть ярлык. Она почти сразу опустила руку, но Антон успел заметить

Он перевёл взгляд на мальчика за забором. Тот стоял, уставившись в землю, а учительница уже обращалась к остальным детям, будто ничего не произошло

Антон снова посмотрел на Аню. Он не знал, что именно говорили ей родители. Не знал, сколько раз она слышала слово, которое теперь носила на лице. Но ему было слишком хорошо знакомо это движение — желание стать меньше, незаметнее, исчезнуть, пока на тебя смотрят.

Перед глазами на мгновение возникла тесная кухня. Отец стоял у стола, тяжело опираясь на его край.

«Ты ошибка».

Павел Сергеевич произносил это так легко, словно речь шла о чём-то давно установленном и не требующем доказательств. Антон помнил, как в детстве пытался понять, что именно сделал не так. Старался быть тише, аккуратнее, быстрее выполнять поручения. Иногда ему казалось, что если провести хотя бы один день без единой ошибки, отец наконец перестанет злиться.

Но такого дня почему-то никогда не наступало

— Слушай… — негромко произнёс он.

Аня вздрогнула

— Что

— Ты в порядке?

Она нахмурилась.

— А что со мной должно быть?

— Ничего. Просто спросил.

— Ну вот и отлично.

Аня попыталась усмехнуться, но улыбка вышла неубедительной. Она сунула руки в карманы и ускорила шаг.

Антон догнал её.

Некоторое время они шли молча.

— Знаешь, — вдруг сказала Аня, не глядя на него, — меня в детстве тоже заставляли повторять всякую чушь.

Антон повернул голову.

— Какую?

— Не помню. Что-то про дисциплину, пользу обществу…

— Она поморщилась. — Особенно мне нравилось, когда учителя говорили, что родители должны нами гордиться.

Она произнесла последние слова с такой насмешкой, что Антон не сразу понял, смеётся она или злится.

— Почему?

— Потому что моим родителям обычно было не до меня. Они гордились бы мной больше, если я приносила домой вместо пятерок бутылку водки! Да, вот тогда бы они лопнули от гордости

Аня замолчала.

Антон хотел спросить ещё что-нибудь, но вовремя удержался.

— У меня отец тоже не особенно гордился, — сказал он.

Она искоса посмотрела на него.

— Правда?

Антон усмехнулся.

— Мягко говоря.

Аня опустила глаза.

— Значит, нам с тобой повезло.

— Очень.

Они обменялись короткими улыбками.

Аня достала пачку сигарет, вытряхнула одну, но не стала закуривать. Просто покрутила её между пальцами и убрала обратно.

— А мама? — спросила она.

Антон не сразу ответил.

— Мама была другой.

— Хорошей?

Он кивнул.

— Самой лучшей.

Аня посмотрела на него внимательнее. В его голосе не было ни привычной иронии, ни попытки казаться спокойным.

— Тогда мы её найдём, — сказала она. — Хорошие мамы заслуживают быть найденными!

Он улыбнулся.

Они ещё некоторое время шли рядом. Антон чувствовал, что мог бы рассказать ей больше. О том, как мать приносила домой апельсины. Как смеялась, когда он рассказывал какую-нибудь глупость. И как однажды перестала улыбаться ему так, как раньше.

Но пока ему хотелось сохранить эти воспоминания при себе.

Постепенно жилые дома сменились складами, ремонтными мастерскими и заброшенными административными корпусами. Витрины исчезли. Вместо рекламных экранов на стенах появились предупреждающие таблички: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН», «ОПАСНАЯ ЗОНА», «ОБЪЕКТ ЗАКРЫТ».

Вдоль дороги тянулся ржавый забор. За ним виднелись пустые погрузочные площадки, штабеля бетонных плит и остовы старых грузовиков.

Кирилл остановился возле перекрёстка и достал схему.

— Нам туда.

Он указал на узкий проезд между двумя промышленными зданиями.

— А там точно есть вход? — спросила Аня.

— Должен быть.

— Опять это слово.

Кирилл сложил листок.

— Можешь предложить другой маршрут.

— Могу. Но тебе он не понравится.

Антон посмотрел в сторону проезда. Между зданиями почти не было света. Из глубины доносился монотонный гул какого-то работающего оборудования. Он не знал, что ждёт их впереди. Но впервые за последние дни это незнание вызывало не только страх. Ему хотелось самому увидеть, что находится по ту сторону города.

— Идём, — сказал он.

Кирилл посмотрел на него с лёгким удивлением, затем кивнул. И они свернули в проезд.

***

Узкий проезд заканчивался ржавыми воротами. Одна створка висела на единственной петле, покачиваясь от ветра, словно расшатанный молочный зуб, который давно пора вырвать.

Кирилл первым протиснулся в щель. Антон придержал железную створку, пропуская Аню.

— Какой галантный, — заметила она, пригнув голову. —

Только не вздумай меня здесь похоронить.

Антон усмехнулся.

— Постараюсь.

Он осторожно отпустил ворота. Железо протяжно заскрипело, и Аня невольно втянула голову в плечи.

За ограждением раскинулся заброшенный промышленный двор. Асфальт вздулся от корней, между бетонными плитами торчали пучки пожухлой травы. Вдоль стен громоздились металлические бочки, покрытые ржавчиной, похожей на старые кровоподтёки. Из разбитых окон свисали обрывки проводов.

Здесь пахло сыростью, пылью и чем-то кислым, давно въевшимся в кирпич.

Кирилл остановился посреди двора и огляделся.

Антон заметил, как изменилось его лицо. Ещё несколько минут назад Кирилл уверенно вёл их по улицам, почти не сверяясь с записями. Теперь же его взгляд беспокойно перебегал с одного здания на другое.

Он достал из глубокого кармана джинсов маленький блокнот. Несколько страниц слиплись от влаги, и Кириллу пришлось осторожно разделять их ногтем.

— Здесь должна быть насосная станция, — пробормотал он, изучая чертёж.

Антон заглянул ему через плечо.

Неровные карандашные линии напоминали паутину, которую кто-то попытался перенести на бумагу, не слишком

заботясь о точности.

— И как мы её узнаем?

— Невысокое здание. Отдельный вход в подвал.

Аня оглядела ряд одинаковых кирпичных корпусов.

— Замечательно. Осталось выбрать один из десяти.

Кирилл промолчал. Он повернул блокнот боком, затем обратно. Прищурился, пытаясь сопоставить рисунок с окружающими зданиями.

Антон уже собирался предложить осмотреть двор, но заметил, как Кирилл нервно прикусил внутреннюю сторону щеки, и передумал.

Тот явно не нуждался сейчас в ещё одном вопросе.

Они двинулись вдоль кирпичной стены. Под ногами хрустело стекло. Ветер гонял по асфальту смятый бумажный пакет, который то взлетал, то снова цеплялся за землю. Из глубины территории доносился низкий гул работающего оборудования.

Аня шла последней. Она старательно обходила лужи, но вскоре всё-таки наступила в одну из них. Грязная вода брызнула на джинсы.

— Прекрасно, — процедила она, разглядывая мокрое пятно.

Кирилл даже не обернулся.

Аня проводила его спину недовольным взглядом и раздражённо вытерла ладони о бёдра.

Антон заметил это, но ничего не сказал. За последние ча-

сы он успел понять: иногда лучше позволить Ане немного позлиться, чем пытаться её успокоить.

Возле третьего корпуса Кирилл неожиданно остановился. Перед ними стояло приземистое здание с плоской крышей. Над входом сохранилась выцветшая табличка, на которой угадывались лишь несколько букв. Рядом из земли торчали толстые металлические трубы.

Кирилл быстро сверился с блокнотом.

— Кажется, оно.

Он ускорил шаг.

Антон почувствовал, как вместе с ним оживилась надежда. После бесконечных улиц и одинаковых зданий они наконец нашли что-то конкретное.

Но уже через несколько секунд стало ясно, что радоваться рано. Там, где должен был находиться вход, возвышалась глухая бетонная кладка. Серые блоки плотно прилегали друг к другу. Поверх них была закреплена металлическая пластина:

«ДОСТУП ПРЕКРАЩЁН. ОБЪЕКТ ВЫВЕДЕН ИЗ ЭКСПЛУАТАЦИИ».

Кирилл замер.

Антон остановился рядом.

Аня, не заметив их внезапной остановки, едва не врезалась ему в спину.

— Что случилось?

Антон молча указал на стену.

— А-а, — протянула она. — Вот теперь понятно.

Кирилл подошёл вплотную к кладке. Провёл ладонью по шершавому бетону, потом отступил на шаг и осмотрел верхнюю часть стены.

Его лицо постепенно мрачнело.

— Чёрт.

Он произнёс это почти беззвучно.

Антон обошёл здание справа. Там обнаружились два узких окна с решётками, одно из которых было заколочено металлическим листом. Под окнами валялись обломки кирпича, старая арматура и пустые пластиковые канистры.

Ни лестницы, ни подвального люка.

Когда он вернулся, Кирилл всё ещё стоял перед замурованным входом.

Блокнот был раскрыт у него в руке. Он то смотрел на чертёж, то поднимал глаза на бетонную стену, будто надеялся, что при очередной попытке рисунок и действительность наконец совпадут.

Аня присела на перевёрнутое ведро. Оно жалобно скрипнуло под её весом.

— Ну, — произнесла она, — хотя бы не придётся ползать по канализации.

Кирилл захлопнул блокнот

— Можешь хоть раз помолчать?

Резкость его голоса заставила Аню поднять голову.

— А ты можешь не срываться на мне каждый раз, когда

что-то идёт не по плану?

— Я пытаюсь думать.

— Тогда думай. Я тебе не мешаю.

Она отвернулась, но Антон заметил, как напряглась её челюсть.

Кирилл несколько секунд смотрел на неё, затем опустил глаза.

— Извини, — выдавил он.

Аня пожала плечами, словно извинение её совершенно не интересовало. Однако больше ничего не сказала.

Антон прислонился к стене и посмотрел на Кирилла. Тот стоял с опущенными плечами, сжимая блокнот так крепко, что обложка выгнулась между пальцами. Впервые за всё время их знакомства он выглядел не человеком, у которого всегда есть план, а обычным уставшим парнем, который очень боится ошибиться.

— Ты ведь говорил, что проход могли закрыть, — напомнил Антон.

Кирилл невесело усмехнулся.

— Говорил. Только почему-то всё равно надеялся.

Он опустился на бетонный обломок и потёр лицо ладонями.

— Шесть лет, — произнёс он после паузы. — Я шесть лет хранил этот чёртов рисунок. А теперь выясняется, что от него столько же пользы, сколько от старой открытки.

Антон сел рядом.

— Но мы нашли здание.

— И что?

— Значит, ты правильно запомнил дорогу.

Кирилл покосился на него.

— Очень утешительно.

— Я не пытаюсь тебя утешить.

— А что тогда?

Антон посмотрел на бетонную кладку.

— Пытаюсь понять, где мы ошиблись.

Кирилл ничего не ответил.

Некоторое время они сидели молча.

Ветер шевелил сухую траву у фундамента. Где-то за стеной глухо стучал незакреплённый лист железа. Звук повторялся через равные промежутки, словно кто-то терпеливо пытался достучаться до пустого здания.

Аня встала с ведра и подошла к ним.

— Слушайте, может, хватит смотреть на эту стену? Она от этого не исчезнет.

Антон поднялся.

— Ты права. Я ещё раз осмотрю здание.

— Мы уже смотрели, это бесполезно, — устало заметил Кирилл.

— Значит, посмотрю внимательнее.

Он направился к задней стене. Антон не знал, что именно собирается найти. Просто сидеть и ждать, пока Кирилл придумает решение, оказалось невыносимо. Он медленно про-

шёл вдоль фундамента, заглядывая за груды мусора. В одном месте кирпичи были покрыты белёсым налётом. Чуть дальше из стены выходила толстая труба, исчезавшая под потрескавшимся асфальтом.

Антон присел. Труба уходила в землю под небольшим углом. Рядом тянулась ещё одна, значительно тоньше. Обе были покрыты ржавчиной, но на некоторых участках сохранились следы старой краски.

Он провёл рукой по холодному металлу.

В голове всплыли слова Кирилла о коллекторе, соединявшем несколько технических помещений.

Антон посмотрел вдоль труб. Они тянулись к соседнему корпусу, почти скрытому за штабелями бетонных плит. Он поднялся и подошёл ближе. Между зданиями обнаружился узкий проход, заваленный строительным мусором. За ним виднелась кирпичная стена с несколькими вентиляционными решётками.

Антон обернулся.

— Кирилл!

Тот поднял голову.

— Что там?

— Иди сюда.

Кирилл подошёл неохотно, всё ещё держа блокнот в руке.

Антон указал на трубы.

— Они ведь не могли заканчиваться просто под землёй?

Кирилл проследил за его взглядом.

— Нет. Должны были соединяться с другими коммуникациями.

— Тогда почему мы ищем вход только здесь?

Кирилл нахмурился.

Антон кивнул на соседний корпус.

— Посмотри, куда они уходят.

Несколько секунд Кирилл молча изучал трубы. Затем раскрыл блокнот и принялся внимательно рассматривать чертёж. Антон видел, как его взгляд скользит по карандашным линиям. Кирилл повернул блокнот, поднёс ближе к лицу, провёл пальцем по почти стёртому обозначению.

— Подожди…

Он говорил уже совсем другим голосом.

Аня подошла к ним, осторожно переступив через обломок арматуры.

— Что нашли?

Кирилл не ответил. Он смотрел на рисунок, словно впервые заметил на нём что-то важное.

— Здесь два технических узла, — наконец произнёс он. — Я всегда считал, что второй — просто ответвление.

Антон почувствовал, как участилось сердцебиение.

— А если нет?

Кирилл поднял глаза на соседнее здание.

— Тогда там может быть ещё один спуск.

Он произнёс это осторожно, без прежней уверенности.

Антон посмотрел на заваленный проход. Путь к сосед-

нему корпусу преграждали бетонные плиты и груды ржавого металла. За ними темнела узкая дверь, почти полностью скрытая в тени. На первый взгляд она выглядела такой же заброшенной, как всё вокруг. Но теперь Антон уже не мог отвести от неё глаз. Он сделал несколько шагов вперёд, остановился перед завалом и попытался оценить, можно ли протиснуться между плитами.

— Осторожнее, — предупредил Кирилл.

Антон оглянулся.

— Я только посмотрю.

Кирилл убрал блокнот в карман и подошёл ближе. Аня осталась чуть позади. Она наблюдала, как оба пытаются рассмотреть проход, и впервые за долгое время не произнесла ни одной шутки. Антон упёрся ладонью в холодную бетонную плиту. Между ней и стеной оставалась узкая щель. За ней лежали обломки кирпича, но дальше, кажется, было свободное пространство. Он повернулся боком и осторожно протиснул плечо. Бетон зацепил куртку.

— Чёрт…

Антон попытался отступить, но ткань натянулась.

— Не дёргайся, — Кирилл оказался рядом. — Сейчас порвёшь.

Он осторожно освободил край куртки из трещины.

Антон выпрямился, чувствуя себя глупо.

— Спасибо.

— В следующий раз сначала смотри, куда лезешь.

В голосе Кирилла не было раздражения. Только привычная сухость, за которой Антон уже научился различать беспокойство.

Аня обошла их и внимательно посмотрела на щель.

— Вы оба слишком широкие.

— Спасибо, — буркнул Антон.

— Это не комплимент.

Она сняла с плеча прядь розовых волос, заправила её за ухо и присела перед завалом.

— Дайте-ка.

Прежде чем кто-либо успел возразить, Аня повернулась боком и легко проскользнула между плитами. С другой стороны послышался хруст стекла.

— Аня! — Кирилл шагнул к проходу.

— Жива я!

Она появилась в просвете между бетонными блоками, стряхивая пыль с джинсов.

— Здесь можно пройти. Только осторожно, под ногами мусор.

Антон посмотрел на Кирилла.

Тот устало покачал головой.

— Она когда-нибудь начнёт сначала думать, а потом делать?

— Сомневаюсь.

Они переглянулись и почти одновременно улыбнулись.

За завалом Аня уже стояла возле узкой металлической

двери. Она потянула за ручку. Дверь не поддалась.Попробовала ещё раз, уперевшись ногой в стену. Металл глухо звякнул.

— Ну конечно, — пробормотала она.

Антон наконец протиснулся следом. Кирилл задержался на мгновение, проверяя, не осыпается ли кладка, и присоединился к ним. Все трое оказались перед дверью. На её поверхности сохранились следы старой зелёной краски. Возле замочной скважины металл был исцарапан, словно кто-то когда-то безуспешно пытался вскрыть замок.

Кирилл осторожно нажал на ручку. Ничего. Он присел, рассматривая нижнюю часть двери, затем поднялся и провёл ладонью вдоль косяка.

— Заперта.

Антон посмотрел на узкую полоску темноты под дверью. Где-то за ней, глубоко внутри здания, раздался металлический стук. Все трое замерли. Звук повторился. Аня медленно повернула голову к Кириллу.

— Скажи, что это трубы.

Кирилл прислушался.

— Не знаю.

Антон почувствовал, как по спине пробежал холодок. За дверью снова что-то звякнуло. На этот раз ближе. И никто из них не решился пошевелиться.

Металлический стук повторился.

Антон прислушался. За дверью что-то скрежетало, затем

следовали три коротких удара и протяжный свист. После небольшой паузы всё начиналось сначала.

В этом ритме было что-то неприятно знакомое. Так стучали старые часы на кухне у дедушки, когда внутри них ломалась пружина. Только здесь механизм казался огромным, а каждый удар отдавался слабой дрожью в металлическом полотне.

Кирилл прижал ладонь к двери.

— Там будто работает какое-то оборудование.

— В здании, которое вывели из эксплуатации? — Аня посмотрела на табличку над входом. — Как-то странно.

Она говорила тихо, почти шёпотом. От привычной насмешливости ничего не осталось.

Кирилл присел возле замка. В скважине торчал обломок металла, а на косяке, среди старых царапин, виднелись свежие светлые полосы.

Антон заметил под дверью узкую щель. Из неё тянуло тёплым воздухом, пахнущим машинным маслом.

— Здесь кто-то бывает.

— Я заметил.

Кирилл поднялся и ещё раз надавил на ручку. Дверь не шелохнулась.

Аня тем временем отошла к стене, где из-под мусора выступала вентиляционная решётка. Присела, убрала прядь волос с лица и заглянула внутрь.

— Эй, посмотрите.

За решёткой виднелась пустота. Оттуда доносился тот же мерный стук, только приглушённый, словно кто-то накрыл работающий механизм толстым одеялом. Кирилл подошёл к ней и провёл пальцами по креплениям. Два болта отсутствовали, третий держался на честном слове.

— Отойди немного.

Он подцепил решётку обломком арматуры. Та нехотя поддалась, осыпав его рукав ржавой крошкой. За ней открылась узкая техническая шахта.

Антон наклонился. Внутри уходили вниз металлические скобы, закреплённые в бетонной стене. На глубине нескольких метров виднелась площадка.

— Туда можно спуститься?

Кирилл проверил ближайшую скобу, навалившись на неё всем весом. Металл выдержал.

— Возможно. Но дальше ничего не видно.

Он заглянул в шахту ещё раз. В слабом свете, проникавшем через отверстие, его лицо казалось осунувшимся.

— Сначала я. Если крепления ненадёжные, вернусь.

Антон хотел возразить, но Кирилл уже опустил ногу на первую скобу. Спускался он медленно, проверяя каждую опору. Несколько раз металл отзывался жалобным скрипом. Антон следил за его руками, пока те не исчезли в темноте.

Через минуту снизу раздался приглушённый голос:

— Здесь площадка. Можно спускаться.

Антон повернулся к Ане. Она стояла у стены, скрестив

руки на груди. Смотрела не на него, а на открытый проход.

— Передумала?

— Я просто представляю, сколько здесь пауков.

— Пауков?

— Огромных. Голодных. Которые шесть лет ждали, пока кто-нибудь к ним спустится.

Антон улыбнулся.

— Тогда лучше не заставлять их ждать.

Аня бросила на него возмущённый взгляд, но первой подошла к шахте.

Когда она начала спускаться, Антон заметил, как крепко её пальцы сжимают холодный металл. На секунду ему захотелось сказать что-нибудь ободряющее, однако он вовремя удержался. Аня наверняка ответила бы колкостью. А ему почему-то не хотелось, чтобы она снова пряталась за шутками.

На площадке пахло плесенью и горячей изоляцией. Кирилл стоял возле низкого проёма, за которым начинался тоннель. Антон спрыгнул с последней скобы, едва не поскользнувшись на влажном бетоне.

Аня уже отряхивала ладони.

— Если выберемся, я первым делом приму душ.

— Если выберемся, — повторил Кирилл, заглядывая в темноту, — можешь хоть неделю из него не выходить.

Он достал маленький блокнот из кармана джинсов. Света было недостаточно, чтобы разобрать чертёж, и Кирилл почти сразу убрал его обратно.

— Здесь должно быть ответвление к старому коллектору.

Антон посмотрел на две трубы, уходившие вдоль потолка. По одной из них стекала вода. Вторая была сухой, но от неё исходило ощутимое тепло.

Подземелье не выглядело заброшенным. Старые стены покрывала слизь, в углах скопился мусор, однако вдоль труб тянулись новые кабели. Их аккуратно стягивали пластиковые крепления, слишком чистые на фоне ржавчины и осыпающегося бетона.

Антон коснулся одного из них.

— Кто-то проложил их совсем недавно.

Кирилл нахмурился.

— Не трогай лучше.

Антон отдернул руку.

Они двинулись вперёд.

Тоннель постепенно расширялся. Слева проходил неглубокий канал, по которому лениво текла мутная вода. На поверхности плавали радужные масляные пятна. Справа оставалась узкая бетонная дорожка, местами настолько скользкая, что приходилось держаться за стену.

Каждый шаг отзывался под сводами гулким эхом.

Сначала Антон старался ступать осторожно, но вскоре понял, что их шаги почти невозможно различить за шумом механизмов.

Стук усиливался.

Теперь к нему примешивалось шипение, похожее на звук

выпускаемого пара, и тонкое жужжание электродвигателей. Иногда раздавался резкий металлический лязг, от которого Аня вздрагивала, а Кирилл останавливался, пытаясь определить направление.

Тепло становилось всё ощутимее.

Антон расстегнул куртку.

Воздух здесь был густым и тяжёлым, словно его уже много раз пропустили через чужие лёгкие.

На очередном повороте Аня вдруг вцепилась ему в локоть. Из-под трубы метнулась крыса. Животное проскочило между их ногами и исчезло в трещине стены. Аня резко отступила, едва не наступив в воду.

— Господи!

Антон успел придержать её за плечо.

— Это всего лишь крыса.

— Спасибо, Антон. А я подумала, что это маленькая собака.

Она высвободилась, сердито поправила волосы и двинулась дальше. Но следующие несколько метров шла ближе к нему.

За поворотом они обнаружили первое свидетельство того, что под землёй кто-то работает. Возле стены стояла металлическая тележка. На её нижней полке лежали пустые пластиковые контейнеры. Верхнюю занимали аккуратно сложенные серые перчатки и несколько рулонов упаковочного материала.

Антон провёл пальцем по ручке. Ни пыли, ни грязи.

Кирилл поднял одну из перчаток. На внутренней стороне сохранился слабый запах химического раствора.

— Здесь не просто обслуживают трубы.

Он положил перчатку обратно.

Дальше тоннель разветвлялся. Левый проход уходил под уклон, туда, где шумела вода. Правый был значительно суше. Над ним горел узкий светильник, а по стене тянулась жёлтая линия, нанесённая прямо поверх старой краски.

Кирилл сверился с блокнотом.

— Нам налево.

Антон посмотрел в противоположную сторону. Звук доносился именно оттуда. Не отдельный стук, который они слышали возле двери, а целый хор механизмов. Ритмичный, слаженный, почти музыкальный, если бы музыка могла состоять из скрежета и железных ударов.

— А там что

— На моей схеме этого прохода нет.

Кирилл задержал взгляд на жёлтой линии.

— Значит, его оборудовали позже.

Аня стояла чуть поодаль. Она смотрела в освещённый тоннель с таким выражением, будто пыталась вспомнить что-то давно забытое.

— Мы же хотели попасть к Избранным, — негромко произнесла она. — Может, стоит держаться маршрута?

Антон повернулся в её сторону. Обычно Аня первой ин-

тересовалась всем, куда не следовало совать нос. Теперь же она явно торопилась уйти.

— А если здесь что-то связанное с ними?

Кирилл сложил блокнот.

— Неважно, что там. Мы не знаем, кто пользуется этим тоннелем.

Антон посмотрел на жёлтую линию, исчезавшую за поворотом. Он вспомнил женщину в магазине, которая не смогла купить хлеб. Старика на остановке с ярлыком «Бесполезный». Детей, повторявших слова о своём месте в обществе. Весь город жил по правилам, происхождение которых никто не пытался объяснить. И сейчас, впервые оказавшись там, где этих правил словно не существовало, Антон должен был просто пройти мимо.

— Давайте хотя бы посмотрим, — предложил он.

Кирилл медленно выдохнул.

— Пять минут. Если увидим охрану или камеры — сразу назад.

Антон кивнул.

Аня ничего не сказала. Лишь машинально похлопала ладонью по сумке, словно проверяя, на месте ли что-то важное.

Они пошли вдоль жёлтой линии.

С каждым десятком шагов окружающее пространство менялось. С потолка исчезли свисающие корни и ржавые трубы. Стены стали ровнее. Под ногами вместо растрескавшегося бетона появились металлические плиты.

Антон заметил на одной из них свежую царапину, оставленную, вероятно, колёсами тяжёлой тележки. Здесь всё ещё пахло канализацией, но сквозь этот запах настойчиво пробивался другой — резкий, стерильный, напоминавший больничный коридор.

Они остановились перед широким вентиляционным коробом. Откуда-то сверху лился яркий свет. В стене виднелась решётка, за которой проходил узкий технический канал. Кирилл осторожно приблизился и заглянул внутрь. Он долго не двигался. Антон заметил, как напряглись его плечи.

— Что там?

Кирилл отступил, освобождая место.

— Посмотри сам.

Антон подошёл к решётке. За ней, метрах в десяти ниже, располагался огромный зал. Он ожидал увидеть насосы, генераторы или ремонтную мастерскую. Но ничего похожего там не было. Под высоким потолком тянулись ряды светильников. Между ними перемещались металлические конструкции с длинными суставчатыми манипуляторами. По полу проходили конвейерные линии, на которых двигались контейнеры, детали и какие-то крупные предметы, укрытые белой плёнкой.

Люди в серых комбинезонах переходили от одного рабочего места к другому.

Антон насчитал шестерых, потом заметил ещё несколько фигур возле дальней стены.

Они не разговаривали. Женщина с короткими тёмными волосами брала детали из контейнера, закрепляла их в специальном зажиме и нажимала кнопку. Манипулятор опускался, соединял детали и возвращался в исходное положение.

Женщина повторяла действие. Снова. И снова. Её движения были настолько точными, что Антон невольно принялся следить за руками, ожидая хотя бы малейшей ошибки. Но ошибки не было.

Мужчина за соседним столом работал точно так же. Он брал металлическую пластину, проверял её под лампой, укладывал на ленту. Пластина за пластиной. Ни одного лишнего жеста. Ни одного взгляда в сторону.

— Что они собирают? — прошептал Антон.

Кирилл не ответил. Он смотрел в дальний конец зала. Антон проследил за его взглядом. Там, под длинным рядом ламп, стояли несколько металлических столов. На них лежали предметы, похожие на человеческие манекены. Один из работников снял с ближайшего стола белое покрывало. Антон почувствовал, как у него пересохло во рту. На столе лежал человек. Молодой мужчина с закрытыми глазами и гладкой, почти прозрачной кожей. Его грудная клетка была раскрыта. Вместо рёбер Антон увидел тонкие металлические дуги, соединённые с блестящим каркасом. Между ними тянулись кабели, трубки и детали, назначения которых он не мог понять. Работник склонился над телом, что-то поправил

внутри и выпрямился. Затем спокойно накрыл человека обратно.

Антон отшатнулся от решётки. Его первой мыслью было, что здесь проводят опыты над людьми. Он представил больничную палату, неподвижное тело на столе и врачей, которые не считают нужным спрашивать разрешения. От этого предположения стало тошно.

— Кирилл…

Тот поднял руку, призывая к тишине.

Аня протиснулась ближе к решётке.

Антон хотел предупредить её, но не успел.

Она заглянула внутрь.

Несколько секунд её лицо оставалось неподвижным. Потом губы едва заметно разомкнулись.

— Что за…

Она не договорила. Внизу раздался короткий сигнал. Один из манипуляторов поднял с конвейера человеческую кисть.

Антон снова приблизился к решётке.

Кисть выглядела настоящей. Тонкие пальцы, аккуратные ногти, светлая кожа с едва заметными складками возле суставов. Манипулятор повернул её, и Антон увидел открытый срез запястья. Внутри находились металлические соединения. Никаких костей. Никакой крови. Кисть опустилась на стол, где лежало предплечье. Несколько инструментов одновременно пришли в движение, закрепляя детали с такой

точностью, будто выполняли давно заученный танец. Антон медленно перевёл взгляд на остальные конвейеры. Теперь он различал то, чего раньше не замечал. На одной линии двигались человеческие головы. На другой — руки и ноги. В дальнем конце зала лежали тела, ещё не покрытые искусственной кожей. Их металлические каркасы напоминали человеческие скелеты, с которых сняли всё живое, оставив только идеально рассчитанную конструкцию.

К горлу подступила тошнота. Антон прижал ладонь ко рту. Он вдруг вспомнил, как в детстве разбирал игрушечные фигурки из конструктора. Их руки и головы легко отсоединялись, а внутри скрывались маленькие пластмассовые крепления.

Тогда ему казалось забавным, что человека можно собрать из отдельных частей. Сейчас перед ним происходило то же самое. Только фигурки были в человеческий рост. И выглядели настоящими.

Один из работников приблизился к столу с незавершённым телом. Его движения были плавными, почти ленивыми. Он наклонился, взял тонкий кабель и подключил его к металлическому разъёму. В этот момент с потолка сорвалась небольшая деталь. Она ударилась о край стола и упала на пол. Громкий лязг прокатился по залу.

Антон вздрогнул.

Работник даже не повернул головы. Он продолжил соединять кабели, словно ничего не произошло. Тогда Антон за-

метил ещё кое-что. У мужчины не было ярлыка. Ни на лице, ни на открытой шее, ни на руках. Кожа оставалась безупречно чистой.

Антон наклонился ближе к решётке.

Мужчина выпрямился и повернулся боком. Под его ухом виднелась тонкая линия, почти незаметная на коже. Он коснулся её двумя пальцами. Часть шеи отодвинулась, обнажив небольшой металлический разъём.

Антон перестал дышать.

Мужчина отсоединил тонкий провод, заменил его другим и вернул участок кожи на место. Ни малейшего изменения выражения лица. Будто поправил воротник.

Антон посмотрел на женщину у соседнего конвейера. Потом на остальных.

Их лица казались разными. Молодые, пожилые, с морщинами, родинками, веснушками. У одного мужчины была седина на висках. Другая женщина выглядела лет на пятьдесят. Но теперь Антон видел то, что прежде ускользало от внимания. Они двигались с одинаковой точностью. Останавливались в одних и тех же позах. Не отвлекались. Не уставали. Даже их редкие моргания казались частью какого-то общего, невидимого расписания.

Аня отступила от решётки. Её лицо побледнело. Она прижала ладонь к губам и посмотрела на Антона. Он хотел что-то сказать, но не нашёл слов. В голове всплывали лица Избранных с огромных городских экранов. Он вспомнил соб-

ственную шутку о пластмассовых волосах телеведущей. Теперь она перестала казаться смешной.

Внизу снова раздался сигнал. На дальней линии один из работников отступил от стола. Манипуляторы поднялись к потолку. На металлической платформе лежала молодая женщина. Её тело выглядело совершенно настоящим. Светлая кожа, тёмные волосы, тонкие пальцы, сложенные вдоль бёдер. Ни проводов, ни металлических креплений больше не было видно. Антон невольно задержал взгляд на её лице. Она напоминала спящего человека, которого вот-вот разбудят.

Из динамика под потолком донёсся ровный голос:

— Проверка завершена. Запуск.

Женщина открыла глаза.

Антон вцепился пальцами в холодную решётку.

Она медленно повернула голову вправо, затем влево. Села. Её движения были осторожными, почти детскими, словно она впервые училась управлять собственным телом. Работник подошёл к платформе. Женщина посмотрела на него. Он поднял правую руку. Она повторила движение. Он опустил руку. Она сделала то же самое.

Антон почувствовал, как по спине выступил холодный пот.

Женщина встала. Сделала шаг. Потом второй. Остановилась перед зеркальной панелью, установленной возле конвейера. Несколько секунд она рассматривала собственное отражение. Затем её губы растянулись в улыбке. Слишком

правильной. Слишком неподвижной. И Антон вдруг понял, что всё это время смотрел не на человека, которому вернули жизнь. Он смотрел на машину, которую только что научили изображать человека.

Кирилл схватил его за плечо, словно выдернув из какого-то транса.

— Уходим.

Антон не пошевелился.

Внизу женщина продолжала улыбаться своему отражению. На соседней платформе открыл глаза ещё один человек. Затем третий. Конвейер двигался без остановки. Работники снимали готовые тела с платформ, проверяли их движения и отправляли дальше. Люди собирали людей. Нет. Не люди.

Антон медленно повернулся к Кириллу. Тот стоял неподвижно, глядя в зал с таким выражением, будто привычный мир только что рассыпался у него на глазах.

Аня судорожно сглотнула. Её рука лежала на сумке.

В этот момент внизу раздался новый сигнал. Один из работников остановился возле пульта и поднял голову. Антон увидел, как тот медленно повернулся в сторону вентиляционной решётки. Взгляд мужчины скользнул по стене. Остановился. На мгновение Антону показалось, что их глаза встретились. Работник не изменился в лице. Лишь поднёс два пальца к небольшому устройству возле уха. И произнёс что-то совершенно беззвучно.

Кирилл резко оттащил Антона от решётки.

— Ну всё, шоу закончено, теперь пора валить!

Они отступили в тёмный тоннель. Антон слышал собственное дыхание, тяжёлое и прерывистое. Сердце колотилось так сильно, что заглушало гул машин. Аня шла рядом, крепко прижимая сумку к боку. Никто не говорил. Позади продолжал работать конвейер. Стук. Скрежет. Короткий свист. И снова стук. Антон вдруг понял, почему этот звук казался ему таким знакомым. Он напоминал биение сердца. Только теперь он знал, что у этого сердца нет ничего человеческого.

И самое страшное было даже не в том, что под городом собирали людей из металла и проводов. А в том, что наверху никто не сумел бы отличить их от настоящих.

Глава 9

Они остановились за поворотом, когда свет производственного зала окончательно исчез из виду.

Кирилл прислонился к стене и поднял руку, призывая остальных к тишине.

Антон прислушался. За бетонной перегородкой продолжали работать механизмы. В трубах гудел воздух, где-то в глубине тоннеля капала вода. Он ждал шагов, голосов, хотя бы звука приближающейся погони.

Ничего.

— Он нас видел, — первым нарушил молчание Антон.

— Знаю.

— И что-то передал по связи.

— Тоже это заметил.

— Тогда почему за нами никто не идёт?

Кирилл отклеился от стены.

— Может, ещё идут. Проверять не собираюсь.

Он направился дальше, сверяясь с жёлтой линией на стене. Антон последовал за ним. Аня держалась позади, изредка оглядываясь на оставшийся в темноте поворот.

Они миновали несколько ответвлений. Чем дальше уходили от производства, тем хуже становилось освещение. Редкие технические лампы едва позволяли различать неровности пола.

Кирилл остановился у развилки и достал блокнот.

— Если мы не сбились с маршрута, дальше должен быть старый коллектор. Оттуда попробуем выйти к границе.

Антон почти не слушал. Перед глазами всё ещё стояла женщина на металлической платформе. Он видел, как она открыла глаза, села и повторила движение работника. Как подошла к зеркалу и улыбнулась собственному отражению. Такая же улыбка появлялась на лице его матери. Он вспомнил один вечер, когда вернулся домой позже обычного. Продукты в авоське успели согреться, а апельсины неприятно давили на пальцы. Антон приготовился к расспросам, но мать лишь забрала покупки и поблагодарила его.

Ни одного вопроса.

Он тогда обрадовался. Отец и без того находил повод придраться к каждой мелочи, а мать никогда не добавляла ему неприятностей.

Она вообще редко спорила. Когда отец начинал кричать, мать обычно опускала глаза, соглашалась или молча уходила на кухню. Антон помнил это с самого детства. Иногда ему казалось, что она специально выбирает самые короткие ответы, чтобы не разозлить его ещё сильнее.

Впрочем, бывали моменты, когда она всё-таки возражала. Тихо, почти шёпотом. Однажды попросила отца не трогать Антона. Тот резко повернулся к ней, и она осеклась на полуслове.

Антон тогда решил, что мать испугалась.

Теперь он не знал, как объяснить даже это воспоминание. Если женщину, которую он нашёл дома, действительно создали на таком производстве, то когда она появилась в их квартире?

И что случилось с той, которая была раньше?

— Антон, ты с нами?

Он поднял голову.

Кирилл стоял у развилки с раскрытым блокнотом.

— Да.

— Тогда помоги решить, куда идти. Ты лучше видел проход справа.

Антон посмотрел на две тёмные ветки тоннеля.

— Подожди. Нам нужно поговорить.

Кирилл закрыл блокнот пальцем, оставив страницу заложенной.

— О чём?

— О том, что мы видели.

— Давай хотя бы выберемся отсюда.

— А если потом уже не получится вернуться?

Кирилл посмотрел на него внимательнее.

— Ты к чему клонишь?

Антон не ответил сразу. Он попытался подобрать слова, которые ещё недавно показались бы ему полным безумием.

— Там собирали людей.

— Не людей.

— Они выглядели как люди. Разговаривали, двигались.

Один из работников вообще ничем не отличался от обычного человека, пока не открыл разъём на шее.

— Я видел.

— И у моей матери был такой же.

Кирилл убрал блокнот.

Они оба помнили ту квартиру. Холодную руку женщины, неподвижное тело, тонкую линию на шее. Кирилл сам осматривал её, пытаясь понять, что произошло.

— Да, — сказал он. — Был.

— Значит, она могла быть одной из них.

— Могла.

Антон посмотрел на него с раздражением.

— Ты можешь хоть раз сказать что-нибудь определённое?

— А что ты хочешь услышать? Что твою мать заменили машиной? Я не знаю, Антон. И ты не знаешь.

— Но мы видели, что такие машины существуют!

— Видели.

— Тогда почему ты ведёшь себя так, будто это ничего не меняет?

Кирилл шагнул ближе.

— Потому что это меняет всё. Именно поэтому я хочу сначала вывести нас отсюда.

Антон замолчал.

Слова Кирилла прозвучали убедительно. На несколько секунд ему даже захотелось согласиться, последовать за товарищем по несчастью и больше не думать о том, что осталось

за поворотом.

Но перед глазами снова возникло лицо матери.

— А если их используют вместо людей? — спросил он.

Кирилл не ответил.

— Не только вместо моей матери. Вместо кого угодно. Ты представляешь, сколько таких может быть в городе?

— Пока мы знаем только об одной женщине и о том, что увидели внизу.

— А если их сотни?

— Тогда тем более нельзя лезть туда вдвоём без подготовки.

— Втроём, — поправила Аня.

Они обернулись.

Она стояла возле стены, обхватив себя руками.

— Нас вообще-то трое.

Кирилл посмотрел на неё.

— Тем более.

Аня недовольно поджала губы, но спорить не стала.

Антон снова повернулся к Кириллу.

— Агенты Управления могли бы выглядеть точно так же.

— Возможно.

— Или обычные жители. Представь, что ты каждый день разговариваешь с человеком, а потом узнаёшь, что его собрали на конвейере.

— Антон…

— Ты бы заметил?

Кирилл открыл рот, но ничего не сказал.

— Вот и я не заметил.

Эти слова прозвучали тише, чем Антон собирался.

Кирилл опустил глаза на блокнот.

— Ты не обязан был замечать.

— А кто тогда обязан?

Вопрос остался без ответа.

Антон вспомнил, как мать встречала его после работы. Как накладывала еду, поправляла воротник куртки, напоминала взять с собой что-нибудь тёплое.

Он всегда считал, что это забота. Теперь ему хотелось узнать, кто научил её этим движениям. И почему от одной мысли об этом становилось так больно. И одновременно жутко.

— Мы идём к границе, — сказал Кирилл. — Там попробуем найти людей, которые знают больше нас.

— Каких людей?

— Пока не знаю.

— Отлично.

— А у тебя есть предложения получше?

Антон посмотрел назад, туда, откуда они пришли.

— Вернуться.

Кирилл несколько секунд молчал.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Мы только что оттуда сбежали.

— Нас никто не преследует.

— И тебя это успокаивает?

— Меня это настораживает.

— Тогда почему ты хочешь туда вернуться?

— Потому что, возможно, там есть ответы.

Кирилл провёл ладонью по лицу.

— Ты вообще слышишь себя?

— Прекрасно.

— Мы не знаем, сколько там охраны. Не знаем, что это за объект. Даже не знаем, действительно ли тот работник нас заметил. А ты собираешься добровольно вернуться?

— Да.

— И что ты будешь делать?

— Попробую выяснить, зачем их создают. Может, там есть сведения о моей матери.

— А если тебя задержат?

— Тогда…

Антон осёкся. Он не придумал, что будет делать в таком случае.

Кирилл заметил это и попробовал потянуть за ниточку.

— Вот именно.

— Но ведь они нас не остановили.

— Ты зациклился на этом. Отсутствие погони ничего не доказывает.

— А вдруг доказывает?

— Что?

— Что мы им неинтересны. Или что работники вообще не понимают, почему должны нас задерживать.

Кирилл покачал головой.

— Ты видел разъём на шее у одного из них и уже решил, что знаешь, как они устроены?

— Я ничего не решил. Поэтому и хочу разобраться.

— Антон, мы можем вернуться сюда позже. С людьми, которым доверяем. С каким-нибудь планом.

— А если они всё уберут?

— Кто?

— Управление. Кто ещё мог построить такое место?

Кирилл отвёл взгляд.

Антон понял, что впервые за разговор друг не нашёл, чем возразить.

— Мы уже видели, как они работают, — продолжил он. — Помнишь, что произошло возле люка? Евгений приехал с агентами, будто заранее знал, где нас искать. А потом нас почему-то не задержали.

— Помню.

— И сейчас то же самое. Нас заметили. Мы ушли. Никто даже не попытался остановить.

— Может, нас ведут.

Антон посмотрел на него.

— Ты сам в это веришь?

— Я больше ничему не удивлюсь.

— Тогда какая разница, куда мы пойдём? Если они дей-

ствительно знают, где мы находимся, разве граница нас спасёт? Я предлагаю воспользоваться ситуацией.

Кирилл с силой захлопнул блокнот.

— Хватит искать оправдания!

Его голос ударился о стены тоннеля.

Аня вздрогнула.

Кирилл тоже заметил, насколько громко прозвучали его слова, и оглянулся.

Несколько секунд они прислушивались.

Тишина.

— Ты решил вернуться ещё до того, как начал этот разговор, — произнёс он уже тише.

Антон не стал отрицать.

— Да.

— Тогда зачем спрашивал моё мнение?

— Потому что оно для меня важно.

— Судя по всему, не очень.

Пока они спорили, Аня незаметно достала телефон. Она дождалась, когда Кирилл снова отвернётся к Антону, прикрыла экран ладонью и открыла сообщения.

Ничего. Последнее указание Управления оставалось прежним. Она проверила время, затем соединение. Связь была слабой, но сообщения должны были приходить.

Аня обновила переписку. Экран остался пустым.

Ну же.

Она провела пальцем по экрану ещё раз.

Кирилл говорил что-то о безопасности, Антон перебивал его. Их голоса становились всё громче, но Аня почти не различала слов.

Почему Управление молчало?

Ещё недавно ей казалось, что за каждым её шагом следят. Стоило отклониться от маршрута, как появлялось новое сообщение. А теперь они обнаружили подземное производство, Антон собирался вернуться туда один, и никто не давал ей никаких указаний.

Она могла сообщить об этом сама. Достаточно написать несколько слов.

Антон намерен вернуться на объект.

Аня открыла поле ввода.

Палец застыл над клавиатурой.

Она вспомнила женщину за стеклом. Та только что открыла глаза, а уже послушно повторяла чужие движения. Подняла руку. Опустила. Улыбнулась, когда её подвели к зеркалу.

Аня тогда не могла отвести от неё взгляд. Теперь она сидела в тёмном тоннеле и ждала, пока кто-нибудь скажет ей, что делать.

— Ты вообще представляешь, что будет, если тебя поймают? — голос Кирилла заставил её поднять голову.

— Представляю, — ответил Антон.

— Нет. Не представляешь. Ты даже не знаешь, что они с тобой сделают.

Аня посмотрела на недописанное сообщение.

Она тоже не знала.

Представитель Управления обещал ей новую жизнь. Возможность избавиться от ярлыка. Стать Избранной.

Но ни разу не сказал, что случится с Антоном, когда её работа будет закончена. В тот момент она не спросила. Ей слишком хотелось получить обещанное.

Аня стёрла сообщение. Не отправила. Просто стёрла. От этого стало ещё хуже. Она убрала телефон в сумку, но пальцы продолжали дрожать.

— Я не прошу тебя идти со мной, — сказал Антон.

Кирилл смотрел на него так, словно пытался понять, когда именно их разговор окончательно вышел из-под контроля.

— Ты не понимаешь, что происходит, — произнёс он.

— Так объясни.

— Я пытаюсь вывести тебя из города. Живым. А ты каждый раз находишь новый способ поставить всё под угрозу.

— Я не просил тебя отвечать за мою жизнь.

Кирилл замер.

Антон сразу пожалел о сказанном.

— Я не это имел в виду.

— Нет, именно это.

— Кирилл…

— Думаешь, мне больше нечем заняться? Что я просто так таскаюсь с тобой по тоннелям?

— Я знаю, сколько ты для меня сделал.

— Тогда почему ведёшь себя так, будто мне всё равно, что

с тобой случится?

Антон опустил глаза. На полу возле его ботинка тянулась тонкая трещина. Он проследил за ней взглядом до самой стены, лишь бы не смотреть на Кирилла.

— Я не хочу всю жизнь прятаться, — наконец произнёс он.

— Никто не предлагает тебе прятаться всю жизнь.

— Но сейчас ты предлагаешь уйти.

— Потому что сейчас это разумно!

— Для тебя.

Кирилл горько усмехнулся.

— Да, Антон. Для меня тоже. Представь себе, я не хочу умирать под землёй.

Антон поднял голову.

— А я не хочу прожить остаток жизни, так и не узнав, что случилось с моей матерью.

Кирилл открыл рот, но Антон продолжил:

— Я уже однажды поверил, что всё нормально. Что она просто стала другой. Что у неё такой характер, что она устала, что отец окончательно её сломал. Я годами находил этому объяснения.

Он замолчал.

Перед глазами возникла кухня. Мать стояла у плиты и помешивала суп. Отец что-то кричал из комнаты, а она продолжала смотреть в кастрюлю.

Антон помнил, как злился на неё за молчание.

Теперь ему было стыдно даже за эти воспоминания.

— Я не знаю, сколько лет рядом со мной жила эта машина, — сказал он. — И не знаю, что стало с настоящей матерью. Но если я сейчас уйду, то снова сделаю вид, что ничего не произошло.

— Ты не делаешь вид.

— Для меня это будет именно так.

Кирилл отвернулся. Несколько секунд он смотрел в тёмный проход, затем вернулся к Антону.

— Ты хоть понимаешь, что можешь больше нас не увидеть?

— Да.

— И тебя это не останавливает?

Антон посмотрел на Аню. Она стояла чуть поодаль, держась за стену. Лицо у неё было бледным, а розовые пряди прилипли к виску. Потом он снова повернулся к Кириллу.

— Останавливает.

— Но?

— Но я всё равно пойду.

Кирилл медленно кивнул.

— Тогда иди.

Антон не ожидал такого ответа.

— Что?

— Ты всё решил. Я тебя не удержу.

— Кирилл…

— Нет, подожди. Теперь ты меня послушай.

Кирилл приблизился к нему.

— Я не считаю это смелостью. И не собираюсь говорить, что ты поступаешь правильно. По-моему, ты совершаешь огромную глупость.

Антон молчал.

— Но если я пойду за тобой, мы оба можем попасться. И Аня останется одна. А если потащу тебя силой, ты всё равно найдёшь способ вернуться.

— Наверное.

— Не наверное. Точно.

Кирилл достал блокнот и раскрыл его на странице со схемой тоннелей.

— Смотри сюда.

Антон подошёл ближе.

Кирилл показал на развилку, возле которой они стояли.

— Мы пойдём через коллектор. Если тебе удастся выбраться, возвращайся сюда и двигайся по этой ветке. Не сворачивай к старым водостокам. Там тупик.

Антон попытался запомнить расположение проходов.

— А если вы уже уйдёте?

— Значит, уйдём.

Он сказал это без злости, но Антону стало неприятнее, чем от всех предыдущих обвинений.

— Ты даже не подождёшь?

Кирилл поднял на него глаза.

— Сколько?

Антон не ответил.

— Час? День? Неделю? Я не знаю, сколько ты там пробудешь. И вернёшься ли вообще.

Он закрыл блокнот.

— Я не могу обещать, что буду ждать тебя здесь. Особенно с Аней.

Антон посмотрел на девушку. Она всё ещё стояла у стены, не вмешиваясь в разговор.

— Я понимаю.

— Очень надеюсь.

Кирилл убрал блокнот и протянул руку.

Антон несколько секунд смотрел на неё, затем пожал.

Кирилл сжал его ладонь крепче обычного.

— Если увидишь хоть что-нибудь подозрительное, уходи. Не пытайся играть в героя.

— Постараюсь.

— Антон.

— Что?

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Кирилл отпустил его руку.

— Тогда удачи.

Антон кивнул.

Он хотел сказать что-нибудь ещё. Поблагодарить, извиниться, объяснить, что не собирается перечёркивать всё, через что они прошли. Но ни одна фраза не казалась подходя-

щей.

Аня сделала шаг к ним и вдруг остановилась. Тошнота, которую она пыталась подавить последние несколько минут, резко усилилась. Она сглотнула. Во рту появился кислый привкус.

— Аня? — Антон первым заметил, что с ней что-то не так.

— Всё нормально.

Она попыталась выпрямиться.

— Просто душно.

Кирилл посмотрел на неё.

— Ты белая как стена.

— Спасибо, очень приятно.

Аня хотела улыбнуться, но новый спазм заставил её зажать рот ладонью. Она отвернулась и поспешила к стене. Её вырвало.

Кирилл подошёл, но Аня выставила руку, не позволяя ему приблизиться.

— Не надо.

Она опёрлась ладонью о бетон. Желудок снова сократился, хотя в нём почти ничего не осталось.

Антон остановился рядом.

— Тебе лучше присесть.

— Сейчас.

Она вытерла рот рукавом и несколько раз глубоко вдохнула.

Кирилл присел возле неё.

— Может быть продукты были с истекшим сроком годности…

— Кирилл, пожалуйста.

Он замолчал.

Аня медленно опустилась на корточки. В голове всё ещё стоял производственный зал. Женщина на столе. Её улыбка. Работник, который даже не повернул головы, когда рядом упала металлическая деталь.

Аня вспомнила, как сама несколько минут назад обновляла сообщения.

Ещё раз.

И ещё.

Она посмотрела на свою сумку и почувствовала новый приступ тошноты.

— Может, остаться с тобой? — спросил Антон.

Аня подняла голову.

— Что?

— Ты плохо себя чувствуешь. Может, нам пока не разделяться?

Она почти рассмеялась. Ещё минуту назад Антон готов был поссориться с Кириллом окончательно, лишь бы вернуться на производство. А теперь собирался отказаться от своего решения из-за неё.

— Не надо, — сказала она.

— Уверена?

— Да. Мне уже лучше.

Это было неправдой, но стоять она действительно могла.

Кирилл помог ей подняться.

— Пойдём медленно, — сказал он. — Если станет хуже, остановимся.

Аня кивнула.

Антон посмотрел на неё.

— Прости, что так получилось.

Она нахмурилась.

— Ты-то тут при чём?

— Не знаю. Из-за меня мы вообще оказались здесь.

Аня отвела взгляд.

Если бы ты только знал.

— Перестань, — сказала она. — Я сама решила пойти с вами.

Он кивнул.

— Тогда увидимся.

Аня хотела ответить сразу, но слова застряли в горле.

Она посмотрела на его лицо. На усталые глаза, испачканную куртку, волосы, которые он всё время пытался убрать со лба.

Он действительно собирался вернуться. Один. И она могла остановить его. Не рассказать всего, не признаться в сделке с Управлением. Хотя бы предупредить, что доверять людям на производстве нельзя.

Но что именно сказать?

Я знаю, что Управление интересуется тобой?

Я должна сообщать им о каждом твоём шаге?

Аня стиснула пальцы.

— Антон.

Он обернулся.

— Да?

Она почувствовала, как Кирилл тоже посмотрел на неё.

— Будь осторожен.

Антон чуть заметно улыбнулся.

— Постараюсь.

Антон попрощался с Кириллом и направился обратно.

Она провожала его взглядом, пока тот не исчез за поворотом. Телефон лежал в сумке. Аня достала его только тогда, когда Кирилл пошёл впереди. Открыла переписку. Новых сообщений не было.

Она набрала:

Антон вернулся на производство. Он один.

Перечитала. Палец остановился над кнопкой отправки. В памяти снова возникла женщина, повторявшая движения работника.

Аня стёрла сообщение.

— Идёшь? — окликнул Кирилл.

Она убрала телефон.

— Да.

И поспешила за ним.

Антон вернулся к вентиляционному коробу. Производ-

ство продолжало работать. Из-за решётки доносились равномерный гул оборудования и короткие сигналы, которые теперь он различал даже на расстоянии.

Он осторожно приблизился к отверстию. Внизу почти ничего не изменилось. Работники переходили между платформами, манипуляторы поднимали детали, конвейеры двигались с прежней скоростью.

Никакой охраны.

Антон нашёл глазами мужчину, который заметил их у решётки. Тот стоял возле одного из столов и проверял соединения на металлическом каркасе. Ничего в его поведении не указывало на то, что совсем недавно он обнаружил посторонних.

Антон отступил. Теперь предстояло решить, как попасть внутрь.

Он осмотрел стену возле вентиляционного короба. Металлические листы крепились к бетону крупными болтами. Ни двери, ни прохода. Пробраться через решётку он не смог бы. Даже если бы удалось её снять, технический канал был слишком узким.

Антон пошёл вдоль жёлтой линии в обратную сторону. Через несколько метров обнаружился боковой коридор, который они раньше миновали, не обратив внимания. Над ним горела тусклая лампа. На стене виднелась надпись, почти полностью стёртая временем.

Он подошёл ближе.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДОСТУП.

Под надписью находилась металлическая дверь.

Антон потянул её за ручку.

Закрыто.

Он осмотрел замок. Рядом не было ни панели для идентификации, ни считывателя. Только обычная замочная скважина.

Конечно.

Он уже собирался вернуться, когда услышал шаги.

Антон отступил за выступ стены.

Из соседнего коридора вышла женщина в сером комбинезоне. В руках она несла небольшой контейнер с инструментами. Женщина остановилась возле двери, поставила контейнер на пол и достала из кармана ключ.

Антон наблюдал за ней, почти не дыша. Замок щёлкнул. Женщина открыла дверь, подняла контейнер и вошла внутрь.

Антон дождался, пока её шаги стихнут.

Дверь медленно возвращалась на место. Он успел подхватить её прежде, чем язычок замка вошёл в паз. Несколько секунд стоял неподвижно, прислушиваясь. Затем осторожно проскользнул внутрь. За дверью оказался узкий служебный коридор. Здесь было гораздо чище, чем в тоннелях. По стенам тянулись кабели, под потолком горели длинные белые лампы.

Антон сделал несколько шагов.

Впереди раздались голоса.

Он остановился.

— Проверка завершена, — произнесла женщина.

— Спасибо. Можете передать результаты в систему.

— Конечно.

Антон оглянулся.

Назад можно было вернуться за несколько секунд. Он даже сделал шаг к двери. Потом вспомнил, ради чего пришёл, и направился в сторону голосов. Из-за поворота вышел мужчина в сером комбинезоне.

Антон узнал его сразу. Тот самый работник, который заметил их возле вентиляционной решётки.

Мужчина остановился.

Антон почувствовал, как вспотели ладони. Он приготовился бежать, но работник заговорил первым:

— Здравствуйте.

Антон молчал.

— Вы заблудились?

— Я…

Он посмотрел на коридор за своей спиной.

— Кажется, да.

— Здесь действительно непросто ориентироваться, если вы впервые.

Мужчина подошёл ближе.

Антон невольно отступил.

— Вам помочь?

— Вы меня видели, — выпалил он.

Работник остановился.

— Простите?

— Раньше. За вентиляционной решёткой.

— Да, помню. Вас было трое.

Антон ждал продолжения.

Мужчина посмотрел на его испачканную одежду.

— Надеюсь, вы благополучно выбрались из технического канала.

— Вы же кому-то сообщили о нас?

— Да.

— Кому?

— В систему обслуживания.

— И что вам ответили?

— Информацию приняли.

— Всё?

— Да.

Антон недоверчиво посмотрел на него.

— Вы не вызвали охрану?

— Нет.

— Почему?

Мужчина на мгновение задумался.

— Вы нуждались в помощи?

Антон не сразу понял вопрос.

— При чём здесь помощь?

— Вы находились в техническом канале. Возможно, вам

было трудно найти выход.

— А если мы проникли туда специально?

— Тогда, вероятно, у вас была причина.

— И вас она не интересует?

— Если вы расскажете, я постараюсь помочь.

Антон замолчал.

Работник стоял перед ним, терпеливо ожидая ответа.

Ни подозрения, ни попытки выяснить, кто он такой.

Антон решил проверить его.

— А если я собираюсь что-нибудь украсть?

Мужчина посмотрел на пустые руки Антона.

— Что именно вам нужно?

— Да не нужно мне ничего! — начинал выходить из себя.

— Понимаю.

— Нет, не понимаете.

Работник не возразил.

Антон провёл ладонью по волосам.

— Ладно. Забудьте.

— Хорошо.

Мужчина слегка отступил, освобождая проход.

— Вы хотите выйти?

Антон внимательно посмотрел на него. Ещё несколько минут назад он был уверен, что его задержат при первой же встрече. Теперь перед ним стоял человек, который даже после странного разговора не пытался остановить незнакомца.

— Нет, — ответил Антон. — Я хочу посмотреть, что здесь

происходит.

— Тогда вам лучше пройти в производственный зал.

Работник указал направление.

— Я могу вас проводить.

Антон не двинулся.

— Просто так?

— Вы ведь не знаете дорогу.

Мужчина произнёс это совершенно серьёзно.

Антон посмотрел на дверь, через которую проник внутрь.

Потом на сопровождающего.

— Хорошо. Покажите.

Они шли по длинному коридору. Мужчина двигался ровным шагом, не оглядываясь и не проверяя, следует ли Антон за ним. На повороте навстречу прошла работница с контейнером. Она поздоровалась с обоими, хотя Антона видела впервые.

Он машинально ответил.

— Вы здесь давно работаете? — спросил он у сопровождающего.

— Достаточно давно.

— И вам нравится?

— Да.

— Что именно?

Мужчина немного подумал.

— Возможность быть полезным.

Антон посмотрел на него.

— Кому?

— Тем, кто нуждается в нашей работе.

— Очень конкретно.

— Простите. Я могу рассказать подробнее о производственных процессах.

— Потом.

Они миновали стеклянную перегородку. За ней несколько работников стояли вокруг платформы с человеческим телом.

Антон невольно замедлил шаг. Один из мужчин поднял руку лежащего на столе человека. Под искусственной кожей проступили металлические соединения.

Антон посмотрел на шею своего сопровождающего. Под ухом виднелась тонкая линия.

— Можно спросить?

— Конечно.

— Что у вас там?

Мужчина коснулся шеи.

— Сервисный разъём.

Антон остановился.

— Для чего?

— Для диагностики и обслуживания.

— Вы тоже…

Он не договорил.

Работник терпеливо ждал.

— Вас тоже собрали здесь?

— Да.

Антон посмотрел на него внимательнее.

Мужчина выглядел лет на сорок. На лбу виднелись небольшие морщины, возле правого глаза — едва заметный шрам.

Если бы Антон встретил его на улице, то никогда бы не заподозрил, что перед ним машина.

— А вы помните, как это происходило?

— Нет.

— Почему?

— На тот момент моя система памяти ещё не была активирована.

Антон сглотнул.

— А что вы помните первым?

— Начало работы.

— И всё?

— Не совсем. У меня есть необходимые сведения о мире, людях и моих задачах.

— А детство?

— У меня его не было.

Мужчина произнёс это без сожаления.

Антон вспомнил мать.

Она рассказывала ему о своём детстве редко, но иногда всё же вспоминала какие-то истории. Про старую квартиру, про любимую игрушку, про школьную подругу.

Он слушал их, не задумываясь. Теперь ему хотелось

вспомнить каждое слово.

— А если вам дать чужие воспоминания? — спросил Антон.

Мужчина посмотрел на него.

— Что вы имеете в виду?

— Допустим, у человека была семья, работа, какая-то жизнь. Можно сделать так, чтобы вы всё это помнили?

— Для некоторых задач используются подготовленные данные памяти.

— Чужие?

— Я не располагаю сведениями об их происхождении.

Антон замолчал. Ему захотелось спросить, знает ли работник, что значит скучать по человеку. Помнит ли он хотя бы раз, как кто-то обнимал его без причины.

Но вопрос показался нелепым. Перед ним была машина. Машина, которая разговаривала с ним спокойнее и вежливее, чем большинство людей, которых он встречал.

Они вошли в производственный зал. Снизу помещение выглядело ещё больше, чем из вентиляционного короба.

Под потолком двигались механические конструкции. По конвейерам проходили отдельные детали человеческих тел. Работники проверяли соединения, устанавливали искусственную кожу, подключали кабели.

Антон остановился возле платформы, на которой лежала женщина. Её грудная клетка была раскрыта. Внутри виднелись металлические дуги и тонкие трубки. Работница в бе-

лом халате закрепляла небольшую деталь возле центра каркаса. Женщина выглядела совершенно обычной. Лет сорока, с русыми волосами и небольшой родинкой возле губы.

Антон смотрел на неё, пытаясь понять, зачем машине понадобилась родинка.

— Почему они все разные? — спросил он.

Сопровождающий остановился рядом.

— Внешность зависит от назначения и заданных параметров.

— Но ведь можно сделать всех одинаковыми.

— Технически возможно.

— Тогда зачем морщины, родинки, шрамы?

— Для достоверности внешнего облика.

Антон посмотрел на женщину.

— Достоверности?

— Да.

— Вы делаете их похожими на людей?

— Мы создаём биосинтетические организмы с человеческой внешностью.

— Зачем?

Мужчина слегка повернул голову.

— Для выполнения различных задач.

— Каких?

— У каждой модели своё назначение.

— А у этой?

Сопровождающий посмотрел на платформу.

— У меня нет доступа к её индивидуальным параметрам.

Антон недовольно выдохнул.

— Вы вообще можете сказать что-нибудь конкретное?

— Могу рассказать о технических характеристиках.

— Мне не нужны технические характеристики.

— Хорошо.

Мужчина замолчал и не пытался продолжить разговор.

— Вы не обиделись? — неожиданно спросил Антон.

— Нет.

— Я ведь довольно грубо с вами разговариваю.

— Вы задаёте вопросы.

— И всё?

— Да.

Антон хотел что-то сказать, но рядом раздался металлический звон.

Работница у соседней платформы уронила инструмент.

Она наклонилась, подняла его и осмотрела.

— Крепление ослабло, — сообщила она коллеге.

— Нужно заменить?

— Да. Я принесу другое.

Коллега кивнул.

Они продолжили работу.

Никто не повысил голос. Не потребовал объяснений. Не обвинил работницу в невнимательности.

Антон невольно вспомнил отца. Однажды он уронил дома чашку. Обычную старую чашку с отколотой ручкой. Отец

заставил его собирать каждый осколок руками, а потом ещё долго напоминал, что из Антона никогда не выйдет ничего путного с такими кривыми руками, которые выросли не из того места. Тогда ему было семь.

Он помнил, как старался не заплакать, потому что знал: за слёзы достанется ещё сильнее.

Антон посмотрел на работницу.

Она вернулась с новым инструментом и спокойно продолжила работу.

— У вас никто не злится? — спросил он.

— По какой причине?

— Например, когда кто-нибудь ошибается.

Мужчина посмотрел на соседнюю платформу.

— Ошибку необходимо исправить.

— А если человек делает их постоянно?

— Возможно, ему требуется помощь.

Антон невольно усмехнулся.

— И вы будете помогать ему бесконечно?

— Если это необходимо.

Он произнёс это без колебаний.

Антон сморщил лоб. В городе Чёрного народа любая ошибка могла стать поводом для нового ярлыка. Человек ещё не успевал понять, что сделал не так, а окружающие уже знали, кем он является.

Здесь же ошибку просто исправляли.

Антон представил, как отец роняет чашку, а кто-то спо-

койно приносит ему веник.

От этой картины захотелось рассмеяться.

Но смех так и не появился.

— А если я сейчас ударю вас? — спросил он.

Мужчина повернулся к нему.

— Зачем?

— Допустим, мне захочется.

— Вы сердитесь?

Антон растерялся.

— Неважно.

— Если вас что-то беспокоит, мы можем поговорить.

— Я не об этом.

— Простите. Тогда объясните, пожалуйста.

Антон посмотрел на его лицо. Мужчина не отступил. Не напрягся. Даже не попытался сократить дистанцию между ними.

— Вы не боитесь, что я могу причинить вам вред?

— Нет.

— Почему?

— Я не вижу причины, по которой вы захотели бы это сделать.

Антон замолчал. Впервые за всё время разговора он не нашёл, что ответить.

Мужчина стоял перед ним совершенно спокойно.

Он понимал слова Антона. Знал, что такое удар и причинение вреда. Но, похоже, не допускал мысли, что незнако-

мый человек действительно может напасть на него без причины.

Антон вдруг вспомнил, как мать поднимала руку, прикрывая лицо, когда отец резко вставал из-за стола.

Женщина, которую он считал своей матерью, знала, чего следует ожидать от человека, который злится.

А этот работник — нет.

Почему?

Антон посмотрел на его шею. Может быть, они были устроены по-разному. Или дело было в том, чему их научили.

— Мне нужно найти одну женщину, — сказал он.

— Вы потерялись вместе?

— Нет.

Антон помедлил.

— Я думаю, её могли создать здесь.

Мужчина внимательно выслушал его.

— Вы знаете её имя?

— Да.

— Тогда можно проверить наличие записи.

Антон почувствовал, как сердце забилось быстрее.

— Где?

— В информационной системе.

— Вы можете показать?

— Я помогу вам отправить запрос.

Мужчина указал на проход в дальней части зала.

Антон посмотрел туда. За стеклянной перегородкой находился небольшой коридор с несколькими дверями. Над одной из них висела табличка:

АРХИВ.

Он сделал шаг вперёд, но остановился.

— А если запись найдётся, я смогу узнать, где она сейчас?

— Это зависит от доступных сведений.

— А если её сделали не здесь?

— Тогда запись может отсутствовать.

— А если сделали здесь, но давно?

— Можно попробовать поискать.

Впервые за последние дни у него появилась возможность узнать хоть что-то о матери. Он не знал, приведёт ли она к настоящим ответам. Но теперь уже не собирался уходить.

— Пойдёмте.

Перед архивом стоял терминал.

Антон сразу заметил, что двери за ним не имеют ручек. Возле каждой находилась небольшая панель с индикатором.

Работник подошёл к экрану.

— Назовите имя, пожалуйста.

Антон назвал имя матери.

Мужчина ввёл его в строку поиска.

Несколько секунд экран оставался пустым.

Антон стоял так близко, что видел собственное отражение на стекле.

Затем появилась надпись:

ОБНАРУЖЕНЫ СОВПАДЕНИЯ.

— Нашли? — спросил он.

— Есть несколько записей с таким именем.

— Покажите.

На экране появились строки с регистрационными номерами и датами.

Антон быстро пробежал их глазами.

Имена не отображались. Только цифровые обозначения.

— А фотографии есть?

— Для просмотра подробных сведений необходимо разрешение.

— Чьё?

— Ответственного подразделения.

— Какого именно?

Мужчина посмотрел на экран.

— Эта информация мне недоступна.

Антон стиснул зубы.

— Но вы ведь работаете здесь.

— Да.

— И не знаете, что находится за этой дверью?

— Я знаю назначение архива. Но у меня нет доступа ко всем его материалам.

Антон посмотрел на строки. Одна из дат относилась к тому времени, когда ему было около пятнадцати. Он прочитал её ещё раз. Затем ещё. И ещё, и ещё, и ещё. Это могло быть совпадением. Мать не была единственной женщиной с таким

именем.

Но Антон не мог отвести взгляд.

— Вот эту, — сказал он, указывая на строку.

Работник коснулся экрана.

Появилось сообщение:

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

— Мне нужно открыть её, — сказал Антон.

— Для этого необходимо подтверждение.

— Тогда подтвердите.

— У меня нет таких полномочий.

— А у кого есть?

— У ответственного подразделения.

Антон резко отвернулся от экрана, щелкнув челюстью.

— Вы специально так отвечаете?

Мужчина посмотрел на него.

— Как?

— Чтобы ничего не сказать!

— Простите. Я не хотел вас расстроить.

Антон едва не рассмеялся. Он пришёл сюда, рискуя жизнью. Оставил друзей в тоннелях. Увидел, как на конвейере собирают существ, неотличимых от людей. А теперь стоял перед человеком, который вежливо извинялся за отсутствие доступа к архиву.

— Ладно, — произнёс он. — Как получить разрешение?

— Можно отправить запрос.

— Давайте.

На экране открылось новое окно.

УКАЖИТЕ ПРИЧИНУ ОБРАЩЕНИЯ.

Антон задумался. Как объяснить незнакомым людям, что он ищет собственную мать, если даже не знает, кто именно жил рядом с ним последние годы? Он коснулся клавиатуры.

Прошу предоставить сведения об объекте, зарегистрированном под указанным именем.

Антон перечитал написанное.

Объекте.

Он представил мать, сидящую у кухонного стола. Её руки, аккуратно сложенные на коленях. Тихий голос, которым она спрашивала, не голоден ли он.

Он стёр последнее предложение.

Начал заново.

Я ищу женщину, которая могла быть зарегистрирована в вашей системе. Мне необходимо установить её происхождение.

Антон остановился.

Слово «происхождение» тоже казалось неправильным.

Но ничего лучше он не придумал.

— Так подойдёт? — спросил он.

Работник прочитал текст.

— Да.

Антон нажал кнопку отправки. На экране появилась надпись:

ЗАПРОС ПРИНЯТ.

— И что теперь?

— Нужно дождаться ответа.

— Сколько?

— Срок рассмотрения зависит от категории обращения.

— А где я могу его получить?

— После подтверждения личности система сообщит вам доступный способ.

Антон посмотрел на экран.

Появилось новое окно.

ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ НЕОБХОДИМА ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ.

Он замер.

Идентификация.

В городе Чёрного народа без неё невозможно было даже купить продукты. Антон уже убедился в этом, когда пытался достать еду для них троих. Теперь система требовала того же самого.

Он вспомнил предупреждения Кирилла.

Не оставляй следов. Не пользуйся своим идентификатором. Не привлекай внимания.

Антон посмотрел на дверь архива. Возможно, за ней находились сведения о женщине, которую он искал. До ответа оставалось всего несколько действий.

— А без идентификации нельзя? — спросил он.

— В таком случае запрос не будет рассмотрен.

— Но я уже назвал имя.

— Необходимо подтвердить личность заявителя.

— Зачем?

— Таковы правила обработки обращений.

Антон сжал пальцы. Он мог уйти. Прямо сейчас. Вернуться в тоннели, попытаться догнать Кирилла и Аню. Сказать, что ничего не получилось.

И никто не стал бы его осуждать.

Кирилл, скорее всего, даже обрадовался бы.

Антон посмотрел на экран.

А если запись действительно о ней?

Он вспомнил, как в детстве мать укрывала его одеялом. Как осторожно прикрывала дверь, когда отец возвращался домой пьяным. Как однажды, думая, что Антон спит, села на край кровати и долго гладила его по волосам.

Он помнил тепло её ладони. Помнил, как старался не шевелиться, чтобы она не уходила.

Было ли это до подмены? Или после? Антон не знал.

Но сейчас ему отчаянно хотелось верить, что хотя бы одно из этих воспоминаний принадлежало настоящей матери.

— Хорошо, — произнёс он.

Работник указал на небольшую панель под экраном.

— Приложите ладонь, пожалуйста.

Антон помедлил.

Затем положил руку на холодное стекло.

По коже прошла тонкая полоска света.

Экран на мгновение потемнел.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НЕ ЗАВЕРШЕНА.

— Не получилось? — спросил Антон.

— Попробуйте ещё раз.

Он повторил действие. Полоска света медленно прошла по ладони. На этот раз ожидание затянулось. Антон посмотрел на работника. Тот стоял рядом, не проявляя ни малейшего беспокойства. Наконец экран мигнул.

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПОЛУЧЕНЫ.

Ниже появилась ещё одна строка:

РЕГИСТРАЦИОННЫЙ ИДЕНТИФИКАТОР НЕ ОБНАРУЖЕН.

Антон нахмурился.

— Что это значит?

Мужчина внимательно прочитал сообщение.

— Система не смогла установить соответствие.

— Какое соответствие?

— Между биометрическими данными и регистрационной записью.

— Может, оборудование неисправно?

— Я могу проверить его состояние.

Работник коснулся панели. На экране появилась короткая надпись:

ОБОРУДОВАНИЕ ИСПРАВНО.

Антон посмотрел на собственную ладонь.

— Тогда почему оно меня не узнаёт?

— Возможно, ваши сведения отсутствуют в регистраци-

онной системе.

— Это невозможно.

Мужчина ничего не ответил. Антон вспомнил, как всю жизнь пользовался городскими услугами. Учился, работал, получал сообщения, проходил проверки. У него были документы. У него была жизнь. Как он мог отсутствовать в системе?

— Попробуйте ещё раз, — потребовал он.

— Повторная проверка уже выполнена.

— И что теперь?

— Необходимо дополнительное рассмотрение.

Антон потянулся к экрану, но тот внезапно потемнел. Прежние сообщения исчезли. В центре появилась новая строка:

ОБНАРУЖЕНО НЕСООТВЕТСТВИЕ РЕГИСТРАЦИОННЫХ ДАННЫХ.

Антон отступил.

Следом возникло второе сообщение:

ИНФОРМАЦИЯ ПЕРЕДАНА В УПРАВЛЕНИЕ.

Он почувствовал, как пересохло во рту.

— Что это?

Работник посмотрел на экран.

— Система направила сведения для проверки.

— Куда?

— В Управление.

Антон резко повернулся к нему.

— Зачем?!

— Для установления причины несоответствия.

— Я не просил ничего передавать!

— Это автоматическая процедура.

Антон посмотрел на двери архива. Потом на коридор, по которому пришёл.

Он вспомнил мужчину возле вентиляционной решётки. Отсутствие погони. Работников, которые не пытались его остановить. Всё это время он считал, что ему невероятно повезло. Но теперь перед ним стояла машина, которая совершенно спокойно сообщила, что передала сведения о нём Управлению. И даже не понимала, почему это должно его пугать.

— Вы можете отменить передачу? — спросил Антон.

— Нет.

— Удалить мои данные?

— У меня нет таких полномочий.

— А кто может?

— Ответственное подразделение.

Антон отвернулся. Ему хотелось ударить по экрану. Разбить его, вырвать провода, уничтожить всё, что успело сохранить сведения о нём. Но он понимал, что уже поздно.

Мужчина стоял рядом.

— Вам нужна помощь? — спросил он.

Антон посмотрел на него. Впервые за всё время пребывания на производстве он по-настоящему испугался его добро-

желательности. Работник не собирался причинять ему вред. Он просто выполнял свою работу. И, похоже, даже не допускал мысли, что этим может погубить человека.

— Нет, — ответил Антон.

Он сделал шаг к выходу.

— Мне нужно идти.

— Конечно. Я могу проводить вас.

Антон остановился. Несколько секунд смотрел на мужчину, пытаясь понять, стоит ли соглашаться. Тот терпеливо ждал.

— Не надо, — наконец сказал Антон. — Я найду дорогу.

— Хорошо. Если понадобится помощь, обращайтесь.

Антон направился к коридору. Он старался идти спокойно, хотя больше всего хотел сорваться на бег. За спиной продолжали работать механизмы. Раздавались короткие сигналы, металлические детали перемещались по конвейерам.

Никто не пытался его остановить.

У самого выхода Антон обернулся. Работник уже вернулся к своим обязанностям. На его лице не осталось даже следа недавнего разговора. Антон посмотрел на закрытую дверь архива. Где-то за ней могла находиться правда о его матери. Но вместо ответа он получил новый вопрос. Почему система, которая знала о каждом жителе Чёрного народа практически всё, не смогла найти его самого?

Он вышел в технический коридор. И только теперь понял, что совершил именно то, от чего Кирилл пытался его убе-

речь.

Он сам сообщил Управлению, где находится.

А главное — впервые дал системе повод обратить внимание не на его поступки, а на то, кем он является.